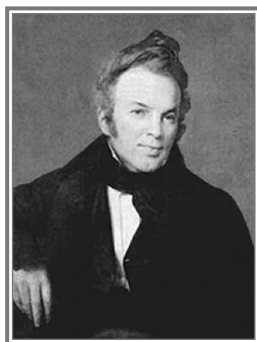

Лажечников и Тверской край

Выпуск 2

Лажечников и Тверской край

Выпуск 2: Литератор в провинции

«МАРИНА»

Тверь
2006

УДК 821.161.1.09+929Лажечников
ББК Ш5(2=411.2)51–4Лажечников И.И.28
Л 16

Лажечников и Тверской край. Вып. 2: Литератор в провинции: Статьи и материалы / Ред. **А. Ю. Сорочан**. – Тверь: Марина, 2006. – 184 с.

В издании собраны статьи и материалы, посвященные пребыванию в Тверской губернии в 1831–1853 гг. известного писателя И. И. Лажечникова. Основные темы сборника – литературная и административная деятельность Лажечникова в Твери, тверское окружение писателя. Для историков литературы, краеведов, культурологов.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ
(«Литератор у власти: русская провинция XIX века»),
проект № 05-04-04084а*

ISBN 5-88669-017-9

© Авторский коллектив, 2006

Предисловие

В 2006 году исполнилось 175 лет переезду И. И. Лажечникова в Тверь. За два десятка лет, прожитых в Тверской губернии, Лажечников не только стал признанным писателем, но сделал и административную карьеру. Этот сборник продолжает серию публикаций, посвященных тверскому периоду в жизни и творчестве И. И. Лажечникова – писателя и администратора. В 1831–1853 гг., когда Лажечников жил и работал в Тверской губернии, он теснейшим образом соприкасался с жизнью русской провинции. И существование чиновника-литератора в провинциальном обществе стало магистральной темой настоящего сборника.

Два десятилетия, проведенные Лажечниковым на тверской земле, до сих пор не получили обстоятельного освещения. В предыдущем выпуске¹ были намечены подступы к теме, опубликованы и републикованы тексты Лажечникова и его современников, помогающие прояснить некоторые обстоятельства жизни и творчества одного из виднейших русских романистов. Во втором сборнике продолжается публикация материалов о жизни губернии, об окружении Лажечникова. Но особое внимание уделяется соотношению литературной и административной деятельности в жизни писателя и его современников. Поэтому закономерно появление раздела «Чиновники и писатели», посвященного современникам Лажечникова, занимавшим различные посты в Тверской губернии. Это и А. Е. Измайлов – предшественник Лажечникова на посту

¹ Лажечников и Тверской край: Статьи и материалы / Ред. А. Ю. Сорочан. Тверь: Марина, 2006. Далее ссылки на это издание даются в краткой форме: *Лажечников*.

вице-губернатора, и П. Ф. Вистенгоф, служивший под началом Лажечникова, и И. Е. Великопольский, у родственников которого Лажечников приобрел Коноплино, и Н. М. Коншин, занявший место Лажечникова в дирекции училищ, и М. Е. Салтыков, ставший тверским вице-губернатором в начале 1860-х гг. Особняком стоит в этом ряду Ф. Н. Глинка; он близко знаком со всеми названными литераторами-чиновниками, но в губернскую иерархию уже «не вписывается». Эмпирическая ценность подобного описания велика: писателям, о которых идет речь, в истории литературы уделяется недостаточно внимания, а тексты их приходится отыскивать, извлекая из забвения. Но важна и более общая проблема: во всех случаях соотношение литературного творчества и административной деятельности оказывается различным. Не следует думать, что ситуация, сложившаяся в Тверской губернии, уникальна. Литераторов-чиновников в провинции XIX века очень много; поэтому наш опыт описания будет небесполезен для выявления общих закономерностей сосуществования «свободной» культурной жизни и «регулируемой» административной. Своего рода итоги осмысления данной проблемы на материале творчества Лажечникова подводятся в заключительной статье.

В сборнике намечены возможности для дальнейшего исследования заглавной темы. Мы пишем о сослуживцах и знакомых Лажечникова – но не рассматриваются пока взаимоотношения писателя с убитым в Твери А. А. Шишковым, публикуется очерк о Коноплине – но не изучена история имения Никольское. Работа над указателем «Тверское окружение Лажечникова» также далека от завершения. А еще остаются архивные документы, материалы Тверской ученой архивной комиссии. И еще, еще, еще... Ограниченность материала, как мы видим, кажущаяся. И тема «Лажечников и Тверской край» отнюдь этим изданием не закрыта. Посему продолжение серии – вопрос времени. А необходимость в этом продолжении – есть.

Редактор

СТАТЬИ

А. Ю. Сорочан

Тверская общественная жизнь в 1840 – начале 1850-х гг.

(из материалов «Тверских губернских ведомостей»)

В Твери Лажечников занимал официальные посты в 1831–1837 гг. (директор училищ) и в 1842–1853 гг. (почетный попечитель Тверской гимназии, с 1843 – вице-губернатор). По понятным причинам обстоятельства службы в дирекции училищ нуждаются в особо тщательном пояснении: именно в эти годы Лажечников зарекомендовал себя как литератор. Но документирован этот период крайне слабо. Его описание – дело ближайшего будущего. В настоящем же очерке я попытаюсь охарактеризовать отдельные стороны жизни губернского общества в годы вице-губернаторства Лажечникова; бесспорно, с этим обществом он был связан в силу служебного положения и личных отношений с различными тверскими обывателями. Основной материал для характеристики той сферы, в которой оказался Лажечников, дает печатный орган, редактировавшийся писателем – «Тверские губернские ведомости» (далее – ТГВ). В данных заметках я не пытаюсь охватить все аспекты жизни губернии, а пытаюсь указать на наиболее значимые события и дать общее описание того, что занимало губернское общество и было известно Лажечникову – редактору официальной части ТГВ. Опыт подобного описания был уже сделан применительно к 1860–1862 гг.² Надеюсь, и это развитие темы

² *Ерохин В., Кораблев М.* Тверская общественная жизнь 1860–1862 годов: по материалам губернских ведомостей // М. Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни / Ред. Е. Н. Строганова. Тверь: Издательство ТвГУ, 1996. С. 71–84.

окажется полезным для освещения некоторых аспектов творчества и биографии Лажечникова.

Писатель, как можно заметить, не слишком внимательно относился к исполнению редакторских обязанностей: даже официальную часть ТГВ неоднократно подписывали его подчиненные; неофициальная часть до 1851 года выходила нерегулярно, затем потребовался особый редактор (впрочем, большую часть своего вице-губернаторства Лажечников все же занимался и «прибавлениями» к ТГВ, и неофициальной частью «Ведомостей»). Да и само издание при Лажечникове как будто не процветает; по крайней мере, традиционно считается, что значимые материалы на страницах ТГВ появляются позднее, уже в 1860–1870-х гг., в период «освобождения» региональной прессы из-под гнета казенной регламентации. Но и «стандартный набор» губернских известий не может не привлечь внимания: ведь речь идет о тех, с кем общался Лажечников, о том, что он знал и чем, быть может, интересовался. И в дальнейших заметках будет рассказано о публикациях ТГВ, связанных с именем Лажечникова, о структуре издания и важнейших темах его, о курьезах и новостях тверской жизни.

1

Структура ТГВ в 1840-х годах неоригинальна: публикуются законодательные акты центральной и местной власти, сообщения о государственной политике, статистические сведения, результаты метеонаблюдений и описания различных стихийных явлений, отчеты о состоянии промышленности, торговли и сельского хозяйства, объявления различных местных учреждений. Многие материалы в этом последнем разделе представляются случайными. Какой интерес для тверских читателей могло представлять, к примеру, следующее объявление?

«О найденной медали»

Государственная крестьянка Ставропольской губернии села Новозаведенного Палагея Кононова нашла на большой дороге, ведущей в селение Обильное мимо села Новозаведенного, бронзовую дворянскую медаль 1812 года; лицо, потерявшее оную, имеет явиться с доказательствами в Пятигорский земский суд» (1848. № 23. Отд. 2. С. 216).

А вот сообщения о жизни тверского общества появляются крайне редко. Но тем они интереснее, как и все заметки, позволяющие представить круг интересов обитателей губернского города. На них попытаемся сосредоточиться.

Политические темы обходятся молчанием — региональное издание не должно их касаться. Конечно, открывают официальную часть ТГВ царские манифесты и распоряжения Совета министров. Далее следуют местные распоряжения: от служебных перемещений чиновников до объявлений о продаже домов и участков. И среди событий регионального значения легко выделить те, которые привлекают общее внимание, которые и составляют суть «общественной жизни».

Важность торговых дел представляется самоочевидной. Немалое место на страницах ТГВ занимают тексты, посвященные правилам и организации торговли. Указ «Об учреждении ярмарки в Тверской губернии: 2-х ярмарок в год» (ТГВ. 1843. № 6, ч. офиц. С. 31) имеет немалое значение. Цикл статей зубцовского помещика Д. П. Шелехова, постоянного автора «Библиотеки для чтения», о сельском хозяйстве (ТГВ. 1843. № 5–13) кажется в некотором роде новаторским. Следует особо отметить статью «Старые и новые понятия о сельском хозяйстве» (1843. № 10, приб. С. 36–41; № 11, приб. С. 44–47).

В 1841 году был создан комитет по устройству города Твери. Его деятельность принесла некоторые плоды; многие меры, предложенные комитетом, были осуществлены в следующее десятилетие: «От строительной комиссии объявляется о торгах на исправление старой и постройку новой мостовой по набережной улице Заволжской части г. Твери» (1843. № 42, ч. офиц. С. 314–315); «От строительной комиссии назначается торг на устройство в г. Твери Знаменской площади» (1843. № 43, ч. офиц. С. 320–321).

Немало реализуется благотворительных проектов; в некоторых принимала участие супруга И. И. Лажечникова (О продаже в пользу детских приютов портретов царственных особ. 1843. № 23. С. 156), к некоторым был причастен сам писатель (Об открытии в г. Твери Попечительского комитета о тюрьмах. 1843. № 35, ч. офиц. С. 243–244). Любопытен текст, регламентирующий доступ к информации самого массового читателя — крестьянства: «О требо-

ваниях, предъявляемых к книгам для крестьян» (1847. № 3, ч. неофиц. С. 6–8). Деятельность А. А. Лажечниковой была связана и с организацией женского образования в губернии. Объявления Императорского воспитательного общества благородных девиц постоянно публикуются в ТГВ (1847. № 48. С. 418–421). В самой же Твери только в 1844 году появился пансион М. Гроссвальд, объявление которого нельзя не привести.

«О пансионе для благородных девиц, открытом, с дозволения начальства, в городе Твери домашнею учительницей М. Гроссвальд

Г.<оспожа> Гроссвальд имеет честь известить почтеннейшую публику, что она открыла в г. Твери пансион для девиц; содержательница пансиона употребит со своей стороны всевозможные старания для оправдания соизволения высшего начальства и доверенности родителей.

Предметы преподавания суть следующие: закон Божий, языки русский, французский и немецкий, история, география, арифметика, рисование, чистописание и рукоделие.

Для музыки и танцевания делаются особые распоряжения.

Цена за каждую пансионерку в год 600 руб. ассигн., за полупансионерку 400 руб., за слушательницу 250 руб. ассигн., плата вносится за полгода вперед без вычета за вакантное время. Каждая воспитанница должна доставить в заведение один столовый прибор, 6 салфеток, скатерть, кровать, матрас и подушку.

М. Гроссвальд имеет жительство в Секретарской улице, в доме Пономарева, 3» (1844. № 24, приб. С. 63).

Проблема пожаротушения особенно занимала Лажечникова после поездки в Осташков; для местной пожарной команды, созданной купцами Савиными, он написал гимн. Этот интерес находил отражение в материалах ТГВ – не только в отчетах о пожарах и о награждениях за спасение погибающих, а и в материалах более общего свойства – таких, как статья «Новое тушение пожара» (1843. № 32, приб. С. 132–133).

Общественная активность обывателей Тверской губернии выражается не только в организации больницы, пожарных дружин и детских приютов. 1840-е годы можно назвать временем расцвета

тверской благотворительности³. Речь не только о коммерческих инициативах (хотя и они кратко отмечаются в «Ведомостях»); жители губернии стремятся исполнять своеобразно понимаемый «гражданский долг». Иногда подвиги человеколюбия прямо-таки замечательны. Так, ржевский житель Иван Никифоров в 1844 году дважды спасал из огня своих земляков; подвиги по спасению утопающих также часто упоминаются на страницах ТГВ. Но есть и просто курьезные эпизоды: «В пользу пострадавших от пожара жителей г. Бухареста пожертвовано жителями г. Весьегонска — 2 р. 55 коп.» (1847. № 49. С. 401). О государственных наградах за разного рода «гражданственные» поступки ТГВ исправно сообщают. Например, появляется там сообщение «О награждении за поимку дезертира»: «Государь Император, по положению комитета гг. Министров и по представлению г. министра внутренних дел, последовавшему по ходатайству г. начальника губернии, Высочайше повелеть соизволил в 9 день минувшего августа: крестьянку Тверского помещика Игнатьева Ирину Кузьмину за представление сына своего, бежавшего из воинской службы, наградить единовременной выдачей 10 рублей серебром из Государственного Казначейства» (1844. № 42. С. 242).

Но в местном издании нельзя не упоминать о местных происшествиях. В основном это — традиционный набор тем: метеорологические наблюдения, пожары, наводнения. Очень редко упоминается о преступлениях, хотя таковые, судя по «Памятным книгам по отчету по Тверской губернии», все же имели место. Однако на страницах ТГВ нет речи об убийствах и ограблениях (хотя дело о краже из кафедрального собора продолжалось с 1839 по 1852 гг. и произвело немалое впечатление)⁴. Мелкие же проступки подчас описываются весьма курьезно: «Вследствие отношения Тверской Духовной консистории объявляется, не окажутся ли где потерянные пономарем села Городка Старицкого уезда, Петром Ивановичем Никольским, полубархатная черная священническая риза с эпитрахии-

³ В указатель «Тверское окружение Лажечникова» включены наиболее известные купцы-благотворители.

⁴ См. о нем: Тверская прокуратура от Екатерины II до наших дней. Тверь, 2004. С. 139–145.

лью и серебряное кадило. Место, в ведомстве коего окажутся эти вещи, благоволит доставить их в консисторию» (1847. № 44. С. 381).

Особое место занимают сообщения об охоте. В ТГВ они занимают непривычно много места. Это касается не только статей, но и описаний разного рода происшествий. Приведем одну заметку, весьма типичную для газеты 1840-х гг.

«Редкой величины медведь»

21 марта нынешнего года в лесу, принадлежащем госпоже Толстой, в пяти верстах от с. Мелкова и недалеко от вновь устраиваемой железной дороги, крестьянами той же госпожи Емельяном Федоровым с двумя товарищами, убит редкой величины медведь. Летом 1844 года, на охоте за тетеревами, Емельян Федоров нечаянно напал на берлогу его, но будучи один, не вступил с ним в неравный бой. Осенью же, взяв с собой товарищей, после долгих поисков снова нашел ее. На этот раз медведь от них скрылся. Ныне же застали они его в берлоге, из которой он, потревоженный собакою, хотел бежать, но был догнан охотниками на лыжах и убит 3-мя выстрелами наповал.

Прошедшее лето медведь этот делал значительное опустошение в овсе и сломал в одну ночь 3-х коров; крестьянки боялись ходить в мох за клюквою.

Длина его от задних ног до носа 3 1/2 аршина, ширина груди между передних лап 1/2 аршина, пространство между ушей на лбу 7 вершков. Шерсть у него на спине бурая, а на брюхе черная. Крестьянам на месте давали за него 100 рублей ассигнациями; но они сочли выгоднее отвезти его для продажи в Москву. Жир его распродан был крестьянами дорогой ценой (по 20–25 коп. за фунт) для натирания им лишайных сытей» (1845. № 16. С. 42–43).

Важен для понимания позиции Лажечникова – чиновника и редактора – незначительный объем в ТГВ разного рода курьезных материалов. Сведения о происшествиях, чудесах и феноменах, не имеющих серьезного значения, отвергаются. Исключение составляют те события, которые позволяют сделать важные для обывателя выводы морального свойства. Например, такова статья «Кара небесная за ложную клятву: О случае с крестьянином Андреем Ульяновым, который дал ложную клятву и за это ослеп на оба глаза» (1844. № 14, приб. С. 40).

Разного рода «полезные советы» появляются в ТГВ постоянно. Однако их число резко возрастает после увольнения Лажечникова. Вместе с тем заметки утилитарного характера, содержащие сведения о новом и хорошо забытом старом, явно вызывали интерес читателей. Характерно заглавие одного из материалов: «Чай и кофе: О пользе этих напитков» (1844. № 19, приб. С. 55).

2

Очень мало в ТГВ материалов, посвященных собственно культуре и искусству. Но это не значит, что жизнь губернского города была уж так скучна. Вероятно, эти материалы считались менее важными по сравнению, например, с благотворительностью. При Лажечникове на страницах ТГВ не появляется ни одного художественного произведения. Однако немногие по-настоящему важные события все же освещаются. «О трагической гибели известного русского художника А. Г. Венецианова» в ТГВ появилось такое сообщение: «Известный наш художник Алексей Гаврилович Венецианов, ехав из своего Вышневолоцкого поместья на дворянские выборы, происходившие в нынешнем месяце в Твери, был выкинут из экипажа понесшими его лошадьми, жестоко изуродован и тут же на месте умер. Мы оплакиваем в нем высокого художника и еще более человека, отличавшегося прекрасными душевными качествами, которые снискали ему горячую любовь всех, кто только знал его» (1847. № 51, ч. неофиц. С. 104). Таково было первое упоминание в печати о смерти Венецианова. Этот некролог, как и большинство материалов ТГВ, не подписан. Об имени автора остается только гадать; предположить можно в равной степени и авторство Лажечникова, и Н. М. Коншина, к писаниям которого данный текст близок стилистически⁵.

Другие материалы ТГВ также имеют отношение к литературе и искусству. Публикуется повеление императора «О наложении запрещения на имение надворного советника Александра Герцена» (1849. № 49, отд. 2. С. 402). Появляется законодательный акт «О художественной собственности: Положение о правах художников

⁵ Можно сравнить его с текстами статей Коншина из ТГВ, которые републикуются в этом сборнике.

на свои произведения» (1846. № 11, ч. офиц. С. 60–61). Появляются воспоминания о И. А. Крылове⁶. Но это, пожалуй, и все...

Впрочем, есть еще регулярные журнальные новости. Здесь ТГВ преподносит ряд сюрпризов. Если просмотреть список изданий, объявления которых появляются в ТГВ, складывается впечатление, что как раз Лажечников этот список и формировал: «Сын Отечества» (1847. № 43, ч. неофиц. С. 98–101), «Московитянин» (1851. № 49. С. 135–138), «Пантеон и репертуар русской сцены» (1852. № 2, ч. неофиц. С. 1–5), «Северная пчела» (1850. № 42, ч. неофиц. С. 158–160), «Современник» П. А. Плетнева (1844. № 49, приб. С. 163), газета Н. И. Греча «Посредник» (1850. № 51, ч. неофиц. С. 157–158), журнал для детей «Духовное, историческое, естествоописательное и литературное чтение» (1850. № 49, ч. неофиц. С. 167), собрание сочинений Н. Кукольника (кстати, единственный случай сообщения о собрании сочинений в ТГВ!) (1851. № 46, ч. неофиц. С. 411)⁷.

Некоторого внимания заслуживает и публикация обширного анонса книги «Император Александр I и его сподвижники» (1845. № 29, приб. С. 110–112). Бесспорно, Лажечников имел отношение к такому подбору изданий. Он обращает внимание губернской публики не просто на издания, в которых печатается сам, но на журналы и газеты близкого ему «направления». Немалый объем анонсов также нетипичен для губернских ведомостей. По крайней мере, в годы вице-губернаторства М. Е. Салтыкова ничего подобного произойти не могло. И не происходило.

В известном смысле редактор Лажечников ограничивал кругозор своих читателей. Но в то же время в ТГВ появлялись материалы на совершенно иные темы. Исторические и этнографические публикации занимают немало места – особенно в конце 1840-х гг. Такова не утратившая и теперь значения статья «Тверской губернии Ржевского уезда село Молодой Туд с окружными селами и деревнями», содержащая описание свадебных и святочных обрядов (1850. № 34, ч. неофиц. С. 109–115; № 35, ч. неофиц. С. 116–119).

⁶ См. о них: *Лажечников*. С. 185–194.

⁷ Естественно, речь не идет об официальных изданиях – журналах министерств, собраниях законодательных актов и т. д. Информацию о них помещали все губернские ведомости.

Развитием темы стала «Программа для собирания образцов народного языка и словесности», представленная Академией наук (1852. № 12, ч. неофиц. С. 50–52).

Выступает в ТГВ со своими «Письмами о древних монастырях» И. Белюстин. Первое же «письмо» сопровождается таким редакционным примечанием: «С величайшею благодарностью печатаем эту статью, просим и впредь украшать подобными неоф. час. Тверских Губернских ведомостей» (1850. № 36. С. 122). Свидетельством немалого интереса является и примечание ко второму письму: «В одном из следующих №№ мы представим описание соборной церкви, построенной в Старице Иоанном Грозным, и за несколько десятков лет тому назад разрушенной. Если можно будет, мы приложим и рисунок с нее. Этот памятник древнего зодчества достоин, чтобы сохраниться хотя в этом виде для потомства» (1850. № 41. С. 138). Пусть намерение и осталось невыполненным, но Лажечникову, который десять лет был старицким помещиком, оно было близко. Возможно, инициатива подобного рода не исходила непосредственно от вице-губернатора, но его интерес к старине не мог не проявиться в редактируемом издании.

Однако в основном культурная жизнь сводится к светской. Вот уж по части увеселений губернский город богат. Разумеется, некоторое внимание уделяется театральным новостям⁸. Театр в Твери не чужд благотворительности – и на страницах ТГВ появляется отчет «О 3-х представлениях в пользу детского приюта и бедным г. Твери для вспомоществования» (1846. № 29, ч. офиц. С. 23). Конечно, бенефисы столичных артистов и гастроли заезжих музыкантов (например, оркестра бальной музыки, объявления о котором появлялись довольно часто) особенно волнуют губернское общество. Но есть здесь энтузиасты и своего, тверского театра. В заметках «Тверской театр», подписанных криптонимом «С.»⁹, чаще всего рассматриваются успехи местных актеров. Приведем один из этих текстов для характеристики развития театральной критики в провинции.

⁸ См. далее в сборнике статью Н. М. Коншина «Тверская летопись».

⁹ Более чем вероятно, что заметки «Тверской театр» писались С.А. Юрьевым (1821–1888), служившим чиновником особых поручений при губернаторе принимавшим участие в редактировании ТГВ во второй половине 1840-х гг.

Тверской театр. Бенефис Смирновой

Благодарим, искренне благодарим бенефициантку за выполнение роли Марины Мнишек в драме Гедеонова¹⁰ «Смерть Ляпунова». Без госпожи Смирновой не видать бы нам в настоящее время этой пьесы на сцене Тверского театра; не развернулся бы талант г-на Степанова в новом, до сих пор не подозреваемом нами виде. Мы не полагали, чтобы г. Степанов мог представить героя, в роли же Ляпунова он блистательно опроверг наше мнение. Сколько было у него мужества и огня во взорах, сколько решительности и духовной силы в движениях, сколько твердости в голосе и дикции! Не забудем никогда первого выхода нашего трагика во 2-м акте. Когда своевольные казаки и легкомысленные воины Ляпунова, привыкшие к буйству среди общих смут и нестроения государственного и подстрекаемые хитрым Заруцким, восстают против Ляпунова и, собравшись перед домом русского вождя, громко требуют его к ответу — Ляпунов является к ним. Но лишь только показался он на крыльце, лишь только раздалось его сильное слово: я здесь, — как стихла и присмирела вся эта дотоле шумная толпа, и боязливо отшатнулась назад перед разгневанным воеводой. Блистательно вышел г-н Степанов. Гордо и мощно глянул на разъяренную толпу. Чудно сказал: я здесь... Медленно и спокойно сошел он с крыльца и вступил в середину бунтующих. В поступи, во всем положении его было столько благородного достоинства, столько непобедимого могущества во взоре, столько гордого, уничтожающего величия, что становится понятным — отчего присмирел и рушился бунт.

Не забудем и того взгляда, которым уничтожил наш Ляпунов Марину, предлагавшую ему московскую корону. Не забудем и бранного восторга, которым сиял он, когда, услышав военную трубу, прынул с смертного одра и громко воскликнул: коня, коня! Радует, что так обманул нас г. Степанов, что показал нам, как силен и многосторонен талант его. За какую бы роль ни взялся он, так проникается ею, так превращается он в лицо, им представляемое, что подумаешь невольно: вот именно для ролей, подобных играемой в эту минуту, и создан только он. Каждая роль в новом для г. Степанова роде — новая

¹⁰ Гедеонов Степан Александрович (1816—1878), известный театральный деятель. Драма в пяти действиях в прозе «Смерть Ляпунова» написана в 1846 г.

победа для него в области драматического искусства. Решительно талант нашего артиста растет не по дням, а по часам.

Мы уехали от водевиля, который был дан после драмы, а потому ничего не можем сказать об нем (ТГВ. 1850. № 6, ч. неофиц. С. 6).

3

Имя Лажечникова появляется в заголовках ТГВ не так уж часто. Сначала публикуется сообщение о его утверждении почетным попечителем Тверской гимназии. Лажечников был избран дворянством на этот пост 24 февраля 1842 г.¹¹ Однако требовалось еще высочайшее утверждение. Официальное представление почетного попечителя состоялось 31 августа 1842 года на торжественном выпускном акте в гимназии. Подробный отчет об этом событии помещен в ТГВ. На торжестве присутствовали все чиновники губернии; делам образования в Твери уделялось немалое внимание и в 1830-х гг., когда директором училищ был сам Лажечников. Шесть лет спустя после отставки ситуация представлялась едва ли не идиллической. По крайней мере, это явствует из отчета по дирекции училищ за 1842 год, прочитанного старшим учителем Троицким:

«Милостивые государи!

Великие средства, данные Государем Императором к успешнейшему движению науки в нашем Отечестве, поставив учебные заведения на высшую степень, пробудили вместе с тем общественное доверие к несомненным успехам, ожидающим здесь дитя, попечительными родителями приготовленное к принятию науки. Опыты этого доверия с каждым годом проявляются все более; не оно ли начинает приводить сюда детей из домов высшего дворянства; не оно ли побудило и Вас, Мм. Гг., доставить нам честь сегодняшнего свидания! Училищное начальство, с признательностью принимая трогательную жертву вашу, поставляет со своей стороны обязанностью изложить краткий годичный отчет о состоянии учебных заведений тверской дирекции <...>

¹¹ Строганов М.В. И. И. Лажечников и Тверь (по материалам Тверского архива) // Лажечников. С. 10.

В истекшем академическом году в гимназии состояло 166 учеников; из них дворян потомственных и личных 127, принадлежащих к среднему сословию 39.

В пансионе, учрежденном при гимназии от щедрот благородного дворянства Тверской губернии, находилось воспитанников: дворянских 24, своекоштных 28 и 5 казенных, за содержание которых уплачивает государственное казначейство. Сверх того, пансион содержал одного благородного воспитанника собственными экономическими средствами с некоторым пособием от бывшего почетного попечителя гимназии. Воспитанник этот ныне поступил в казенные, а на место его попечитель Московского учебного округа, генерал-адъютант граф Строганов разрешил поместить малолетнего дворянина Веселаго с платою, вместо 500, только 250 рублей, по уважению ходатайства об этом его превосходительства предводителя дворянства Тверской губернии.

В низших учебных заведениях Тверской дирекции было в истекшем году 2045 учеников; сверх того, обучается в частных домах и у лиц духовного звания 1220. Движение наук совершается с желаемыми успехами, и по уездным городам многие дворяне отдают детей своих в казенные училища для первоначального обучения. Не взирая на это, совет гимназии, для совещания о мерах усиления успехов своих учеников и усовершенствования хода учения в течение ныне оконченного академического года имел 16 собраний...» (ТГВ. 1842. № 37, приб. С. 140–142). Общий тон отчета – бравурный. Вместе с тем следует отметить, что плата за обучение в гимназии оставалась достаточно высокой, и число «казенных» воспитанников было крайне невелико. В отчете подчеркивается благотворительная деятельность предшественника Лажечникова на посту почетного попечителя – полковника Н. Г. Головина. Вероятно, продолжения благотворительной традиции ожидали и от Лажечникова. Но он, как известно, в 1843 года сложил с себя полномочия в связи со вступлением в должность вице-губернатора. Оба события отражены в сообщениях ТГВ: «О назначении надворного советника Ивана Ивановича Лажечникова Тверским вице-губернатором» (1843. № 20, ч. офиц. С. 127) и «Об увольнении с должности попечителя Тверской гимназии И. И. Лажечникова» (1843. № 26, ч. офиц. С. 176).

В дальнейшем в ТГВ документируются изменения служебных обязанностей Лажечникова. В частности, некоторые сообщения позволяют установить, когда Лажечников исполнял обязанности губернатора: «Об отъезде начальника губернии Александра Павловича Бакунина в С.-Петербург и о вступлении в управление губернией вице-губернатора Ивана Ивановича Лажечникова с 24 февраля с. г.» (1844. № 10, ч. офиц. С. 56) и «Об отъезде г. начальника губернии действительного статского советника Александра Павловича Бакунина в С.-Петербург и о вступлении в управление губернией г. вице-губернатора И. Лажечникова» (1844. № 31, ч. офиц. С. 268)¹².

Частично отражены в ТГВ и награждения по службе: «О награждении Тверского вице-губернатора И. Лажечникова орденом Св. Анны 2 степени, Императорскою короною украшенным» (1849. № 19, отд. 2. С. 184). А в № 17 за 1851 г. появилось такое сообщение: «Высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству 8 апреля, тверской вице-губернатор, коллежский советник Лажечников за отлично усердную и ревностную службу всемилостивейше пожалован в статские советники» (С. 115).

Вместе с тем сообщение об отставке Лажечникова появилось лишь в связи с информацией о его преемнике: «О вступлении в должность Тверского вице-губернатора статского советника Извекова» (1854. № 1, ч. офиц. С. 8).

Лажечников не злоупотреблял правами редактора: очень часто он просматривал номер, уже вышедший из печати. В Научной библиотеке ТвГУ хранится любопытный экземпляр ТГВ: № 34 за 1847 с правкой Лажечникова. Вычеркнуты его рукой сведения о холере в Тифлисе (с неразборчивой пометой на полях) и в статье «Пароходство на о. Селигер» исправлена фраза: «Голенищев вполне оправдал доверие к себе гг. Савиных». Лажечниковым вычеркнуты слова «к себе» и на полях написано: «к нему». Однако такие

¹² К этому времени относится визит в Тверь великого князя Михаила Павловича, упоминаемый Лажечниковым (*Лажечников И. И.* Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А. П. Ермолова» // *Лажечников И. И.* Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М.: Советская Россия, 1989. С. 475).

исправления – исключение, а не правило. Лажечников не был склонен к редакторской работе (как и к цензорской, заметим). Редакционная политика ТГВ на протяжении десятилетия оставалась неизменной. Но выработывалась она под влиянием вице-губернатора. В 1853 году, когда на страницах появляется все больше патриотических, краеведческих и исторических материалов, газетой занимаются уже другие люди. И ее история – очень интересная сама по себе – выходит за рамки настоящего сообщения.

Имя Лажечникова исчезло со страниц ТГВ, но не из памяти тверичан. Тому свидетельства – и приветственные адреса из Твери, присланные на чествование писателя в 1869 году, и воспоминания А. К. Жизневского. И материалы собраний Тверской ученой архивной комиссии. Но это уже тема для особого сообщения...

А. В. Шитков

Коноплино: история поместья

Первое из известных в настоящее время документальных свидетельств о селе Коноплино находится в описных книгах за 1607 г. Старицкого Успенского монастыря, где упоминается сельцо Коноплино, которое сильно было разрушено в период литовского нашествия¹³. Дальнейшие официальные исторические данные о местности Коноплино относятся к 1747 г., когда сельцо входило в состав Раменской волости Старицкого уезда и принадлежало помещику, коллежскому асессору Ивану Ивановичу Сытину¹⁴.

Позднее Коноплино по наследству перешло к сыну И. И. Сытина – Николаю Ивановичу Сытину. Материалы Генерального межевания 1776 г. свидетельствуют, что «сельцо Коноплино и деревня Подвязье с пустошами во владении состоят Николая Ивановича Сытина. А по последней ревизии мужска полу в сельце Коноплине деветнатцать душ»¹⁵. Документы 1780 г. описывают усадьбу следующим образом: «Сельцо Коноплино и деревня Подвязье с пустошами Николая Ивановича сына Сытина. Число дворов – 14. Под усадьбою: десятин 7, сажен – 1910. Всего десятин 443, сажен – 1226... Земля иловатая с песком. Хлеб средственный. Лес дровяной. Крестьяне на пашне»¹⁶.

В начале XIX в. усадьба Коноплино по наследству перешла к титулярному советнику Ивану Николаевичу Сытину. Владея

¹³ *Крылов И. П.* Достопримечательности в уезде. Вып 1. Старица, 1915. С. 13, 57.

¹⁴ Описные книги Старицкого Успенского монастыря 1609 – 1907 гг. Старица, 1912, С. 65.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1354. Оп. 505. Д. – К – 60.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1731.

обширными земельными владениями, И. Н. Сытин одновременно вел строительные дела. В 1812 г. он заключает подрядный договор на строительство каменного усадебного дома, которое должно было начаться в мае, а завершиться в октябре. Однако время действительного окончания работ неизвестно; ему могла помешать война с Наполеоном¹⁷. На высоком берегу р. Волги, при впадении в нее р. Коржач, Иван Николаевич Сытин возвел трехэтажный каменный дом, состоящий из 22-х жилых комнат. Здесь же были построены многие вспомогательные помещения и деревянная церковь. Главный усадебный дом был построен в стиле классицизма. Он представлял собой кирпичное оштукатуренное здание с четырехколонным портиком тосканского ордера, состоящее из трехэтажной центральной части и двухэтажных крыльев. Северный фасад дома был украшен балконом, стоящим на массивных пилонах. С балкона открывался прекрасный вид на Волгу.

Следующие исторические сведения об усадьбе относятся к маю 1834 г., когда владевшая в то время Коноплино «госпожа Александра Чернцова» продает его «Прасковье Болховской и дочерям ея Елене и Александре Болховским», видимо, родственникам Великопольских из соседнего имения Чукавино¹⁸.

В 1835 г. Болховские продали селение известному русскому писателю Ивану Ивановичу Лажечникову; «последнему было указано, что имение Коноплино мало выгодно, однако Лажечников купил его и отвечал, что все это он знает, но что только хочет иметь хороший вид и хорошее местоположение»¹⁹.

Кажется, все известно об историческом романисте Иване Лажечникове, который пользовался у современников славой «отечественного Вальтера Скотта». Все изучено до мелочей: его проза, его вдохновенная жизнь. Но посещение Старицы писателем Лажечниковым в литературе не отмечено, хотя он, несомненно, бывал здесь неоднократно, ведь ему необходимо было для оформления купчей явиться в Старицу к уездным властям, чтобы узаконить вышеназ-

¹⁷ Усадьба Коноплино. Старицкий р-н, Тверской области. Научно-проектная документация. Историческая справка. Инв. № 150. Шифр 424/150. М., 1992. С. 4.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1350. Оп. 306. Д. 7. Кн. 2. Л. 388 об, 389.

¹⁹ 84-й журнал Заседания Тверской Ученой Архивной Комиссии. Тверь, 1901. С. 22.

ванную покупку. Кроме того, И. И. Лажечникову, как дворянину, поселившемуся в Старицком уезде, следовало нанести официальный визит предводителю дворянства. Но, оказывается, его связь со Старицей началась раньше приобретения поместья...

17 апреля 1831 года директор народных училищ Тверской губернии Иван Лажечников получает заявление от городничего Старицы Федора Наугольникова об открытии в городе уездного училища. В ответ Лажечников предписывает, чтобы ему доставили сведения «о настоящем народонаселении сего города, о числе каждого сословия обывателей, промышленности и происходящей от того потребности жителей в образовании»²⁰.

Переписка с Департаментом Народного образования об утверждении учебного заведения, Департаментом Государственного казначейства о его финансировании, поиск подходящего здания в Старице для училища, его ремонт и прочие хлопоты — на все это ушло более трех лет. И вот 6 ноября 1834 года в Старице состоялось торжественное открытие столь необходимого для города и уезда нового учебного заведения. На его открытие прибыл сам Иван Лажечников. Вот как описывает это событие штатный смотритель уездного училища Павел Князчинский: «В 8 часов утра назначенные в состав сего Училища ученики собрались в училище; в 9 часов отправились к Литургии в Старицкий Борисоглебский Собор в сопровождении полкового духового оркестра. По окончании Литургии Духовенство с хоругвями и святыми образами отправились в училищный дом, где состоялось собрание, на котором выступили: директор народных училищ Иван Лажечников, городничий Федор Наугольников, учитель Ловягин. Потом я давал попечителям приличное угощение. Причем, Господин Директор Иван Лажечников предложил пить первый тост за здоровье Государя императора, Господина Министра Народного образования и за здоровье посетителей...»²¹.

Такова история открытия в Старице уездного училища, в котором посильное участие принимал директор народных училищ

²⁰ Государственный архив Тверской области (далее — ГАТО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 764. Л. 2–10.

²¹ Там же. Л. 42–51.

тверской губернии русский писатель-романтик Иван Лажечников. Теперь, по прошествии полутора веков дистанции, видно, что интерес его к русскому провинциальному городку Старице отнюдь не случаен.

Здесь Иван Иванович работал над историческими романами – «Ледяной дом», «Последний Новик» и «Басурман». В 1838 г. в Коноплино приехал В. Г. Белинский, который хорошо знал Лажечникова и весьма высоко оценивал его творчество. Позднее писатель начал работать над новым романом «Колдун на Сухаревой башне». Однако работа шла медленно. Из ближайших соседей Лажечников мог поговорить о литературе и приятно провести время разве что с Великопольским, да и тот часто из Чукавино уезжал в Москву к своим друзьям. Однообразие деревенской жизни, болезнь жены – все это заставило Лажечникова в 1842 г. уехать из Коноплина в Тверь, где он был назначен попечителем Тверской гимназии, а спустя еще год – вице-губернатором Тверской губернии. А село Коноплино И. И. Лажечников продал сибирскому заводопромышленнику Карташеву²².

Через некоторое время поместье Коноплино приобретает корнетша Ольга Федоровна Лошакова²³ которая закладывает усадьбу в Санкт-Петербургский Опекунский совет²⁴.

В 1855 г. Лошакова продает имение гвардии штабс-капитану Афанасию Федоровичу Шишмареву²⁵, богатому помещику и крупному домовладельцу, имевшему 23 дома на самых лучших улицах Петербурга. Возможно, внезапная продажа связана с романтической историей проигрыша усадьбы в карты ее истинным владельцем – богатым старицким помещиком Нилом Ивановичем Лошаковым, т. к. О. Ф. Лошакова, на которую было оформлено поместье, доводилась женой брату Нила Ивановича²⁶.

Ввоз во владение и выдача свидетельства на усадьбу Коноплино А. Ф. Шишмареву были задержаны до 1861 г., т. к. в документах

²² Там же. Ф. 310. Оп. 1. Д. 54643. Л. 39.

²³ Там же. Л. 1; Д. 51896. Л. 1, 4.

²⁴ Сенатские ведомости, 1853.

²⁵ РГИА. Ф. 577. Оп. 41. Д. 3857. Л. 3.

²⁶ Усадьба Коноплино. Старицкий р-н, Тверской области. Научно-проектная документация. Историческая справка... С. 7.

Опекунского совета и купчей крепости от Лошаковой имелись различия в размере угодий более чем на 100 десятин земли²⁷, которые были погашены при выкупе земли крестьянами деревень Подвязье и Шарапово²⁸.

С именем Шишмаревых связаны все дальнейшие преобразования в Коноплине.

С раннего детства Шишмарев имел большое пристрастие ко многим видам спорта, но особенно предпочитал бега. В своем поместье он завел много хороших лошадей. Всегда выезжал на тройках, а в особо торжественных случаях – на шестерках.

В Коноплине была сделана беговая площадка, на которой Шишмарев не только тренировался, но и устраивал бега. На бега приезжали любители из многих стран, особенно частыми гостями были англичане. Эта беговая площадка сейчас хотя и заросла, но сохранила свои контуры.

Увлечение спортом способствовало его обогащению. Участвуя на бегах почти во всех странах мира, на лучшей своей лошади он заработал несколько миллионов. С Шишмаревым просто уже отказывались состязаться, ибо его лошадь была непобедима. Но однажды, находясь на привязи, лошадь каким-то образом удушилась. Тогда, чтобы увековечить память о ней, Шишмарев отлил бронзовый монумент и поставил его у себя в имении. После октябрьских событий этот монумент был перевезен в Старицу, а позднее сдан в металлолом.

В 1870 г. А. Ф. Шишмарев продает Коноплино своей жене Марии Николаевне. Купчая была совершена в Петербурге у нотариуса Старка²⁹. 8 января 1875 г. Афанасий Федорович Шишмарев скончался. Вероятно, именно в это время его супруга окончательно решила организовать в своем имении Мариинскую женскую обитель и всю оставшуюся жизнь посвятить Богу и людям.

В первой половине марта 1876 года Мария Николаевна обратилась к архиепископу Тверскому и Кашинскому Филофею, впоследствии митрополиту Киевскому, с таким прошением: «Зная

²⁷ ГАТО. Ф. 310. Оп. 1. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 39.

²⁹ Там же.

благотворное влияние обителей на религиозную и нравственную жизнь народа, я желаю, на спасение души своей и на пользу ближним, благоприобретенное имение мое, состоящее в Тверской губернии, Старицкого уезда, при усадьбе Коноплино и деревнях Подвьязье и Шараповой, со всеми землями, лесами, водами и всякого рода угодьями, в количестве 337 десятин 1415 сажень, предоставить на учреждение в оном Женской Обители на 60 лиц, по правилам иноческаго общежития, с училищем при ней для девиц и лечебницею для приходящих женскаго пола, с бесплатным пользованием их медикаментами...». Далее Мария Шишмарева писала, что в имении находится «трехэтажный каменный дом, длиною 10, шириною 8 сажень, крыт железом: в нем больших жилых комнат 22. В этом доме я принимаю на свой счет устроить храм во имя святого великомученика и целebbника Пантелеимона на 100 человек»³⁰.

После получения разрешения, Мария Николаевна немедленно принялась за устройство домово́й церкви, которая должна была разместиться на втором этаже. Здесь с помощью призванных мастеров в течение полутора лет и была устроена домовая церковь. Для ее освящения был приглашен архиепископ Тверской и Кашинский Евсевий³¹.

Одновременно с освящением домово́й церкви, через архиепископа Евсевия, по убеждению, Мария Николаевна принимает пострижение в монашество с именем монахини Марии. Вскоре она получает назначение настоятельницы новоучрежденной общины. К 1880 году количество сестер в общине доходило до 40. Тогда-то и решила настоятельница начать строительство вместительного соборного храма, предварительно испросив разрешение у архиепископа Тверского и Кашинского Саввы³². Этот указ последовал из Тверской духовной консистории 17 января 1880 года³³.

³⁰ Учредительница и настоятельница Старицкой Мариинской общины, монахиня Мария Шишмарева // Тверские епархиальные ведомости. Тверь. 1877, февраль. С. 67.

³¹ Там же. С. 67–68.

³² Там же. С. 69–71.

³³ Там же. С. 72.

Первая закладка соборного храма проходила при стечении большого количества народа 26 июня. Храм решили построить на том месте, где был роскошный цветник. Под руководством архитектора Гельбиха в течение 3-х лет производились наружные работы постройки храма и колокольни. Материал для постройки – камень и кирпич – был собственный. Для производства кирпича был устроен на берегу Волги собственный завод, а камень добывался тут же, на крутых волжских берегах.

К 1887 году соборный храм во имя св. Живоначальной Троицы был вполне благоустроен и снабжен необходимою утварью. Все постройки мать Мария производила исключительно на свои средства. Для строительства соборного храма настоятельница пожертвовала до 63 тысяч рублей. К началу 1889 года настоятельница общины решила приступить к освящению соборного храма во имя св. Живоначальной Троицы³⁴. Ходатайство ее было удовлетворено и в назначенный день, а именно 16 января 1889 года, в общину прибыли епископ Старицкий Гавриил и архимандрит Новоторжского Борисоглебского монастыря Макарий, которые и осветили храм³⁵. Через два года в соборном храме был освящен придел церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы. По словам местных жителей, Троицкий собор был разобран в 1950-е годы.

По всей видимости, одновременно с храмом велось сооружение часовни у южной стороны Троицкого собора над источником. Часовня до сих пор сохранилась.

Предметом особого внимания матушки Марии, как настоятельницы, была забота обучения сестер хоровому пению. Для этого был приглашен регент, который в короткое время и устроил хор певчих из сестер. В свободное от службы время настоятельница общины давала сестрам послушания, каждой по силе и способностям. «По ея назначению одни из сестер вышивали золотом, шелками, бисером священные облачения: другие – несли более трудные черные работы – в поле, в огородах, ухаживали за скотом».

³⁴ Там же. С. 73.

³⁵ Там же. С. 74; *Крылов И. П.* Достопримечательности в уезде. Вып. 2. Старица, 1916. С. 92.

В сентябре 1891 года матушка Мария тяжело заболела: «У ней образовались нарывы в горле. Три дня она лечилась домашними средствами, а на четвертый — послали за доктором А. В. Сперанским, который, прибывши к ней, оказал ей первую медицинскую помощь». 11 ноября 1891 года в 5 часов утра соборный колокол возвестил всей округе о печальном событии — кончине матушке Марии.

В течение двух дней у гроба ее служили панихиды. 13 ноября решено было похоронить почившую. Литургию в этот день служил архимандрит Новоторжского Борисоглебского монастыря Макарий. После отпевания гроб с телом матери Марии, при пении сестрами духовных песней и печальном звоне колоколов, был обнесен на руках сестер вокруг соборного храма.

Потом печальная процессия остановилась перед склепом под соборным храмом, где «уже ранее были похоронены ея муж А. Ф. Шишмарев, брат И. Н. Аксенов и генерал А. И. Корон». Место было заблаговременно приготовлено под приделом в честь св. Марии Магдалины, куда и был опущен гроб с телом. Позднее над могилой появился памятник³⁶.

После смерти матери Марии сестрами обители была избрана мать Олимпиада, настоятельница до 1898 г. Затем на ее место была избрана мать Ангелина, при которой община была переименована в заштатный монастырь. В 1902 г. мать Ангелина была назначена игуменьей монастыря, эту должность она занимала до 1907 г. Потом до 1915 г. правила монастырем мать Антонина.

К сожалению, размеренная жизнь Старицкой Мариинской женской обители была нарушена революционными событиями в России в 1917 году. Огромный пласт отечественной культуры оказался как бы отрезанным. Всех монахинь обители выселили, а здание было занято различными административными службами: здесь устраивали дом инвалидов, дом престарелых, психиатрическую лечебницу...

³⁶ Там же. С. 75–76.

Настенные фрески в усадьбе Коноплино

*Троицкий собор
Мариинского монастыря
в с. Коноплино*

*Дом И. И. Лажечникова
в с. Коноплино*

*Здание уездного
Старицкого училища,
на открытие которого
6 ноября 1834 года
побывал директор
департамента нар.
училищ Тверской губернии
И. И. Лажечников*

С. А. Васильева

К биографии И. И. Лажечникова: из материалов Тверской ученой архивной комиссии

К фактам биографии и творческой деятельности И. И. Лажечникова, связанным с Тверской губернией, Тверская ученая архивная комиссия (ТУАК) обращалась неоднократно. Это было обусловлено и той значительной ролью, которую играл Лажечников в общественной жизни Твери и Тверской губернии, и его широкой известностью как писателя.

На заседании ТУАК в 1894 г. председатель комиссии А. К. Жизневский, много лет друживший с писателем, прочел свои воспоминания об И. И. Лажечникове³⁷. Жизневский поставил вопрос об уточнении года рождения писателя. Столетие со дня рождения Лажечникова праздновалось в сентябре 1894 г., формулярный список позволил Жизневскому сделать другой вывод: «<...> как называется ныне, столетие дня рождения Ивана Ивановича в действительности исполнилось в 1890 году. В этом удостоверяет формулярный о службе его список 1853 года, хранящийся в Тверском губернском правлении; в этом списке показано Ивану Ивановичу 63 года от роду. Такая официальная дата должна считаться верною тем более, что она устраняет несообразность, как, напр., награждение его чином актуариуса в Архиве коллегии иностранных дел двенадцати лет, если бы считать годом рождения

³⁷ Текст воспоминаний см.: *Жизневский А. К. Мои воспоминания об Иване Ивановиче Лажечникове. Публикация и примечания А. Ю. Сорочана // Лажечников. С.195–204.*

1794 г.»³⁸. Важность изучения жизни и творчества писателя, уточнения биографических фактов обуславливалась тем, что «в Тверской губернии Ив. Ив. Лажечников прожил в общей сложности почти 24 года в разных должностях. Здесь он написал лучшие свои романы: «Новик», «Ледяной дом», «Басурман». Здесь же он провел и лучшие годы своей жизни, сроднившие его с Тверью»³⁹.

На этом заседании были также прочитаны восемнадцать писем Лажечникова к Жизневскому, «прекрасный язык писем, подчас поэтические описания и отступления, меткие остроумные характеристики, вставленные стихотворения-экспромты — все это в связи с прекрасным портретом и свежими воспоминаниями А. К. Жизневского живо воскресили гуманную и просвещенную личность писателя»⁴⁰.

На 68 заседании ТУАК с сообщением выступил И. А. Иванов, который рассказал о своем посещении усадьбы Коноплино, принадлежавшей Лажечникову: «16 апреля 1898 года мне удалось посетить село Коноплино, где теперь женская община, учрежденная недавно г. Шишмаревой»⁴¹. В общину поступило все ее поместье

³⁸ Дата рождения писателя до последнего времени вызывала споры. Годом рождения Лажечникова, как правило, называли 1792 г. (См., напр.: *Петрунина Н. И.* Лажечников И. И. Русские писатели. Библиографический словарь: В 2 т. М.: «Просвещение», 1990. Т. 1. С. 399). В. А. Викторovich, на основании метрических записей, материалов Витебской ученой архивной комиссии и ТУАК, выявляет точную дату рождения Лажечникова — 14 сентября 1790 года.

³⁹ Журнал ТУАК. 1984. 9 октября. № 47. С. 7–8. Действительно, о тверском периоде жизни и творчества Лажечникова было известно очень мало. Современники, как правило, лишь перечисляли годы назначений на различные должности (см., напр.: *Нелюбов Л.* Иван Иванович Лажечников // *Русский вестник*. 1869. № 10. С. 596). Следует также отметить, что после «Басурмана» Лажечников работал в Коноплине над «Колдуном на Сухаревой башне», который остался незавершенным, там же писатель задумал драму «Опричник», «тема, по-видимому, была навеяна историей пребывания Ивана Грозного в Старице» (*Цветков Д.* Старица и окрестности. М.: Московский рабочий. 1986. С. 107). О тверских источниках в романах Лажечникова см.: *Сорочан А. Ю.* Тверская история в романах И. И. Лажечникова // *Лажечников*. С. 35–47.

⁴⁰ Там же. С. 8. Текст писем см.: Приложение. Письма Ивана Ивановича Лажечникова к А. К. Жизневскому / Публикация и примечания А. Ю. Сорочан // *Лажечников*. С. 205–231.

⁴¹ Мария Николаевна Шишмарева устроила в усадьбе Марфомариинскую женскую обитель, которая в 1900 г. стала монастырем. (см.: *Крылов И. П.* Дос-

с старинным барским домом, когда-то принадлежавшим известному писателю И. И. Лажечникову. От прежних владельцев сохранилось в доме немало вещей, из которых обращают на себя внимание две бронзовых люстры (более старинная с изображением муз на стекле), маленькая дверь с врезанною в нее доскою, на которой изображены типы разных национальностей, вид какого-то немецкого города и сцены из испанской жизни, старинная мебель затейливой формы, вероятно, работы крепостных столяров, несколько гравюр на стенах и пять-шесть книг на французском языке, изданных в Париже в сороковых и пятидесятых годах, преимущественно по архитектуре, с прекрасными иллюстрациями. Подписей, удостоверяющих, что эти книги принадлежали Лажечникову, нет.

В церкви, построенной недавно в центре монастырского двора, нет ничего любопытного, кроме двенадцати хороших копий италийской школы. В саду много старых кедров, пихт и лиственниц; по ограде густо разросся боярышник. Внутри монастырской ограды вблизи церкви находится небольшой гранитный столб; как мне передавали, под этим столбом похоронена любимая собака Шишмаревой, о чем и гласила надпись. По приказанию Высокопреосвященного Саввы, надпись уничтожена, а на столбе устроены солнечные часы». На заседании было принято решение «сделать сношение с теперешними владельцами усадьбы Коноплина о доставлении в комиссию книг и вещей, принадлежащих И. И. Лажечникову»⁴².

топримечательности в уезде. Старица: Типография И. П. Крылова, 1916. Вып.2. С. 88). До сих пор сохранились росписи храма Марфо-Мариинской обители (см.: Тверские усадьбы [Впечатления]. Кн. 1. Тверь, 2006. С. 156–157). О других владельцах Коноплино см.: Крылов И. Достопримечательности в уезде. С. 89.

⁴² Журнал ТУАК. 1898. 21 мая. № 68. С. 17–18. Сведения о приобретении предметов из усадьбы Лажечникова содержатся в отчетах Тверского музея. В списке 1900 г. значится: «№ 9687. Вид моря с парусным кораблем, писанный масляными красками. Из усадьбы Коноплино, принадлежавшей прежде И. И. Лажечникову. От настоятельницы женской общины в с. Коноплине, Старицк. у.» (Тверской музей и его приобретения в 1898, 1899, 1900 и 1901 годах / Составил хранитель музея В. Колосов. Тверь: Типография губернского правления, 1903. С. 72). Позднее были сделаны другие приобретения: «Картины на цветных стеклах из сельца Коноплина, Старицкого уезда, бывшей усадьбы Лажечникова И. И. Каждая картина составлена из нескольких цветных стекол, со-

В 1900 г. на одном из заседаний ТУАК речь шла о портрете Лажечникова, пожертвованном для музея В. И. Жизневской. Об этом портрете А. К. Жизневский писал в брошюре «Памяти Ивана Ивановича Лажечникова» (Тверь. 1895), отрывок из которой процитирован в журнале: «В 1853 году в субботу пред Вербным воскресеньем я принес Ивану Ивановичу от всеношней из церкви Симеона Столпника ветку вербы. Такое небольшое с моей стороны внимание тронуло Ивана Ивановича, и он, вынеся из спальни покойной жены свой фотографический портрет, подарил его мне, говоря: «вот Вам на память портрет мой, снятый для жены в лучшие минуты моей жизни». В 1852 году ездил он в Петербург, где был хорошо принят Министром и получил в награду тысячу рублей. В это же время снят подаренный мне портрет». О портрете А. К. Жизневский замечает: «Портрет очень похож, превосходно раскрашен». Члены комиссии приняли решение передать портрет в Музей⁴³.

единенных между собою цинком. На стеклах набросаны рисунки на библейские и средневековые сюжеты.

Большинство картин, судя по выставленным на них городам, относится к XVII веку, хотя попадает несколько картин XVI в. Повсюду старые немецкие надписи, пока еще не все разобранные. Размер картин: в высоту 8 1/2 в ширину 6 1/4 в.» (Тверской музей и его приобретения в 1902, 1903 и 1904 годах / Составил хранитель музея В. Колосов. Тверь: Типография губернского правления, 1907. С. 76) Далее следует описание картин (№№ 10323—10346. Там же. С. 76—82). Была приобретена и посуда: «11888. Фарфоровый молочник в виде вазы оливкового цвета с позолотой. На середине изображен мужчина, играющий на арфе; сзади его амур с луком. Ручка, оканчивающаяся орлиной головой, не прикреплена к молочнику. По словам продавца, этот предмет из усадьбы Лажечникова. 185 мм высоты», «11889. Фарфоровая большая чайная чашка с художественно выполненной картиной, изображающей поднесение колена-преклоненным пажем короны женщине с книгой в руке в присутствии короля со скипетром в руке. На обратной стороне клеймо неразборчивое, а под ним: С.П.Б. Оттуда же, 88 мм высоты» (Тверской музей и его приобретения в 1908 и 1909 годах / Составил хранитель музея В. Колосов. Тверь: Типография губернского правления, 1911. С. 32; об этих предметах см. также: Колосов В. Краткое описание Тверского музея: Третья комната музея. Тверь, 1912. С. 50, 71). В «Кратком описании Тверского музея...» Колосова содержится описание еще одного предмета: «11890. Кружка из матового стекла, с грубым изображением девицы, сидящей у столба, около которого растет дерево. Поступила из усадьбы Лажечникова» (Там же. 43 Журнал ТУАК. 1900. 28 марта. № 74. С. 28—29.

⁴³ Журнал ТУАК. 1900. 28 марта. № 74. С. 28—29.

На заседании ТУАК в 1901 г. было зачитано письмо Софьи Матвеевны Великопольской к ее мужу Ивану Ермолаевичу, переданное в копии председателю комиссии Н. И. Чаплиной, владелицей села Чукавино Старицкого уезда⁴⁴. В письме говорится о покупке И. И. Лажечниковым села Конопдино у Болховских. Когда И. И. Лажечников вместе с женой осматривал Конопдино, оно понравилось ему своим красивым местоположением: «Лажечников романтик, поэт, мечтатель; когда ему указывали на то, что имение Конопдино мало выгодно, он отвечал, что все это знает, но что он только хочет иметь хороший вид и хорошее местоположение»⁴⁵. Было принято решение копию письма С. М. Великопольской передать в Музей.

В 1913 году в журнале ТУАК был опубликован формулярный список Лажечникова, который немалую службу сослужил исследователям в уточнении биографии Лажечникова:

«Формулярный список о службе тверского вице-губернатора статского советника Лажечникова. Составлен 1853 года.

Статский советник Иван Иванович Лажечников.

Тверской вице-губернатор, шестидесяти трех лет, православно-го вероисповедания.

Кавалер орденов св. Анны 2-й степени с императорскою короною и 4-й степени, имеет серебряные медали за 1812 г. и 1814 г., жалов. 1400 руб., стол. 600 руб. и кварт. 570 руб., итого 2570 руб.

Сын коммерции советника.

Родового имения — нет, а благоприобретенное имение находится — в Тверском уезде 53 души крестьян.

У жены родового имения — нет и благоприобретенн. — нет.

Воспитывался в доме родителей.

В службу вступил в Московский архив Коллег<ии> иностранных дел студентом 1802 г. марта 8-го.

Награжден чином актуариуса 1806 г. января 2-го.

⁴⁴ Софья Матвеевна Великопольская, хозяйка имения Чукавино, расположенного неподалеку от Конопдино, находилась в родстве с Болховскими, владевшими Конопдино до 1835 г. Надежда Ивановна Чаплина — дочь И. Е. и С. М. Великопольских, вышедшая замуж за ржевского помещика Николая Андреевича Чаплина. В семье Чаплиных усадьба Чукавино оставалась до революции, затем была национализирована (см.: Тверские усадьбы [Впечатления]. Кн. 1. С. 154, 105).

⁴⁵ Журнал ТУАК. 1901. 6 ноября. № 84. С. 22.

Перемещен из архива в канцелярию московского гражданского губернатора 1810 г. августа 29-го.

Поступил в московское ополчение прапорщиком 1812 г. сентября 12-го.

Из одного переведен в Московский гренадерский полк 1812 г. декабря 24-го.

За компанию 1812 года получил серебряную медаль.

Назначен адъютантом к генерал-лейтенанту принцу Мекленбургскому Карлу 1813 г. марта 2-го.

Адъютантом к генерал-майору Полуэктову 1814 года апреля 14-го.

За оказанную в генеральном сражении под стенами Парижа храбрость пожалован кавалером ордена св. Анны 4-й степени 1814 года марта 14-го.

Произведен по высочайшему приказу в подпоручики.

Произведен по высочайшему приказу в поручики 1817 г. марта 3-го.

Назначен адъютантом к генералу от инфантерии графу Остерману-Толстому 1818 г. февраля 18-го.

По высочайшему приказу переведен в лейб-гвардию в Павловский полк с оставлением при прежней должности 1818 г. октября 31-го.

Уволен от военной службы для определения к статским делам 1819 г. декабря 22-го.

Государыня императрица Елизавета Алексеевна удостоила всемилостивейшего принятия сочиненную им книгу под названием «Походные записки» и, изъявив высочайшее согласие на посвящение оной ее имени, в знак всемилостивейшего внимания к полезным трудам, соизволила пожаловать ему золотые часы 1820 г. ноября 5-го.

Утвержден г. министром народного просвещения – директором пензенских училищ 1820 г. ноября 20-го.

Переименован в коллежские секретари 1820 г. ноября 25-го.

Послан был визитатором саратовских училищ 1822 г. в феврале.

За исполнение сего поручения наилучшим образом г. попечитель Казанского учебного округа свидетельствовал, что не преминет ходатайствовать о примерном награждении примерных заслуг его 1823 г. мая 18-го.

Определен директором Казанской гимназии 1823 года декабря 5-го.

Поручена сверх того должность директора казанских училищ с жалованием по сему месту 1824 г. апреля 25-го.

Изъявлена попечителем Казанского учебного округа чрез «Московские ведомости» благодарность за отличное устройство Казанской гимназии 1825 г. в октябре.

По предписанию г. попечителя Казанского учебного округа исправлял должность инспектора студентов Казанского университета 1826 г. январь по 5-е.

Уволен по собственному желанию от должности директора Казанской гимназии с предоставлением места директора казанских училищ 1826 г. июля 13-го.

За нахождение в сражении под Парижем, в память вступления в оный российских войск в 1814 г. получил серебряную медаль 1827 г. августа 15-го.

Уволен по собственному желанию от должности директора для поступления в Московский учебный округ или другое ведомство 1827 г. ноября 19-го.

Утвержден г. министром народного просвещения в звании директора училищ Тверской губернии 1831 г. марта 5-го.

Государь император и государыня императрица, благосклонно приняв чрез г. министра народного просвещения поднесенный их величествам экземпляр сочиненной им книги «Последний Новик», всемилостивейше пожаловали ему по бриллиантовому перстню 1833 г. в январе.

Произведен в надворные советники 1833 г. марта 7-го.

Всемилоостивейше награжден 1000 руб. ассиг. 1834 года марта 6-го.

От попечителя Московского учебного округа графа Строганова за благоразумные распоряжения и деятельность в приведении учебных заведений в Тверской губернии в должный порядок и устройство изъявлена благодарность 1836 г. сентября 10-го.

От должности директора училищ Тверской губернии по прошению уволен 1837 г. мая 12-го.

Награжден полною пенсией и правом ношения в отставке директорского мундира 1837 г. декабря 27-го

По избранию дворянства высочайше утвержден на трехлетие почетным попечителем Тверской гимназии 1842 г. февраля 24.

Согласно прошению и вследствие уведомления министра народного просвещения, от 4-го января 1843 г., о всемилостивейшем увольнении Лажечникова, по желанию, в 29 день декабря 1842 г. от должности почетного попечителя Тверской гимназии, причислен к министерству внутренних дел 1843 г. января 9-го.

Высочайшим указом, данным правительствующему Сенату, всемилостивейше повелено быть тверским вице-губернатором 1843 января 19-го.

Произведен за выслугу лет в коллежские советники 1844 г. ноября 4-го.

Всемилоостивейше пожалован кавалером ордена св. Анны 2-й степени 1846 г. октября 31-го.

Высочайшим рескриптом государыни императрицы на имя г. председателя Комитета главного попечительства детских приютов объявлено в числе прочих лиц искреннее благоволение ее величества.

Всемилоостивейше пожалован за усердную и ревностную службу орденом св. Анны 2-й степени с императорскою короною.

Высочайшим рескриптом государыни императрицы на имя г. председателя Комитета главного попечительства детских приютов объявлено в числе прочих особенное благоволение ее величества.

Всемилоостивейше пожаловано в единовременное пособие 1500 руб. 1850 г. мая 1-го.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 69 произведен за отличие в статские советники 1851 г. апреля 8.

Высочайшим рескриптом государыни императрицы на имя председателя Комитета главного попечительства детских приютов в числе прочих объявлено особенное благоволение ее величества 1851 г. марта 3-го.

Всемилоостивейше пожаловано в единовременное пособие 1000 руб. серебром 1852 г. января 13-го.

Был в походах по бытности в Московском ополчении в 1812 году при вступлении французских войск в Россию в разных движениях близ города Москвы и от оной в преследовании неприятеля 8 октября при атаке у селения Тарутина, 12 при городе

Малом Ярославце, ноября 7-го при Красном, 10 при разбитии неприятельского корпуса при г. Борисове, по бытности полка за границею в Варшавском герцогстве, марта 13 отправился в Мекленбург-Шверин с шефом своим, генерал-лейтенантом принцем Мекленбург-Шверинским Карлом, возвратившись оттуда в Саксонию, находился в генеральном сражении под Бауценом, при вступлении в Силезию по окончании перемирия был на марше чрез Богемию до Дрездена, а оттуда вновь отправился с шефом своим в армию бывшего крон-принца шведского при Граберене, прибыв обратно в полк чрез Ганновер, Гессен Кассельские владения, Франкфурт-на-Майне, герцогство Баденское и королевство Виртембергское, находился 23 при переправе чрез Рейн, 1814 года января 20 при генеральном сражении на полях Бриеннских, марта 8-го в сражении при Арсиссюр на Обе, 18 в генеральном сражении под стенами Парижа; из кантонирского распоряжения во Франции в г. Турнана с 21 мая в походе при переправе чрез Рейн 14 июня, в герцогстве Баденском, в королевствах Виртембергском, Саксонском, Прусском до российских границ, октября 2-е 1814 г. 2) по случаю вновь открывшейся компании находился с 16 апреля 1815 г. в походе за границу чрез Пруссию, Саксонию, Майн до города Вертио в Шампани на генеральных маневрах, на смотре при сем городе и обратно до российских границ.

Наказаниям и взысканиям не подвергался.

В отпусках был: 28 июля 1826 г. уволен университетом в Москву на 28 дней, следующего месяца 27 числа во время нахождения г. министра народного просвещения в Москве подал ему прошение об отсрочке отпуска с дозволением отбыть в г. С.-Петербург, на что и получил 5 сентября свидетельство на продолжение отпуска от сего числа на 28 дней, по прошению поданному г. министру народного просвещения в С.-Петербурге 26 октября<, > следовательно<, > после уже 22 дневной просрочки получил еще отсрочку на 26 дней по свидетельству 20 того же октября, между тем 5 мая 1827 г.<, > т.е. после просрочки 5 месяцев и 6 дней<, > просил г. министра выдать разрешение на свободное прожитие в обеих столицах до решения его дела об увольнении из Казанского университета, по каковому прошению и выдано два свидетельства<: > первое от 12 мая 1827 г. на прожитие в С.-Петербурге в продолжение одного

месяца, второе от 27 июня<,> т.е. за просрочкою 15 дней<,> на дозволение отправиться в Москву на один месяц, с окончания после сего срока отпуска по 18 октября 1827 г. просрочил 2 месяца и 21 день.

Был в отставке с 22 декабря 1819 г. по 20 ноября 1820 г., с 19 ноября 1827 по 5 марта 1831 г., с 12 мая 1837 г. по 24 февраля 1842 г.

Женат вторым браком на Марии Ивановой⁴⁶, детей не имеет. Жена исповедания православного»⁴⁷.

Во многом благодаря работе ТУАК в Государственном архиве Тверской области хранятся документы, имеющие отношение к тверскому периоду жизни и творчества Лажечникова⁴⁸. Журналы ТУАК и материалы ГАТО широко использовались краеведами и филологами для написания биографии Лажечникова, датировки его произведений, выявления тверских мотивов в творчестве писателя⁴⁹.

⁴⁶ Вторая жена Лажечникова – Мария Ивановна Озерова.

⁴⁷ Журнал ТУАК. 1913. 1 декабря. № 118. С. 13–18. Этот формулярный список подготовлен, очевидно, в связи с переводом Лажечникова в Витебск. В Государственном архиве Тверской области, кроме приведенного списка, хранятся также список 1832 г., подготовленный, видимо, в связи с вступлением в должность (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 7725) и список 1848 г. (Там же. Ед. хр. 1934; подробнее см.: *Строганов М. В. И. И. Лажечников и Тверь* (по материалам Тверского архива) // *Лажечников*. С. 9).

⁴⁸ См.: *Строганов М. В. И. И. Лажечников и Тверь* (по материалам Тверского архива). С. 9–34.

⁴⁹ См., напр.: *Смирнов-Кутаческий А. М.* В поисках художественной правды // *Писатели в Тверской губернии*. Калинин, 1941; *Опуньский А. И.* Жизнь и перо на благо отечества. М., 1968; *Лажечников*.

ЧИНОВНИКИ И ПИСАТЕЛИ: тверская губерния в 1820–1860-х гг.

М. В. Строганов

А. Е. Измайлов в Твери

Первым вице-губернатором и литератором Твери был, как известно, А. Е. Измайлов. В настоящих заметках мы рассмотрим некоторые факты его литературной и административной деятельности в Тверском крае. К сожалению, полный охват материала в настоящее время невозможен.

1. Столичный литератор как провинциальный вице-губернатор

Уже давно известно, что А. Е. Измайлов с 5 ноября (прибыл в Тверь 26 декабря) 1826 г. по 31 марта 1828 г. служил вице-губернатором в Твери¹. Многие факты этого важного периода в жизни Измайлова уже описаны², многие тексты опубликованы³, но многое еще не осмыслено, не прокомментировано, поэтому мы не можем считать, что располагаем более или менее адекватной версией событий. Вместе с тем известно, что Измайлов пережил в Твери острый конфликт сначала с местными жителями, а потом и со своим непосредственным начальником — гражданским губернатором В. А. Борисовым. Это привело его к оставлению поста

¹ Формулярный список А. И. Измайлова: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 1119.

² См.: *Кубасов И. А.* Вицегубернаторство баснописца Измайлова в Твери и Архангельске // Памяти Леонида Николаевича Майкова. СПб., 1902.

³ Журнал Тверской ученой архивной комиссии. 1902. 12 декабря. № 89. С. 18–50. Тверские поэты, современники Пушкина: Избранные стихотворения / Сост., редакция текстов и примечания М. В. Строганова. Тверь: Тверское обл. книжно-журнальное изд-во, 1999. С. 27–63. В дальнейшем стихи Измайлова цитируются по этому изданию с указанием страниц в тексте.

и к переводу на ту же должность в Архангельск. В настоящем разделе исследования, опираясь на уже опубликованные материалы, я намерен описать те два истолкования конфликта с жителями Твери, которые дал в своих произведениях сам Измайлов (сложно, впрочем, судить: понимал ли сам Измайлов отличие этих версий друг от друга, либо они сливались в его сознании в нечто единое). Это, во-первых, поможет нам прокомментировать некоторые уже опубликованные тексты, а во-вторых, позволит верифицировать предложенные самим поэтом-администратором версии и выбрать из них наиболее предпочтительную.

Первый месяц жизни в Твери был отмечен простодушной радостью новых встреч, заботами о благоустройстве на новом месте и служебными хлопотами. Губернатор Василий Андрианович Борисов (1780–18..)⁴ и его жена приняли Измайлова любезно и радушно. Всё это отразилось в первых тверских стихах и письмах Измайлова⁵, которые полны литературной домашности, свойственной всему кружковому творчеству Измайлова еще в Петербурге. Переехав в Тверь, Измайлов перевез с собой и самый характер привычных для себя отношений: служба была для него домом, домашние отношения распространялись и на всех служащих. Губернаторшу А. М. Борисову он величал «маменькой», а заботу губернатора о себе по приезде интерпретировал как отеческую. Поэтому не случайно он сразу же начал строчить в честь их обоих стихи, которые «на случай сохранились». В «<Экспромте губернатору В. А. Борисову>» (27–31 декабря 1826) Измайлов, в частности, писал:

Да здравствует наш добрый губернатор!

Да с нами он живет в Твери!

Не жалуют его — черт их поberi! <!>

Лишь только б жаловал его наш император.

Пусть подлецы жужжат — об этом не тужи;

Царю и верю, и правдою служи.

На сплетни, клеветы — одно лишь возраженье —

⁴ См. о нем: Тверские губернаторы. К 200-летию образования Тверской губернии / Сост. Г. М. Дмитриева, В. Н. Середя. Тверь: Тверское обл. книжно-журнальное изд-во, 1996. С. 14.

⁵ Переписку Измайлова с женой см.: *Кубасов И. А.* Вицегубернаторство баснописца Измайлова в Твери и Архангельске.

*Презренье;
Клеветников ты презирай,
И грабить воли не давай;
Приказных разрушай все подленькие штучки.
Для года нового дай Бог тебе добра.
Ура!
(Г-же губернаторше)
А мне поцеловать у вас позвольте ручки (с. 29)⁶.*

Как видим, Измайлов намекает в этом стихотворении на какой-то конфликт между губернатором и тверским дворянством. Единственным надежным способом разрешить этот конфликт является, по мнению поэта-администратора, только опора на верховную власть и ее поддержка: «Лишь только б жаловал его наш император». Дело в том, что, «жалуя» губернатора, император транслирует ему всю полноту своей державной власти для распоряжений на месте и губернатор становится заместителем самодержца. Так в этом стихотворении предстает перед нами первая автоинтерпретация Измайловым своего положения в Твери, которую мы назовем патриархальной. Согласно этой модели, все чиновники: хорошие и плохие, взяточбратели и неподкупные, усердные и нерадивые, картежные игроки и интеллектуалы, — все они живут одним домом, в котором губернатор исполняет роль патрона, милующего, взыскающего, ободряющего и жалующего, а они — роли чад и домочадцев, в принципе равных друг другу перед лицом этой верховной власти⁷. Эта патриархальная модель общественной жизни выразилась в ряде стихотворений, и едва ли не с максимальной полнотой — в стихах «А. М. Борисовой. В день ее ангела 18 марта 1827»:

⁶ Мы датировем стихотворение 27–31 декабря 1826 г. на основании пожелания «Для года нового дай Бог тебе добра». Если учесть, что отношения Измайлова и губернатора только в начале службы вице-губернатора имели дружеский характер, а впоследствии непоправимо испортились, то и датировать стихотворение можно только временем между приездом Измайлова в Тверь и наступлением Нового 1827 года.

⁷ Об этой «очень семейственной» жизни провинциального чиновничества исключительно точно писал Н. В. Гоголь в восьмой главе «Мертвых душ» (Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 9 т. / Сост. и комментарии В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. Т. 5. С. 143). Жаль, что странность этого описания не позволяет привести здесь эти цитаты целиком.

*Поздравляю, поздравляю
С тезоименитством татап,
И от сердца ей желаю
Всех возможных в мире благ —
Не богатства, но довольства
И душевного спокойства.
Дай Бог доле ей прожить
Здесь, в Твери, с ее супругом,
А моим достойным другом,
Быть здоровой, не тужить
И ничем не огорчаться,
А над сплетнями смеяться.*

*В память нынешнего дня
Вы примите от меня
Этот бисерный мешочек
И держите в нем платочек,
Табакерочку, ключи
Как во дни, так и в ночи.
Дар сей скудный — не по службе,
Но по самой чистой дружбе.
Дар сей можете принять
От того, кто льстить не знает,
Кто душой вас почитает.
Вы мне как родная мать:
Приняли меня как сына;
С вами здесь мне не чужбина —
Как мне вас не почитать?
Коль министром даже буду —
Хоть таким, как был Аман, —
И тогда я не забуду
Добрую мою татап (с. 35—36)⁸.*

⁸ Трудно сказать, чья ошибка заключена в заглавии стихотворения: Измайлова или редактора, впервые опубликовавшего этот текст. 20 марта празднуется день мученицы Александры Амисийской (Понтийской), а 18 мая — день мученицы Александры Анкирской (Коринфской). Других святых с именем на А, празднуемых именно 18 марта, мы не обнаружили.

Как видим, литературная домашность всюду расцвела на тверском административном поприще. Измайлов не скрывает, не может и не хочет скрывать своих близко-дружественных отношений со своим непосредственным начальником; он даже готов похвалиться этим. Правда, в центре патриархальной модели мира в этом стихотворении находится не отец, а мать, что выглядит несколько странным. При этом надеваемая писателем маска сына перед матерью-губернаторшей выглядит очень комично. Измайлов родился в 1779 г., а В. А. Борисов в 1780 г. Супруга его, как это обычно бывало в те времена, должна быть моложе мужа и уж тем более моложе Измайлова. Больше того, Измайлову было уже почти 47 лет, он имел уже шестерых детей, и в его положении отца довольно многочисленного семейства эта маска сына выглядела еще более неуместной. С другой стороны, впрочем, у А. М. Борисовой было уже как минимум двое внуков, и это качество бабушки повышало ее семейственный статус относительно семейственного статуса Измайлова, который был только отцом.

Сам факт помещения в центр патриархального мира женщины можно интерпретировать также как отголосок той игры, которая культивировалась Измайловым в салоне С. Д. Пономаревой⁹, ибо нахождение женщины в центре салонной жизни было нормой, а не исключением. Поэт Измайлов переносит нравы литературного салона в дом тверского губернатора и использует язык этого салона с его буриме и мадригалами, с его шарадами и эпиграммами для интерпретации своей жизни в должности крупного провинциального чиновника-администратора. Насколько уместно было это перенесение и насколько оно отвечало интересам четы Борисовых, судить сейчас трудно. Ясно одно, что комплименты Измайлова воспринимались с удовольствием, а сам он был очень рад найти в Твери место для этой столь привычной для него жизни и женщину, с радостью готовую подыграть ему.

Аман – первый царедворец персидского царя Артаксеркса, наделенный исключительной полнотой власти, но погибший вследствие жалобы царицы Есфири (Есф. 3–7).

⁹ См. об этом салоне: *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989.

Вместе с тем эта модель патриархального мира с центральным образом матери обусловлена ситуационно: стихотворение приурочено ко дню ангела губернаторши. В день именин самого губернатора именно он оказывается в центре всего мира (как явствует из текста стихов – не только губернского). Об этом свидетельствует стихотворение «Поздравление дедушке от внучков накануне его ангела 29 января 1827». В конце этой маленькой стихотворной сценки внуки Борисова Николенька и Костенька должны стать на колени и помолиться за благоденствие дедушки. Сама эта молитва выглядит так:

*Боже! его храни!
Дедушке долги дни
Дажь на земли.
Трудолюбивому,
Пресправедливому,
Неприхотливому
Долгие дни!*

*Боже! ты нам внемли!
Дедушке долги дни
Дай на земли.
Правым защитнику,
Сирым радетелю
И благодетелю
Долгие дни!*

*Боже! его храни!
Дедушке долги дни
Дай на земли.
И в воспитательном,
И в богадельне здесь,
И в тюрьме молятся
Все за тебя.*

*Вот одобрение!
Вот награждение
И утешение,
Дедушка, вам! (с. 34–35).*

Эта молитва является прозрачной парафразой стихотворения В. А. Жуковского «Молитва русского народа» – «Боже, царя храни!» (1814), которое стало русским национальным гимном. Как видим, тут уже губернатор Борисов поставлен прямо на место царя, которого, по «молитве русского народа», должен хранить Господь для спасения всего мира. Эту замену царя губернатором и самовольную переделку национального гимна можно было бы расценить как кощунство. Но искренняя приверженность Измайлова устоям государственной власти, проступавшая столь очевидно в каждом его поступке, говорила о том, что здесь не было никакого злого умысла, а только хлещущая через край литературная домашность, которую Измайлов культивирует в своем бытовом общении с высшими чиновничьими кругами Твери.

Трудно судить, впрочем, насколько осознанно оценивал Измайлов свое положение в Твери в категориях литературной домашности. Более того, кажется, что он просто не вполне сознательно переносил стереотипы поведения из одной среды в другую, не замечая их неадекватности местным нравам и своему социальному положению. Хотя жизнь русского провинциального чиновничества имела, по словам Гоголя, семейный, домашний характер, она была достаточно далека от той литературной домашности, которая процветала в литературных салонах. Но на фоне этой, видимо, не вполне осознанной интерпретации очевидно, что вторая автоинтерпретация Измайловым своего положения в Твери выражена им вполне сознательно. Она была сформулирована также в самом начале тверской жизни, уже в стихотворении 30 января 1827 г., в «Речи, произнесенной тверским вице-губернатором за обеденным столом перед шампанским в день именин тамошнего гражданского губернатора В. А. Б<орисова>»¹⁰:

Silence, mesdames, messieurs! и слушайте поэта:

Да буду я ваш адвокат.

Тезоименному хвала и многи лета!

¹⁰ Хотя стихотворение не датировано, время его создания определить легко, так как 29 января помечено стихотворение, написанное к именинам В. А. Борисова от имени его внуков накануне его именин. Таким образом, речь идет о Василии Великом, память которого празднуется в день Собора Трех Святителей. Год определяется по характеру отношений Измайлова и Борисова.

Ура! ура, виват!
Он, как природный христианин
И настоящий россиянин,
Сегодня у обедни был,
Молебен отслужил,
Усердно помолился
И нищих оделил;
Болящих, узников, сироток посетил,
А после потрудился:
Читал, писал, — да как же быть?
Кто не трудится,
Не мыслит о других, а только веселится,
Тот никуда, поверьте, не годится.
Дай Бог подолее с тобою нам пожить,
Правдивому царю всей правдой послужить.
Пускай на нас восстанут
Все сплетники, клеветники,
Все взяточбратели и воры-игроки;
Пусть даже точат яд красавиц языки —
Полают, пошипят, отстанут.
И мы с тобой не дураки:
Хотя в провинциях мы прежде не живали,
Однако же людей видали.
По дудочке чужой плясать не станем мы,
И не поссорят нас подьячие-кумы,
Ни черт, ни даже... сынок его побочной
С печатью на челе, как Каин, узорочной.
Ура! ура! еще — виват!
За здравие твое давно все пить хотят (с. 32–33).

Измайлов с самого начала своей тверской жизни не скрывает того, что он поэт. Поэтическое амплуа кажется ему не только вполне совместимым с должностью администратора, но и превосходящим его. «Silence, Mesdames, Messieurs! и слушайте поэта: Да буду я ваш адвокат» — Измайлов берет себе право говорить от лица своих сотрапезников не потому, что он по своему положению — второе лицо в чиновничьей губернской иерархии, но потому, что он поэт. То же самое соотношение двух своих ипостасей

Измайлов выражает и в стихотворении, написанном между 19 октября 1827 и 22 апреля 1828 г., – в «Инструкции жене моей, тверской вице-губернаторше»:

*Кто старше тебя, тех выше не садися,
Всегда им место уступай,
Виц-губернаторством пустым не возносися
И дамою себя второю не считай;
Учтиво, ласково со всеми обходися.
Хоть первый я в Тверской губернии поэт
И в храм бессмертия мной кончена дорога, –
Но я горжусь ли тем? – Нет, нет!
Притом таланты все имеем мы от Бога,
Чины ж дает сенат, не только государь.
По мне хороший секретарь
И даже регистратор
Почтеннее, чем злой дурак виц-губернатор (с. 61).*

Ясно, что автор – первый поэт в Тверской губернии. Не вполне ясно, какой он чиновник. Но самыми примечательными в обращении к Борисову стихотворении являются следующие слова: «Хотя в провинциях мы прежде не живали, Однако же людей видали. По дудочке чужой плясать не станем мы, И не посорят нас подьячие-кумы». Эти слова сразу вводят в интерпретацию Измайловым своего положения в Твери характерное противопоставление столичного администратора и грубых провинциальных нравов, которое уже широко было разработано русской литературой.

Можно было бы думать, что это противопоставление себя как петербургского литератора тверской провинции и обусловило будущий конфликт Измайлова с местными жителями. Однако у нас, во-первых, нет никаких оснований считать, что в Твери 1826–1827 г. господствовали сугубо провинциальные нравы в первую очередь потому, что в это время в Твери и губернии живет целый ряд людей, хорошо известных русской культуре. Когда Измайлов приехал в Тверь, жители ее живо обсуждали только что закончившееся следствие по обвинению В. Г. Теплякова в растлении дворовой девки своей матери; 13 января 1827 г. Тепляков был отправлен к месту своей принудительной службы. Тепляков, как

известно, печатался в «Благонамеренном» Измайлова¹¹, поэтому интерес вице-губернатора к своему автору был вполне закономерен. Постоянно всё время службы Измайлова в Твери здесь живет родной брат В. Г. Теплякова Алексей, хорошо известный в кругу петербургских литераторов и сам занимавшийся литературными трудами¹². Постоянным жителем Тверской губернии является и владелец села Прямухино поэт А. М. Бакунин¹³. В 1826–1827 гг. в Твери служит литератор Н. М. Коншин¹⁴. В селе Кой Кашинского уезда проживает со своей семьей овдовевший И. И. Пономарев; С. Д. Пономарева была хозяйкой литературного салона, с которым долгое время были связаны жизнь и деятельность Измайлова-литератора. Наконец, помещиком Тверской губернии был графоман Ф. Ф. Эгерштром, предмет постоянных насмешек разных лиц, но искренне преданный литературе человек; Измайлов также посвятил Эгерштрому сатирические стихи¹⁵. Кроме того, в Твери жила и некая дама А. И. К., которой Измайлов посвятил стихи «Из письма к А. И. К.» («Я был у бабушки Людмилы...», 4 апреля 1827), «Первой тверской стихотворице А. И. К-ой. В день ее ангела 21 апреля 1827» («С тезоименитством вас усердно поздравляю...»)¹⁶ и «К

¹¹ Зораида к шиповнику: Романс // Благонамеренный. 1824. Ч. XXV. № V. С. 353–354. Подпись: Т-в.

¹² См. о нем: *Тепляков В. Г.* Книга странника: Стихотворения. Проза. Переписка / Предисловие, подготовка текста, комментарии Е. В. Петренко, М. В. Строганов. 2-е изд. Тверь: Золотая буква, 2004. С. 10; *Лажечников*. С. 253–254.

¹³ *Бакунин А. М.* Собрание стихотворений / Изд. подготовлено М. В. Строгановым. Тверь: Золотая буква, 2001; *Бакунин А. М.* Поэмы и проза / Сост. и общая ред. М. В. Строганова. Комментарии к стихам М. В. Строганова, к прозе Л. Г. Агамалян. Тверь: Золотая буква, 2006.

¹⁴ Поэты 1820–1830-х годов / Вступит. статья, общая редакция Л. Я. Гинзбург. Биографические справки, составление, подгот. текста и примечания В. Э. Вацуро. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 1. С. 349. Библиотека поэта. Большая серия. Следует, впрочем, указать, что об общении Коншина с Измайловым в Твери ничего не известно и, возможно, они и не общались, потому что Измайлов в недалеком прошлом выступил ярким противником «союза поэтов», куда входил и близкий приятель Коншина Е. А. Боратынский.

¹⁵ См. об этом в третьем разделе настоящего исследования.

¹⁶ 23 апреля празднуется память Александры Римской, Никомидийской, императрицы, мц., супруги имп. Диолектиана († 303). Это позволяет нам предположить, что неизвестная нам поэтесса должна носить имя Александры, и направить поиск ее личности в этом направлении.

А. И. К-ой» («Скажу вам по секрету...», 13 мая 1827)¹⁷. Думаю, что мы не перечислили всех тогдашних жителей Тверской губернии, причастных литературе. Следует помнить также, что по причине расположения Твери между столиц ее часто посещали знакомые Измайлова, вовсе не чуждые литературы. Так из стихотворений «И. П. Мятлеву. На отъезд его из Твери 4 июля 1827» и «На приезд в Тверь И. П. Мятлева 17 января 1828» следует, что Мятлев как минимум дважды, проезжая через Тверь, ненадолго задерживался в ней для встречи с Измайловым: «О день, о вечер незабвенный...» Понятно, что не только Мятлев ездил из столицы в столицу.

С другой стороны, нельзя не признать, что после Петербурга любая вояжировка даже в лежащую между двух столиц Тверь и принужденная безденежьем служба в ней должны были показаться чрезвычайно неприятны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Измайлов прибегает к подобной интерпретации событий. Борисов и сам оказался в Твери в том же положении, что и Измайлов: он прибыл в Тверь только в начале 1826 г., вследствие чего и ему жизнь подобного рода могла казаться провинциальной или, как минимум, непривычной. Видимо, именно поэтому происходит первоначальное сближение Измайлова и Борисова: поэт чувствует себя под защитой высшей административной власти губернии и противопоставляет себя местным жителям на основании самого обидного для нестоличных жителей признака — на основании признака провинциальности. Дело в том, что человек может признать себя не вполне образованным, отстающим от современных умственных течений, не осведомленным в новинках техники; но признать себя провинциалом — это очень обидно и оскорбительно. Обвинение тверских жителей в провинциальности было первой, пока еще невольной провокацией Измайлова, за которой последовал ряд других, что и привело его к конфликту с тверским обществом.

В стихах, обращенных к Мятлеву, тема тверской провинции возникает постоянно.

Женщины в Твери

Играют в карты день и ночь

И сплетничают во всю ночь. —

¹⁷ 13 мая празднуется память мч. Александра Римского (284—305).

*Но есть здесь дама, есть богиня,
Хилкова именно княгиня¹⁸;
Есть и еще дам пять иль шесть —
Приезжих, делающих честь
И полу своему, и Твери —
Прекрасны, милы так, как Пери;
Жеманства в них и спеси нет
И любит их ваш друг поэт.
Никто об них не скажет худо... (с. 46).*

Или:

*Не правда ли, что мы с тобой
Приятно провели всё время?
Виц-губернаторства забыл я тяжело бремя;
Ты превратил Тверь в Петербург —
Благодарю тебя, мой друг (с. 58).*

Итак, мы видим, что сам Измайлов с той или иной степенью ясности предлагает две автоинтерпретации своего положения в Тверской губернии. Первая сводится к трактовке губернской жизни как жизни патриархальной, одним домом во главе с начальником губернии, который для всех остальных — царь и Бог. Вторая предлагает видеть в губернской жизни жизнь провинциальную, застойную, косную, противопоставленную жизни столицы. Нельзя не заметить известного сходства обеих этих интерпретаций: избыток патриархальности вполне можно понимать как историческую отсталость провинции («глубинки», куда своевременно не доходят новости культуры); а сама провинциальность может быть интерпретирована как следствие патриархальности. В понимании Измайловым своего конфликта с тверскими жителями обе эти интерпретации окажутся актуальны одновременно.

О. А. Проскурин считает, что Измайлов возбудил против себя негодование тверских чиновников тем, что решительно выступил против их административных нарушений, в первую очередь — против взяточничества, и даже писал об этом министру внутренних

¹⁸ Весьма почитаемой им княгине Е. С. Хилковой Измайлов посвятил два стихотворения: «Княгине Е. С. Хилковой. В день ее ангела 5 сентября с баснями» («Вот лучшие мои творенья!..») (с. 55) и «В альбом княгине Е. С. Х.» с подписью «Тверь. 2 апреля 1827 (Славянин. 1830. Ч. XIII. № 6. С. 459–460).

дел, чем восстановил против себя и губернатора¹⁹. Всё это, конечно, было, но не стало темой напряженных переживаний Измайлова. Гораздо больше внимания он уделил в своих стихах другому конфликту. Дело в том, что администратор Измайлов продолжал заниматься литературным трудом и напечатал стихотворную сказку «Бабушка и внучка»:

*«Натанцевалась ли, сударыня, вчера? –
Так бабушка Ненила
Петровна внучке говорила. –
Всю ночь до самого утра
Ты, как юла, вертелась
И в зеркало один раз только посмотрелась.
Ох! Этот вальс
Погубит вас!
Жаль, право, нет закона,
Чтобы не танцевать на балах котильона²⁰
А ваш проклятый rot pourri²¹
Лукавый побери!
Чуть не стрелялися из-за него в Твери.
Вперед не дам тебе я воли
И буду за тобой глядеть:
Не всё вертись, изволь и посидеть...
Чай, на ногах мозоли?»
– «Нет, бабушка, не чувствую я боли,
Ниже усталости... да молодым ногам
Что может сделаться?.. А доложу я вам,
Устали, верно, ваши ручки;
Послушайтесь вашей внучки:
Ну, поиграйте час,
Два, три – а то как можно в ваши лета
Играть с семи часов до самого рассвета?»*

¹⁹ Прокурин О. А. Измайлов А. И. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Главный ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 2. С. 407.

²⁰ Котильон – бальный танец французского происхождения, объединяющий элементы вальса, мазурки польки.

²¹ Попурри (франц.).

*Не хуже ль это, чем наш вечный котильон?»
— «Пошла же, грубиянка, вон!» —
Вскричала бабушка Ненила
И картами в лицо насмешнице пустила.*

*Мы часто молодых за шалости браним,
Упреков же себе и слышать не хотим.
Однако же кому стыднее,
Нам, старикам, иль молодым?
Кто должен быть умнее?
Мне кажется, — скажу, как моралист:
Вертитесь, барышни, вертитесь;
А вы, почтенные, на милых не сердитесь
И знайте свой бостон да вист.
Деввица, сделавшись старушкой,
Займется, как и вы, бостоном, вистом, мушкой²².*

Сказка эта была написана, судя по проставленной автором дате, 13 февраля 1827 г. А 17 февраля Измайлов сообщал П. Л. Яковлеву, что, написав эту сказку «на тверских дам-игриц и на вертушек-девиц», он тут же отослал ее губернатору на бал в Дворянское собрание, чтобы тот прочитал текст вслух. И хотя А. М. Борисов не осмелился это сделать, сказка стала известна в кругу тверских дворян. ««Бабушка и внучка» наделала тревоги, — писал Измайлов Яковлеву 31 марта. — Первый раз от сооружения Твери началась в ней литературная, или паче словесная, битва»²³.

В героине-бабушке узнала себя тверская жительница А. Д. Жеребцова, и это стало подлинной причиной резкого обострения отношений и привело к широкомасштабным военным действиям²⁴. Реакцию тверитянок Измайлов изложил в стихотворении, названном «Баснину» и написанном от лица некоего Людмила — одного из защитников местных «бабушек»:

²² См.: *Измайлов А. Сочинения*. СПб., 1849. Т. 1. С. 177; Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. ст. и составление А. Н. Соколова. Подготовка текста и примечания Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л.: Советский писатель, 1969. С. 482–483. Библиотека поэта. Большая серия.

²³ Там же. С. 674. Комментарии.

²⁴ *Кубасов И.А.* Вицегубернаторство баснописца Измайлова в Твери и Архангельске. С. 237.

*На что ты годен здесь, в Твери?
Ни в вист, ниже в бостон, ни в мушку не играешь?
На вечеринках всё молчишь или зеваешь!
И дам напрасно осуждаешь!
Не rot rougri, тебя лукавый поберит!
Какую ты нашел здесь барыню Ненилу?
Да знаешь ли, что так холопок лишь зовут?
Ненилой назвал ты почтенную Людмилу!
Прямой, рифмач, ты шут!
Вот выехал какой учитель из столицы!
Не нравятся ему здесь дамы и девицы,
Плясуньи и игрицы!
«За карты не садись
И в вальсе не кружись!»
Да что ж нам делать от безделья?
Неужли сесть за рукоделье?
Кухаркой, нянькою иль эконожкой быть,
Расход записывать, чулки вязать и шить,
Или читать? — У нас есть повара и няньки:
Мы, слава Богу, все дворянки.
Нет, не в свои сел, видно, санки!
И не тебе всех нас учить.
Послушай доброго совета: эй, уймись!
Не смей ты трогать наших дам,
Скорей пред ними ты смирился;
На балы не ходи — ходи по кабакам,
И по себе найдешь ты там
Мужчин и дам (с. 38—39).*

Стихотворение написано 23 марта 1827 г. Как мы помним, стихотворение «А. М. Борисовой» было помечено 18 марта и отражало еще вполне теплые отношения между Измайловым и его тверским окружением. Но теперь они катастрофически и необратимо испортились.

На резкую реакцию тверских дворянок Измайлов, в полном соответствии правилам литературной домашности, ответил написанным 24 и 25 марта 1827 г. довольно оскорбительным стихотворным посланием «Людмилину». В ответ на это послание жительницы

Твери стали интриговать против Измайлова, или, как сформулировал он сам, написали некое «слезное прошение» об отставке вице-губернатора. Измайлов, не уступая им, вновь переложил это «слезное прошение» собственными сатирическими стихами:

*Великий государь, наш мудрый император!
Моленью дам тверских внемли.
Здесь есть злодей виц-губернатор:
Его для нас ты удали.

*Наш бедный город погрузился
В пучину тягостных грехов.
Измайлов в Тверь лишь поселился –
Житья не стало от стихов (с. 41).*

Надо сказать, что независимо от того, кто был прав в этой истории, администратору не следовало включаться в такую довольно мелочную полемику с жителями подвластного ему города. Между тем Измайлов, пренебрегая опасностью вызвать очередное неудовольствие жителей, написал 25 марта 1827 г. еще и «Ответ на слезное прошение тверских дам-сплетниц», который заканчивался такими словами:

*И дама важная что хочешь говори,
Измайлов же назло останется в Твери (с. 42).*

Наконец, конфронтация вышла за пределы литературных текстов и приняла формы открытого неприятия. 4 апреля 1827 г. праздновалась Пасха, Измайлов наносил визиты именитым жительницам, и в том доме, где жила узнавшая себя в стихах тверитянка, его не приняли. В тот же день Измайлов в стихотворении «Из письма к А. И. К.» жаловался своей собеседнице:

*Я был у бабушки Людмилы.
Увы! Она не приняла!
Неужели и в праздник зла?
Б..., зять ее плешивый,
Велел сказать, что дома нет.*

*Вдохнул тут тяжело поэт;
Но дочки подошли к окошку;
Из занавески понемножку
Выглядывали, как сидит
В коляске сказочник-пиит.
Чай, показался им сердит (с. 42).*

В принципе, для того, чтобы отказать в приеме вице-губернатору, надо было или иметь особую смелость, или уж слишком разозлиться на него. Измайлов должен был бы понять неловкость своего положения и сделать какие-то выводы, между тем через некоторое время, 21 апреля 1827 г. в послании «Первой тверской стихотворице А. Н. К-ой» он продолжал поддразнивать своих противников:

*С тезоименитством вас усердно поздравляю.
От сердца, от души желаю,
Что может лишь желать поэт.
Дай Бог прожить вам много лет,
Побольше бабушки Людмилы,
Которая пойдет в ад с сыном за грехи.
<.....>
Весной зима, метель! О горе, горе нам!
И, как толкуют старички,
Всё от картежниц, сплетниц дам.
Чтоб пальчики у них замерзли, язычки! (с. 44, 45).*

А позднее, уже в Архангельске, Измайлов так вспоминал свое положение в Твери в письме к Вальтеру Скотту от 3 июля 1828 г.: «Я изнывал, я умирал в Твери. Кроме игры в карты, там нечего было делать. Литературу никто не любил, а на сочинителей смотрели как на врагов общества, особливо на сатирических и правдивых писателей, которые говорили, что думали, о маленьких провинциальных помещиках и смеялись над ними. Но в Архангельске я ожил»²⁵.

²⁵ Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / Исследование М. П. Алексеева. М.: Наука, 1982. С. 363. Перевод. Французский оригинал см.: Там же. С. 362.

Как Измайлов ни бодрился, с каждым днем он чувствовал себя всё более одиноким и несправедливо обиженным. 12 апреля 1827 г. он пишет еще одно поздравление — чиновнику, с которым сохранились теплые отношения. Это стихотворение — «Имениннику и новому непременно члену тверского приказа общественного призрения В. П. Голубеву»²⁶. В. П. Голубев был назначен непременным членом Тверского приказа общественного призрения 24 марта 1827 г., до этого он состоял секретарем при тверском гражданском губернаторе в чине титулярного советника²⁷. Новое назначение состоялось, по-видимому, при участии Измайлова, и тот радостно приветствовал и наставлял своего нового сотрудника:

*Ты — непременный член, так должен непременно
Царю и обществу с усердием служить.
Верь, Голубев, верь несомненно,
Что лучше в свете честно жить.
Немудрено нажить в провинции именье,
Деревню, а не только дом
С утратой чести, со грехом,
И делая другим прижимки, притесненье.
Ах! лучше жить без лошадей,
Но в уважении у всех честных людей.
Служи же честно, жди награды.
А кто завидует тебе
И много мыслит о себе,
Чтоб лопнул тот с досады.
Ты на завистников безмозглых не сердись;
За губернатора ж молись,
Да и трудись, трудись, трудись (с. 43).*

В этом стихотворении весьма показательны слова о том, что «Немудрено нажить в провинции именье, Деревню, а не только дом С утратой чести, со грехом, И делая другим прижимки, притесненье». Создается впечатление, что в просвещенных столицах всё обстоит иначе, и только в диких и чуждых истинного просвещения провинциях люди оголтело берут взятки, пренебрегая всеми

²⁶ 12 апреля празднуется день св. Василия, епископа Парийского.

²⁷ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 2476.

правилами приличия. Измайлов решает сложный и вечный вопрос, что является определяющим: человек ли создает вокруг себя ту или иную среду, или среда формирует человека помимо его собственной воли и желания? Иначе сказать: провинциальный ли город С. создал Ионыча, либо сам Дмитрий Старцев был слишком падаком до сытой и покойной жизни? Измайлов предлагает, конечно, слишком простое и легкое решение, но ничего другого предложить он не мог.

Понятно, почему Измайлов не видел за собой никакой вины: он написал свою сказку «Бабушка и внучка» безо всякой конкретной цели оскорбить тверских дворянок, а может быть, даже и не думая о них. Он просто видел в тверских дворянках тот же самый тип, что и в своей героине. Но если обиженные тверитянки решили напасть на своего противника, то и он не собирался отступать, хотя положение вице-губернатора требовало от него большей осмотрительности.

Зато как Измайлов отдыхал душой, когда по своим служебным обязанностям покидал Тверь с инспекционными поездками! Он, видимо, старался продлить эти служебные командировки как можно дольше, чтобы как можно дольше не видеть этих «бабушек Ненил». Во время посещения Кашинского уезда он встретился в селе Кое со своим старым приятелем А. И. Пономаревым (мужем С. Д. Пономаревой) и с его близкими, о чем свидетельствуют стихи, помеченные 21 июля: «Надпись на окне в комнате И. С. Поном<аревой>» («Превесело в Кою...»); «А. И. Пономареву. На подаренный им мне бухарский булатный нож, который получил он от П. Л. Я<ковлева>» («Давнишний друг! ты мне даришь булат...»). А в самом Кашине он сделал очень приятное для себя знакомство, памятником которого осталось стихотворение 10 августа 1827 г. «М. С. Вздвиженской. С альбомом». Учитывая даты создания этих стихов, легко понять, что он совершал инспекторскую поездку более десяти дней и возвращаться в Тверь не спешил. В стихах к М. С. Вздвиженской Измайлов писал:

*Быть может, никогда я не увижу вас
И больше в Кашине не буду,
Где сутки целые прошли, как будто час;
Но где б я ни был, не забуду,
Как весело провел я время там*

*В беседе с первой из кашинских всех дам,
Не только что по воспитанью,
По светскости, образованию,
Но по любезности, по доброте, уму —
Так точно, первой по всему.
Как нас с Романовым вы славно угостили!
Мы после этого дорогой всё грустили.
О Кашин, Кашин городок,
Царь-града уголок!
Какие церкви там и горы!
Куда ни кинешь взоры,
Везде увидишь пейзаж.
И жителями город ваш
Получше, может быть, чем наш:
Гостеприимны все, радушны
И добродушны.
У нас же много гордецов
Как из чиновников, дворян, так и купцов (с. 51–52).*

В этом стихотворении весьма характерно противопоставление Твери и Кашина: «И жителями город ваш Получше, может быть, чем наш». Существует много вариантов поговорки, согласно которой многие близлежащие к Москве города называются «Москвы уголок»²⁸. Поговорка эта применяется и к Твери: «Тверь-городок — Москвы уголок». Измайлов применил ее к Кашину, причем сделал это весьма оригинально: он назвал Москву Царь-градом и тем самым повысил ценностный статус не только Москвы, так как если Кашин «уголок» Москвы в качестве Царь-града, то ценностный статус его тоже повышается. Существует мнение, что в планировке системы кашинских храмов отразился сознательный умысел кашинских мастеров создать из церквей рисунок креста в круге. Это якобы свидетельствует о восприятии «города Кашина» в качестве «земного образа Небесного Иерусалима»²⁹.

²⁸ См. об этом: *Строганов М. В.* Об одной пародии на локальный текст. Опыт генерализации понятий // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции. XIX Фетовские чтения. Курск: Курский гос. ун-т, 2005. С. 7–23.

²⁹ См. об этом: *Сморгунова Е. М.* Город Кашин — земной образ Небесного Иерусалима, или «Богословие в камне» // Русская провинция: миф — текст — реальность / Составители А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.; СПб.: Тема, 2000.

Трудно сказать, насколько данное мнение адекватно отвечает действительности, но оно странным образом совпадает с мнением Измайлова, которое в этом случае подтверждает, как минимум, древность его происхождения.

В дальнейшем поэтическое творчество Измайлова, связанное с тверскими персонами и событиями, угасает. Он почти уже не затрагивает вопросы общественной жизни губернии, никого не учит, не наставляет. Последнее его стихотворение, посвященное губернаторше, — «Письмецо к А. М. Б<орисо>вой» — написано 20 апреля 1827 г. Здесь мы встречаем всё те же мотивы и образы: губернаторша называется татап; сам Измайлов выступает в своей привычной двойной роли поэта и администратора; особого рвения к службе вице-губернатор не проявляет, оправдывая себя климатическими невзгодами. Между адресанткой и автором пока еще теплые отношения, но они вскоре кончатся, и больше Измайлов никогда не упомянет в своих стихах ни самого Борисова, ни его жену. Вот это последнее стихотворение:

Не будет к вам, татап, обедать сочинитель

Виц-губернатор и поэт:

Сегодня рано быть хотел к нему мучитель,

Чтоб кончить начатый давно уже портрет.

В палате не был я — и как идти? — метель,

Притом тоска и страх: тверских дам я боюсь.

Однако ж им не покорюся.

В час отобедаю и кинусь на постель.

А вечером, быть может, к вам явлюся (с. 44).

Зато все послания второй половины 1827 — начала 1828 г. содержат разговор о его собственных стихах и сопровождают посылку нового издания басен. Таковы следующие послания и надписи: «Княгине Е. С. Хилковой. В день ее ангела 5 сентября <1827> с баснями», «С. И. Ергальской. Накануне дня ее рождения 1 января 1828 с баснями моими» (31 декабря 1827), «Приписка к басням моим, подаренным мною В. А. Дымману» (1828 года января 19 числа).

В должности первого тверского поэта, а вовсе не вице-губернатора Измайлов сочиняет и небольшую драматическую сценку, которая отражала волнения в мужской тверской гимназии нака-

нуне инспекторской проверки попечителя А. А. Писарева («Программа экзамена для тверской гимназии 3 сентября 1827», 2 сентября 1827). Эту сценку мог написать любой другой поэт, не занимающий таких высоких постов. Но Измайлов пишет эту сценку не по долгу службы, не потому, что хочет поддержать директора гимназии (смотрителя тверских училищ); он просто упражняется в стихотворстве, не имея никакой узко прагматической цели. Так поэт победил в Измайлове администратора; поэтому служебная карьера его должна была пойти на убыль.

2. А. Е. Измайлов и Пономаревы **Эпилог к книге В. Э. Вацура «С. Д. П.»**

Как известно, в начале XIX в. салон был одной из немногих форм социализации женщины. Одному из салонов этого времени посвящена известная книга В. Э. Вацура «С. Д. П.»³⁰. В. Э. Вацура был весьма далек от постмодернистски ориентированной критики, тем не менее в этой книге он естественно поставил в центр своего рассказа Софью Дмитриевну Пономареву, хозяйку петербургского литературного салона, и столь же естественно не раз упоминал ее мужа. Однако общая характеристика этого мужа была такова: «Титулярный советник в должности регистратора, преданный и молчаливый муж светской красавицы, — ощущал ли он, что судьба предназначила ему вечную роль статиста?»³¹ С одной стороны, в этих словах есть доля истины: Иоаким Иванович Пономарев не стремился к лидерству ни на службе, ни в семейной жизни. С другой стороны, можно ли по этой причине сказать, что он играл «роль статиста»? И опять же: с одной стороны, Иоаким Иванович находился на периферии салонной жизни; с другой — достаточно ли внимания было уделено ему, создавшему все условия для существования этого салона и, как можно понять, желавшего этого салона? В. Э. Вацура, подталкивавший меня к изучению тверских поэтов, спровоцировал и мое изучение А. Е. Измайлова

³⁰ Вацура В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989.

³¹ Вацура В. Э. Избранные труды / Сост. А. М. Песков. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 236.

в бытность его тверским вице-губернатором. Так именно и появился этот эпилог к книге «С. Д. П.».

1. Эпилог

Иоакиму Ивановичу и его брату Николаю Ивановичу Пономаревым принадлежало старинное и знаменитое село Кой бывшего Кашинского уезда в сорока верстах на север от Кашина и к югу от Бежецка, ныне входящее в состав Сонковского района Тверской области. Село это, стоящее на берегу реки Корожечны, которая впадает в Волгу, известно с XV в. В XVIII в. поместье приобрел коллежский асессор Иван Ларионович Пономарев, богатый землевладелец. Он завершил обустройство Троицкой церкви в центре села, воздвигнув колокольню в 1810-х гг. В этом селе родился в 1783 г. А. П. Куницын, преподаватель нравственных и политических наук в Царскосельском лицее.

Сразу после смерти Софьи Дмитриевны в 1824 г. Иоаким Иванович поселился в Кое, среди родных, и жил жизнью семьи своего брата. У Пономаревых был сын Дмитрий, родившийся 22 октября 1813 г.³² Позднее Дмитрий Иоакимович стал гвардейским офицером и вел разгульную жизнь, типичную для этого круга. Известно, что он жил открытым домом уже в 1837 г., а в скором времени покончил жизнь самоубийством³³. После смерти бездетного Дмитрия Иоакимовича всё поместье унаследовал его дядя Николай Иванович и его дети, к которым мы еще вернемся.

А. Е. Измайлов, поэт-баснописец и издатель журнала «Благонамеренный», бывший в свою пору активным участником салона Софьи Дмитриевны Пономаревой, получил в 1826 г. место тверского вице-губернатора. Он отходит от активного участия в литературной жизни столицы, но не бросает литературу. Во время поездки в Кашинский уезд с ревизией Измайлов навестил в селе Кое Иоакима Ивановича 21 июля 1827 г. и написал два стихотворения на этот случай, помогающие нам реконструировать жизнь в усадьбе. Первое из этих стихотворений называется «Надпись на окне в комнате И. С. Поном<аревой>», а к заголовку его сделано при-

³² Вацура В. Э. Избранные труды. С. 229.

³³ Чернявский М. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. [Б.д.], [Б.м.]. Л. 151 об.

мечание: «В этой комнате у почтенной и богатой хозяйки стоит старинная и скромная мебель в том же самом виде и порядке, как было еще при покойном супруге, в молодых их годах». Ирина Семеновна Пономарева (в документах она по-простонародному называется Ариной) – это вдова И. Л. Пономарева, мать И. И. Пономарева. Вот текст этого стихотворения:

*Превесело в Кою.
Хозяева дают веселые пирушки –
Но в этой келейке я был как бы в раю
У доброй маменьки старушки.
Что чувствовал я здесь, не лгу, –
И в прозе изъяснить, по чести, не могу.
Да ниспошлет Господь свое благословенье
На дом почтенный сей,
На мать добрейшую – услышит Бог моление –
И на почтительных, примерных сыновей³⁴.*

Второе стихотворение называется «А. И. Пономареву. На подаренный им мне бухарский булатный нож, который получил он от П. Л. Я.»:

*Давнишний друг! ты мне даришь булат,
Да и какой еще! – Бухарской!
Подарку твоему я очень, очень рад,
Годится этот нож мне и на службе царской.
Не думай только, чтоб кого я резать стал:
К несчастью, ножичек твой мал;
Остер – но у меня [язык] перо еще острее;
Хотя не можно быть, клянусь, меня добрее.
По смерти скажут, что я был добр и велик –
Не то, чтобы велик, а был великодушен
И гласу разума и Божию послушен³⁵.*

³⁴ Тверские поэты, современники Пушкина: Избранные стихотворения / Сост., редакция текстов и примечания М. В. Строганова. Тверь: Тверское обл. книжно-журнальное изд-во, 1999. С. 49–50. В этой и предыдущих публикациях инициалы И. С. Пономаревой переданы неверно – как Н. С.

³⁵ Там же. С. 48.

Эти стихи Измайлова весьма характерны для его творческой манеры. Они написаны по вполне конкретным поводам и имеют сугубо домашнюю семантику. Интересными они оказываются только по ряду конкретных «домашних» причин. Во-первых, они ярко рисуют картину поместной жизни Пономаревых — вполне благополучных помещиков, владельцев не одного только многонаселенного Коя, но также села Шолтомеж и деревень Ботовицы, Глибени, Елупово, Павлово, Старово. Читатели книги «С. Д. П.» хорошо помнят, сколь горестно переживал Измайлов смерть Софьи Дмитриевны. Теперь же он целиком отдается радостям настоящего: «Превесело в Кою. Хозяева дают веселые пирушки». Во-вторых, эти стихотворения показывают, что во второй половине 1820-х гг. братья Пономаревы жили в Кою вместе со своей матерью Ириной Семеновной, и судя по всему, отношения в большой семье были простыми и весьма родственными. Именно теперь Иоаким Иванович смог хотя бы несколько отвлечься от потери любимой жены и реализовать собственный идеал тихой и спокойной жизни, от которого ему пришлось отказываться во имя интересов Софьи Дмитриевны. В-третьих, эти стихотворения, созданные в 1827 г., позволяют уточнить дату смерти И. И. Пономарева, которая в известных справочниках подавалась следующим образом: «не ранее 1825 г.»³⁶, теперь же мы можем говорить: после 1827 г., когда о нем не встречается уже никаких упоминаний³⁷.

Во втором стихотворении упоминается П. Л. Я. — Павел Лукьянович Яковлев (5 января 1796 — 9 января 1835), тоже участник вечеров в салоне Пономаревой, брат лицейского соученика Пушкина М. Л. Яковлева, литератор. Трудно сказать, когда П. Л. Яковлев подарил Пономареву этот «бухарский булатный нож»: вполне возможно, что это произошло еще в Петербурге. Но переадресация этого подарка говорит о том, что отношения Иоакима Ивановича с участниками салона Софьи Дмитриевны имели достаточно близкий характер, и он играл роль не просто «статиста».

Теперь, уже совсем не в духе В. Э. Вацуро, но в несколько мистическом духе П. А. Флоренского, нельзя не сказать несколько

³⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и переработ. Л.: Наука, 1989. С. 344.

³⁷ Впервые это уточнение см.: Тверские поэты, современники Пушкина. С. 136.

слов о странной зависимости человека от своего имени. Софья Дмитриевна не даром была главой ученой республики литераторов: она звалась Софьей, это уже вполне достаточная мотивировка для обоснования ее лидирующей роли в домашней ученой республике. Иоаким Иванович, которого в быту звали Акимом Ивановичем, не случайно исполнял ту роль, которую В. Э. Вацуро определил как «вечная роль статиста». Ведь евангельские Иоаким и Анна – родители Пресвятой Девы Марии – в христианской культуре издавна были осмыслены как покровители добродетельной супружеской жизни, празднование их установлено православной церковью 9 (22) сентября и 26 июля – католической. Был ли Иоаким Иванович на самом деле блеклой и неинтересной личностью, или нет, но окружающим должно было казаться, что он исполняет эту «вечную роль», если он не стремился верховодить женой и любил ценности мирной семейной жизни. Но если он исполнил тот сценарий, который был начертан на Небесах, то можно ли признать его жизнь заслоненной блистательнейшими земными судьбами?

2. Эпилог Эпилога

После смерти Иоакима Ивановича все поместье перешло во владение его брата Николая Ивановича, который продолжал заниматься благоустройством села. С 1829 г. в Кое существовало церковное училище³⁸, а в 1838 г. была построена еще одна церковь, освященная во имя Иоанна Богослова. В середине XIX в. вокруг церквей была воздвигнута ограда и часовня, на площади около них появились торговые ряды.

Коллежский советник, камер-юнкер Николай Иванович во время Отечественной войны 1812 года был вербовщиком ополченцев в Особый егерский батальон имени великой княгини Екатерины Павловны³⁹. От брака с дочерью генерал-майора Федорова Надеждой Антоновной у него было шестеро сыновей: Иван (ум.

³⁸ Из «Ведомости о числе училищ в помещичьих имениях Кашинского уезда», направленной кашинским исправником в губстаткомитет. 23 сентября 1860 г. // Государственный архив Тверской области. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 931. Л. 24.

³⁹ *Колосов В. И.* Воспитанники духовно-учебных заведений Тверской епархии в ополчении 1812 года. Тверь, 1889. С. 8.

до 11.04.1869); полковник в отставке Николай; почетный мировой судья Старицкого уезда Константин; гвардии поручик Александр; Сергей; гвардии поручик, Кашинский уездный предводитель дворянства Иван (р. 18.04.1844), — и одна дочь Александра (в замужестве — баронесса Дризен). Все сыновья в справочнике М. Чернявского показаны как вписанные в дворянские книги других губерний, и лишь потом — в Тверскую⁴⁰. Во-первых, это означает, что у Пономаревых были поместья и в других губерниях, а во-вторых, это объясняет, почему только у одного из сыновей указана дата рождения: именно Иван родился в самом Кое, где и были сделаны метрические записи о его рождении и крещении; остальные сыновья родились за пределами Тверской губернии. Значит, наследственные земли Николая Ивановича Пономарева находились не в Тверской губернии, и только после смерти племянника он внес своих детей в родословную книгу Тверской губернии, обеспечив им право участия в выборах и прочие льготы. Но на основании этих же записей мы можем сделать и еще один вывод: Дмитрий Иоакимович Пономарев умер до 18 апреля 1844 г., когда в Кое родился Иван Николаевич: такая локализация может помочь в поисках полумифического гвардейского офицера — самоубийцы.

На рубеже XIX—XX вв. имением владели сыновья Александра Николаевича⁴¹. Краткие и не всегда точные воспоминания Ни-

⁴⁰ *Чернявский М.* Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. Л. 151 об.

⁴¹ Село Кой Кашинского уезда. Пожар в дер. Бабаево [О создании пожарной дружины по инициативе земского начальника М. А. Пономарева] // Тверские губернские ведомости. 1899. № 52. Ч. неофиц. С. 6; Село Кой Кашинского уезда [Народное гулянье в связи со сбором средств на пожарную дружину по инициативе М. А. Пономарева] // Тверские губернские ведомости. 1900. 27 июля. № 83. С. 3; Высочайшие награды почетных мировых судей, отставных полковников: Старицкого уезда — Николая Пономарева <...> Св. Анны 2 ст. <...> // Тверские губернские ведомости. 1892. № 7. Часть офиц. С. 1; Формулярный список о службе Кашинского уездного предводителя дворянства надворного советника Николая Александровича Пономарева. 23 октября 1907 г. // ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 7050. Л. 17–22; Копия формулярного списка о службе Кашинского уездного предводителя дворянства Н. А. Пономарева. 2 января 1909 г. // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 5041. 5 л.; Надежда Михайловна и Николай Александрович Пономаревы включены в «Составленный на основании

колая Николаевича приводит В. Э. Вацуро в своей книге⁴², а Н. В. Дризен, сын Александры Николаевны, сделал первые публикации материалов из альбомов Софьи Дмитриевны⁴³, которые также были учтены В. Э. Вацуро.

Самые последние строки нашего Эпилога уведут нас к другому писателю, который, впрочем, как и А. Е. Измайлов, тоже был тверским вице-губернатором. Я веду речь о М. Е. Салтыкове, в романе которого «Современная идиллия» все события разворачиваются либо в столице – Петербурге, либо в провинции – на территории Тверской губернии. Практически все реалии, связанные с Тверским краем, названы в романе своими собственными именами, поэтому они не представляют затруднений для комментаторов. И только одно место дано в романе под вымышленным именем, причем такое, с которым связаны важнейшие события произведения.

Когда Рассказчик и Глумов поняли, что в случае дальнейшего пребывания их в Петербурге с них будет потребованы новые формы подтверждения их лояльности, они решили бежать из столицы с целью открытия Заравшанского университета. Однако Глумов уговорил своих спутников высадиться в Твери, чтобы путешествовать до Рыбинска по Волге как с целью вдохновения, так и для того, чтобы пройти здесь «все просветительные обряды», то есть «отсидеть свой срок в холодной, а быть может, и совершить прогулку с связанными назад руками». В результате подобного посвящения

35–37 ст. Положения о земских учреждениях в окончательном виде спсиксдворян Кашинского уезда, достигших 25-летнего возраста, владеющих в Кашинском уезде имущественным цензом не менее одного года и имеющих по ст. ст. 16 и 18 Положения о земских учреждениях от 12-го июня 1890 года право участия по Кашинскому уезду в 1-м земском избирательном собрании для выбора уездных земских гласных на трехлетие с 1900 года» (Тверские губернские ведомости. 1900. № 73. 4 июня. С. 1). Михаил Александрович Пономарев был избран гласным в Кашинское уездное земское собрание на трехлетие с 1900 года» (Тверские губернские ведомости. 1900. № 99. 5 сентября. С. 2). Очень краткая информация о Пономаревых как владельцах села приведена в изд.: *Кисловский С. В.* Кашинский край. Калязин, 1926. Ч. 1–2. С. 87.

⁴² *Вацуро В. Э.* Избранные труды. С. 228–229.

⁴³ *Дризен Н. В.* Литературный салон 20-х годов // Ежемесячное литературное приложение к «Ниве». 1894. № 5. С. 17–20.

герои намеревались получить «свидетельство», позволяющее им дальнейшее спокойное существование⁴⁴.

По причине пароходной скуки путешественники высаживают на пару дней в Корчеве, откуда, попав в подозрение как «сицилисты», они бегут в близлежащую деревню Рассказчика Проплёванную. Здесь бывшие крестьяне Рассказчика подозревают в нем «подменного» барина, доносят на путешественников, которых с конвоем сопровождают назад в Корчеву. Здесь недоразумение выясняется, и герои отправляются по Волге в Кашин, где надеются найти «жида» для крещения, поскольку рассчитывают, что этот «подвиг» зачтется им в качестве подтверждения их благонамеренности. В Кашине герои знакомятся с местным виноделием и судопроизводством, потом отправляются на поиски своего «жида», который проживает управляющим одного крупного имения. Вот описание этого имения:

«Княжеская усадьба, которую арендовал искомый еврей, отстояла от города верстах в сорока на север, по направлению к Бежецку. Не доезжая верст десять, начались княжеские владения, о чем свидетельствовали поставленные по обеим сторонам дороги столбы, украшенные стертыми княжескими гербами. Затем верст семь подряд тянулось обнаженное пространство, покрытое мхом и усеянное пнями, из которых ближайšie к дороге уже почернели и начали загнивать. Лет пятнадцать тому назад здесь рос отличнейший сосновый лес, но еврей-арендатор начисто его вырубил, а со временем надеялся выкорчевать и пни, с тем чтобы, кроме мхов, ничего уж тут не осталось. Версты за три пошли поля, и впереди показалось большое село, а по сторонам несколько мелких деревень. За селом темнела господская усадьба⁴⁵. В селе есть торговая площадь с белой церковью. Село Благовещенское с окружающим его поместьем принадлежало князю Спиридону Юрьевичу Рукосуй-Пошехонскому, который прежде был толковым и рачительным хозяином, но реформы 1861 г. он перенести спокойно не мог: «Реформа подействовала на него так оглушительно, что, ка-

⁴⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 15-1. С. 157.

⁴⁵ Там же. С. 246.

залось, мозги его внезапно перевернулись вверх дном. Он перестал понимать самые простые вещи»⁴⁶. В конце концов, он переехал в Бежецк и сдал имение в аренду еврею Лазарю Ошмянскому, который и разорял имение.

После нечаянного утопления ранним утром еврея Мошки («Это была уже уголовщина») герои бегут в Бежецк, где оказываются в тот же день «около полдён»⁴⁷. Вот и все, что сказано в романе об этом селе, настоящее название которого комментаторами не установлено. Однако по расположению села между Кашиным и Бежецком, по усиленному подчеркиванию его размеров мы не можем назвать ни одного другого в этом районе, который бы более подходил на роль «прототипа», нежели село Кой. Напомню: «Княжеская усадьба <...> отстояла от города верстах в сорока на север, по направлению к Бежецку». Бежецк находится от Кашина в северо-западном направлении, а дорога на село Кой идет прямо на север и село это на самом деле отстояло от Кашина на расстояние около сорока верст; так что Салтыков и в этом отношении был документально точен. Можно было бы, конечно, предположить, что в «Современной идиллии» имеется в виду другой населенный пункт между Кашиным и Бежецком — тоже очень старое и богатое торговое село Киасова гора (ныне поселок Кесова Гора). Однако оно всегда было государственным владением и никогда не принадлежало никакой дворянской фамилии, поэтому с ним и нельзя связать те процессы, которые описаны в «Современной идиллии». Таким образом, и с этой стороны мы приходим к подтверждению нашего предположения, что село Благовещенское «Современной идиллии» — это село Кой.

Вместе с тем никто из тверских Пономаревых не упоминается в произведениях и письмах Салтыкова. Не зафиксированы они и среди тверского окружения писателя⁴⁸. Между тем известно, что Салтыков в сентябре 1860 г. совершил ревизионную поездку по трем юго-восточным уездам Тверской губернии. 15 сентября он

⁴⁶ Там же. С. 249.

⁴⁷ Там же. С. 266.

⁴⁸ См.: Тверское окружение М. Е. Салтыкова: указатель имен / Сост. Д. Т. Сигалова // Щедринский сборник / Ред. Е. Н. Строганова. Вып. 2. Тверь: Золотая буква, 2003.

выехал из Твери, 17–18 приехал в Калязин, 20 сентября он уже закончил ревизию в Кашине, а 22 – в Корчеве. 27 сентября 1860 г. Салтыков вернулся в Тверь⁴⁹. Как можно полагать на основании этих данных, Салтыков отводил на ревизию одного уезда два дня. Скорее всего, он приехал в Калязин 17 сентября и 18-го уже закончил ревизию, так как 20 сентября ревизия была закончена и в Кашине, а 22-го – в Корчеве. Между тем известно, что результаты ревизий были весьма серьезны и основательны⁵⁰ и привели к ряду радикальных решений. Это дает основание предполагать как интенсивную работу Салтыкова на месте, так и основательную предварительную подготовку, которая позволила на месте не столько заниматься выявлением недостатков, сколько проверить уже имеющиеся сведения. На любого рода отвлечения у Салтыкова, как видим, не было времени. Где был Салтыков между 22 и 27 сентября, то есть 23–26 числа, неизвестно, но можно предположить, что он посетил свою вотчину Спас-Угол Калязинского уезда. Поэтому предполагать, что Салтыков специально ездил в Кой, у нас нет никаких оснований. Но будучи сам помещиком Калязинского уезда, Салтыков не мог не знать хотя бы о существовании в уезде такого старинного и известного села и о его владельцах.

3. А. Е. Измайлов и Ф. Ф. Эгерштром

Среди стихотворений Измайлова, созданных в Твери, есть послание «Ф. Ф. Эгерштрому», датированное 20 марта 1827 г.:

*Пиши, о Эгерштром, пиши –
В уединении, в тиши;
Читай стихи, пой и пляши,
Собой нас восхищай, смеши
И в храм бессмертия спеши.*

⁴⁹ Материалы к летописи жизни и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина. М. Е. Салтыков-Щедрин и Тверь / Сост. Е. Н. Строганова // М. Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни. Тверь, 1996. С. 239–240.

⁵⁰ См.: М. Е. Салтыков-Щедрин – ревизор / Вводная статья Н. Журавлева // Красный архив. 1937. Т. 4 (83). С. 160–182. Доклад о ревизии Кашинских уездных учреждений см.: с. 166–171.

*Пиши по-шведски, по-французски,
Но более всего по-русски.
Обогати же наш язык.
Велик ты, Егерштром, велик!
Стихи твои остры и громки:
Дивиться станут им потомки.
Словами, мыслями богат,
Высок, остер, замысловат,
И нежен ты, и благозвучен,
Высок, глубок, непостижим,
И страстно музами любим.*

*Сегодня был я очень скучен;
Но ты меня развеселил
Своими милыми стихами,
И ум и сердце усладил.
Зачем, зачем живешь не с нами,
Любезнейший поэт, в Твери?
Мы вместе бы с тобой писали,
Друг дружке бы стихи читали
И дам стихами восхищали.*

*Ты на зоилов не смотри:
Пусть все зоилы Копыловы
Ревут со злобы, как коровы, —
На критиков стихами грянь,
И вмиг умолкнет эта дрянь.*

*Пиши же, не жалея бумаги,
И полный, как орел, отваги,
Стремися мыслью в небеса,
Округи старицкой краса!
Пиши — но лишь в часы досуга —
Или, как я, в часы недуга.
Хозяйства же не забывай
И дел своих не оставляй,*

*Да более читай, читай.
Послушайся ж поэта друга.*

Так погибнут Зоилы от пера поэта.

Место печати.

Стихотворение имеет комическую подпись, состоящую из разных «сторонних» описаний Измайлова: «Журналист и фабулист, член разных ученых и литературных обществ, писатель для мужчин и дам, российский Теньер 1-ый, и пр. и проч.»⁵¹ «Журналист и фабулист (создатель басен, от франц. Fabio – басня), член разных ученых и литературных обществ» – это, конечно, объективные, так сказать, характеристики. Но характеристики «писатель для мужчин и дам, российский Теньер 1-ый» имеют литературное происхождение. В известной сатире А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» есть такая строфа:

*Вот Измайлов – автор басен,
Рассуждений, эпиграмм;
Он пищит мне: «Я согласен.
Я писатель не для дам!
Мой предмет: носы с прыщами,
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями...
Мир квартальных – вот мой мир»⁵².*

В период издания журнала «Благонамеренный» за многие басни, где «низкие» бытовые подробности «приобретали самодовлеющий интерес»⁵³, Измайлов был назван «русским Теньером» – по фамилии фламандского художника Давида Тенирса Младшего (1610–1690), автора живописных работ о жизни простонародья, его основные сюжеты – свадьбы, пирушки, харчевни и т. п. В третьей главе «Евгения Онегина», упомянув журнал «Благонамеренный», Пушкин сделал в полном издании романа (1833) следующее

⁵¹ Впервые: Журнал ТУАК. № 89. С.25–27.

⁵² Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 446.

⁵³ Проскурин О. А. А. Е. Измайлов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 2. С. 406.

примечание: «Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял»⁵⁴. Пушкин имеет в виду стихотворное извинение самого Измайлова перед читателями своего «Благонамеренного» за неисправный выход номеров:

*Как русский человек, на праздниках гулял,
Забыл жену, детей, не только что журнал.*

В стихах «Евгения Онегина» о «Благонамеренном» был заложен весьма фривольный каламбур, обыгранный более откровенно в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. (XIV, 26), но прозаическое примечание снимало двусмысленность, которая после смерти Измайлова становилась очень неделикатной.

Все эти коннотации подписи Измайлова нам следует учитывать в дальнейшем анализе стихотворного послания нашего вице-губернатора к Федору Федоровичу Эгерштруму (16 января 1790 – 22 марта 1853). Эгерштром – с 1820 подполковник в отставке, помещик села Федоровского Старицкого уезда Тверской губернии⁵⁵. Он увлеченно занимался стихосложением, не имея к этому ни малейшей склонности и, вдобавок, плохо владея русским языком (по рождению он был шведом)⁵⁶. Его корявые стихи стали предметом постоянных насмешек. Одно из них сохранилось в устной традиции:

*Ох ты, плешивый сатана!
Любитель кушать сметана*⁵⁷.

⁵⁴ Пушкин. Полное собрание сочинений: В 16 т. [Л.]: АН СССР, 1937. Т. VI. С. 193. писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. Т. 2. С. 406.

⁵⁵ Село Федоровское Храневской волости Старицкого уезда; в состав имения входила деревня Костино. См. о нем: Описание имения, составленное для получения ссуды в Московском опекунском совете. 15 января 1852. ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 3119. Л. 6–7; Сведения о службе умершего депутата дворянства Старицкого уезда подполковника и кавалера Ф. Ф. Эгерштрома. 1853–1854. ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 3251; Описание имения помещиков наследников г-на Эгерштрома. 1858. ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1700; *Эгерштром Н. Ф.* Воспоминания // Море. 1910. № 5. С. 53–81.107 «Сообщено сыном Ф. Ф. Эгерштрома Николаем Федоровичем» (*Модзалевский Б. Л.* Почитатель Пушкина Ф. Ф. Эгерштром С. 55).

⁵⁶ См. о нем: *Модзалевский Б. Л.* Почитатель Пушкина Ф. Ф. Эгерштром // Историко-литературный сборник в честь В. И. Срезневского. Л., 1924. С. 55–72; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. С. 510.

⁵⁷ *Колосов В. И.* Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 году // Тверской венок Пушкину. [М.:] Московский рабочий, 1989. С. 69.

Упоминаемый Измайловым Копылов — это сосед Эгерштрома по имению, который «жил в 8 верстах от его сельца Федоровского»⁵⁸, «большой зубоскал, потешавшийся над Эгельстромом». Имя Копылова упоминается и еще в одном стихотворении, адресованном Эгерштрому. Вот как об этом рассказывает историк прежних лет, собравший материалы от современников Пушкина: «Эгельстром в одно из пребываний А. С. Пушкина в Тверской губернии и явился к нему в качестве собрата по поэзии, предъявив на его усмотрении произведения своей музыки. Должно быть, при этом он жаловался на несносные обиды завистника своего Копылова. По этому поводу Пушкин и посвятил ему свое сатирическое стихотворение»⁵⁹:

*О, Эгельстром! я восхищенный
Читал творения твои:
Твой стих, лишь гением внушенный,
Блестит, как солнце в ясны дни.*

*Когда, соперник Ювенала,
Метал ты гром твоих стихов,
Коварна злоба трепетала,
Дрожал завистник Копылов.*

*Когда Анакреона лиру
Красе прелестной посвящал,
Тогда разнеженному миру
Восторги сладостны внушал.*

*Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь над гробовой доской,
Весь свет ты песнью огорчаешь —
Тогда стенает все с тобой.
Когда комедией нас хочешь
Пленить — что твой Мольер, Крылов:
С тобой невольно захохочешь...
Сердись, как хочешь, Копылов!*

⁵⁸ «Сообщено сыном Ф. Ф. Эгерштрома Николаем Федоровичем» (Модзалевский Б. Л. Почитатель Пушкина Ф. Ф. Эгерштром С. 55).

⁵⁹ Там же. С. 68–69.

*Поэт, сын Феба вдохновенный,
Как мил для нас твой каждый стих!
Скажи, почто, певец смиренный,
От света ты скрываешь их?*

*Пусти в печать твои творенья,
Заслужишь множество венцов —
Мы все помрем от восхищенья!
О, Эгельстром, ты царь певцов!⁶⁰*

П. В. Анненков опубликовал это стихотворение со слов Н. Ф. Щербины, а тот — в свою очередь, — по утверждению Б. Л. Модзалевского, «записал его, конечно, со слов Льва Сергеевича Пушкина»⁶¹. Между тем известно, что Эгерштром с Пушкиным лично знаком не был. Об том говорит он сам в примечании к одному из своих стихотворений 1837 г.: «Соч. Федор Эгерштром — один из почитателей превосходных талантов незабвенного поэта (но с которым я, к сожалени<ю> моему, не был лично знаком)». Приведем и текст этого стихотворения, написанного на смерть Пушкина — как образец владения Эгерштромом русской речью (поэтому воспроизводим его орфографию и пунктуацию, его стихотворную графику, заменяя лишь выведенные из современного алфавита буквы):

⁶⁰ Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1887. Т. II. С. 41—42. В этом издании ряд стихов даны в более осмысленной редакции, нежели у П. В. Анненкова. Но кому они принадлежат — не ясно. Приводим их варианты по изданию П. В. Анненкова:

1 О, Эге. . . м, я восхищенный
3 <отсутствует>

Ср.: Пушкин. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. Т. II. Ч. 2. С. 497.

17 Когда комедией пленять нас хочешь,
18 Что твой Мольер и что Крылов? —
20 Как мил твой каждый стих!
28 О, Эге. . . м, ты царь певцов!

⁶¹ Модзалевский Б. Л. Почитатель Пушкина Ф. Ф. Эгерштром. С. 56.

Прозаической Элегия

Несколько слов — Плачь и слезы — о Несанном хончины Алек-
сандра Сергеевича Пушкина (Народного Поэта)
О Великий Гений ты хончил уше твой умственной подвиг!
Для сладостной Поэзи — ты был язык и — — — друг!
О сколь много... ты Навсегда внужало — возвишенна чувства! за что
За что же — ты оставил — Нас — так Рано — в одной миг.
Так неожиданно.
В одно — мгновение. вдруг!
О Превосходны Поэт! О тебе — я и все твой друзья сожалеем
Молим *Бога!* и Проливаем горькие слезы —
Печаль мне овладел... тебя — — — Не увижу — *Никогда!*
Прости — — — Прости — — — утешаюсь... лишь втом что На *всегда!*
Громкий имя — — — и чудесной ум твой — уже в литературном мире
блистательно... *сияют!*
О милосрдной Божество — — — Прости — ! простите! Всех согреше-
ний твоих! и направте — духовний путь твой к *Небеси!*
Туда! туда!.. где телезния смерти — ! Вечная жизни.
для души *променяют!* там где *бесъпреривно — Райский Блаженство —*
*всех соединяют!*⁶²

Впервые опубликовавший эти стихи и верно оценивший их как набор слов (что не лишает их, впрочем, культурно-исторического значения), Б. Л. Модзалевский, указав, что Пушкин и Эгерштром не встречались, тем не менее основательно полагал, что со стихами Эгерштрома «Пушкин познакомился в милой ему семье Вульффов — соседей Эгерштрома по Старицкому уезду»⁶³. Но, как известно, Эгерштром с 1 января 1827 г. был выбран на трехлетний срок депутатом от дворян Старицкого уезда в Тверское дворянское депутатское собрание, из чего следует, что он приезжал в Тверь как на сами выборы, так и по делам службы, здесь он и мог познакомиться с Измайловым. Но в Старице на Крещенских праздниках 1829 г. Эгерштром не был и с Пушкиным не встретился. Поэтому существующее предположение, будто Эгерштром написал французский стихотворный ответ на просьбу Пушкина исправить его

⁶² Там же. С. 70–71.

⁶³ Там же. С. 70.

стихи, следует считать плодом вымысла или даже легенды. Вот это стихотворение:

*Comme c'est décidé déjà
Que les souris sont plus petits que les chats,
Que les oeufs n'apprennent pas aux poules
A courir, crier en foules
Coucouricou dans les pays-Bas, —
De meme c'est impossible à moi
De corriger vos compositions⁶⁴.*

Вот его перевод на русский язык:

*Поскольку всем уже известно,
Что мыши меньше кошек,
А яйца куриц не учат
Бегать стайками
И кричать кукареку,
Постольку и нельзя и мне
Исправлять ваши сочинения.*

Между тем авторство Пушкина по отношению к стихотворному посланию Эгерштруму никто не отвергал, да его и трудно опровергать, поскольку манера стихотворения легко вписывается в наше представление о пушкинском каноне. обстоятельная работа Б. Л. Модзалевского, казалось бы, и должна была подтвердить содержание и проблематику, авторство и степень авторизации пушкинского послания. Однако случилось нечто непонятное: специальных работ на эту тему не появлялось, а послание на неизвестных основаниях было выведено из основного корпуса сочинений Пушкина⁶⁵. Думается, что до проведения дополнительной проверки всех фактов эта тема остается открытой, и в любом случае текст послания должен занять место хотя бы в разделе *Dubia*.

В настоящем же контексте — в сопоставлении стихов к Эгерштруму, приписываемым Пушкину, со стихами Измайлова — есть все

⁶⁴ Там же. С. 67. Ср.: *Иванов И. А.* // Журнал Тверской ученой архивной комиссии. № 71. 14 июня 1899 г. С. 14. Благодарю Н. Л. Дмитриеву и А. Ю. Сорочану за помощь в переводе этих текстов.

⁶⁵ См.: Список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Л.: АН СССР, 1959. Т. XVII (Справочный). С. 558.

основания склоняться к мнению, что Пушкин мог включиться в поэтическую игру, развернувшуюся вокруг Эгерштрома, и набросать экспромт, который сохранился в не вполне адекватном виде. Со стороны Пушкина такая забава кажется не вполне корректной, но тем менее корректной выглядит она со стороны Измайлова, занимавшего высокий пост в административной иерархии Тверской губернии. Если мы допускаем, что Измайлов мог писать стихи подобного рода, то почему мы отказываем в том же Пушкину?

Возвращаясь к тверским произведениям Измайлова, следует указать, что среди них сохранилось и одно стихотворение его на французском языке, написанное от лица Эгерштрома, — «*A mademoiselle Alexandrine de Kouropatkine*»:

*Permettes-moi de vous faire mon compliment
Pour votre beau talent
Je vous aime comme ma propre soeur,
Car, graces au ciel, je suis un rimeur,
Et vous, mademoiselle, vous etes une rimeuse tres fameuse,
Mais par malheur un peu rieuse,
Aujourd'hui c'est le jour de votre naissance,
Mais je pense a vous meme pendant votre absence.
Par m. Egerstrom⁶⁶*

Вот его перевод на русский язык — «Мадмуазель Куропаткиной»:

*Позвольте мне сделать комплимент
По поводу вашего прекрасного таланта.
Я люблю вас как родную сестру,
Так как, благодаря небу, я поэт
И вы, мадмуазель, очень известная поэтесса,
Но, к несчастью, немного смешливая.
Сегодня день вашего рождения,
Но я думаю о вас даже в ваше отсутствие.
Г-н Эгерштром.*

Как кажется, предыдущее стихотворение, написанное от лица Пушкина, и это стихотворение составляют своеобразную «эгерштромиану», которая развивалась в кругу тверичей в 1820—1830-е гг.

⁶⁶ Впервые: Журнал ТУАК. № 89. С. 23—24.

Ф. Н. Глинка: из неопубликованного. Записная книжка 1840–1850-х годов

*Подготовка текста и комментарии
Т. В. Тарасенковой и М. В. Строганова*

Ф. Н. Глинка, как известно, был в 1840–1850-е гг. тесно связан с Тверью. К этому времени относится и общение его с Лажечниковым; отдельные эпизоды взаимоотношений двух писателей уже привлекали внимание исследователей⁶⁷. Огромный архив Глинки, сохранившийся в фондах Государственного архива Тверской области, позволяет реконструировать круг интересов поэта и – следовательно – круг интересов его окружения, в частности Лажечникова. Об этом ярко свидетельствует ранее не публиковавшееся стихотворение, названное следующим образом: «И. А. Хилкову (на известный случай)». Мы не знаем, что за «известный случай» имеется в виду, но можем достаточно уверенно реконструировать его, исходя из текста самого стихотворения:

*Двенадцать предводителей
С почтением своим
(А двадцать тысяч жителей
Сочувствовали им!..)
С сердечным умилением*

⁶⁷ См. об этом: *Строганов М. В.* Биографические и творческие документы И. И. Лажечникова в Тверском архиве // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник / Ред. В. А. Викторovich. Вып. I. Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2004. С. 143–154; *он же.* Лажечников и Тверь (по материалам Тверского архива) // *Лажечников.* С. 9–34. Письмо Лажечникова к Ф. Н. Глинке, опубликованное нами в этих изданиях, было предварительно предоставлено для ознакомления В. И. Сысоеву и опубликовано также и им: *Сысоев Владимир.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ «ПРЕСТО», 2004. С. 174–175, но без соответствующих указаний.

*Явились к Вам с прошением
От области Тверской,
Чтоб вы, как муж, без страха и упрека
С достоинством высоким человека,
Своей простреленной рукой,
Вели их по пути гражданства:
«Достойная черта – достойного дворянства».
Но чем приобрести столь общую любовь? –
Одною жизнью ничем не помраченной...
И приобрел её – для Твери незабвенной, –
Достопочтенный князь Хилков!*

Стихотворение в автографе Глинки имеет подпись: «Тверь, 15 дек. 1847»⁶⁸. И эта подпись до некоторой степени проясняет ситуацию. Дело в том, что князь Иван Александрович Хилков долгое время служил по дворянским выборам в должности почетного попечителя Тверской гимназии – в должности, которая предполагала в исполняющем ее человеке наличие высоких гуманистических качеств и свойств, так как он должен был надзирать за воспитанием молодого дворянства⁶⁹. Выборы состоялись в январе 1848 г., значит, как мы можем судить по стихотворению Глинки, именно 15 декабря 1847 г. Хилков дал согласие баллотироваться на эту должность. Этот случай ярко демонстрирует нам то значение, которое имеют записные книжки Глинки для понимания

⁶⁸ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1005. Записная книжка Ф. Н. Глинки. Л. 3.

⁶⁹ Князьям Хилковым принадлежала усадьба Дубровка (Синево-Дуброво) Бокаревской волости Бежецкого уезда. В состав имения входили деревни Безумово, Бокарево, Поросятники, и с-цо Мышлино. Дом сгорел в 1919 г. Об И. А. Хилкове см.: Дело об утверждении в должности почетного смотрителя Тверского уездного училища бежецкого помещика отставного гвардии штабс-ротмистра князя И. А. Хилкова. 1831–1834 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 1161; Формулярный список о службе почетного попечителя Тверской гимназии князя Хилкова. 10 апреля 1852 // ГАТО. Ф. 513. Оп. 1. Ед. хр. 446; Копия формулярного списка... // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 5199; Дело о передаче в пожизненное владение княгиней Хилковой имения Дубровка с деревнями мужу князю Ивану Хилкову. 1854–1855 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 5199; Дело по рассмотрению жалобы Е. П. Хилковой на беспорядочное управление имением родителями ее мужа. 1865 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 4182; Жалобы А. И. Хилкова губернскому предводителю дворянства на родителей, разоряющих имение. 1866–1867 // ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 4350.

не только его внутреннего мира и духовной жизни, но и культурной жизни Твери в 1840–1850-е гг.

Именно поэтому мы публикуем здесь целиком одну из записных книжек Глинки этих лет (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 990). Мы стремимся в этой публикации пока только представить записные книжки Глинки как важный документ духовной жизни поэта, так как они с этой точки зрения никогда не только не были описаны, но даже и не представлены исследовательскому вниманию. Из записных книжек извлекались стихотворные тексты Глинки, записи снов и видений⁷⁰, но все эти многообразные материалы (мысли и афоризмы, стихотворные наброски, политические и социальные сентенции) еще не были представлены читателю в своей совокупности и, следовательно, выпадали из общекультурного фонда. Привлечь к ним внимание и составляет цель настоящей публикации. Единственное вмешательство, которое мы позволили себе при публикации текстов, – это разделение разножанровых текстов пробелами, что яснее представит каждый из этих текстов.

Впрочем, даже разделение текста записных книжек на адекватные фрагменты подчас затруднительно, так как нам во многих случаях достаточно сложно решить, является ли та или иная запись оформлением новой темы, либо это развитие сказанного ранее, которое достаточно сложными ассоциативными ходами связано с предыдущим. И так как это первый опыт такой публикации, мы предлагаем здесь эксперимент по репрезентации записной книжки читателю (превратив, таким образом, автокоммуникативный текст в текст, имеющий отличного от автора адресата). Поэтому мы предполагаем, что настоящая публикация вызовет желательные для нас замечания, которые позволят нам проверить свой опыт и сделать из этого определенные выводы.

Как легко можно увидеть, в записной книжке мы видим сам процесс формирования художественной мысли Глинки. Например, в следующем фрагменте сначала образ голубки Ноя использован в «социологическом» рассуждении, а потом – в стихотворном

⁷⁰ Из последних публикаций подобного рода см.: *Глинка Ф. Н. Стихотворения / Сопроводительный текст и составление М. В. Строганова. Подготовка текстов Л. Л. Ерохиной и М. В. Строганова. Тверь: Лилия-Принт, 2006.*

фрагменте: «Грустна современность!.. Душа, как *Ноева голубица*, носится над потопом, не имея, где присесть, куда приютиться! Не выказываются уже ни величественное древо *религии*, ни зеленая ветка *дружбы*, ни прекрасная вершина любви и поэзии. Всё погрязло, всё залито потопом суеты, суетности, своекорыстия и расчетов. Негде пристать, негде приютиться, и душа носится сиротою над разливом *современных страстей*, как голубица Ноева над мировым потопом.

Душа

*И носится, как Ноева голубка,
Над мысленным потопом мировым,
Не находя ни ветки, ни приюта».*

И ясно, что, только имея полное описание всех записных книжек, мы сможем восстановить весь ход социально-художественной мысли Глинки, и только уже после этого судить о системе его политических и эстетических взглядов. Все же предварительные рассуждения по этим и по другим поводам очевидно поверхностны и скоропалительны.

Записная книжка заполнялась сначала с одного конца страница за страницей (единственное исключение – пропущенный лист 12), и так – до листа 24. Потом Глинка перевернул записную книжку и стал заполнять ее с другого конца. Поэтому начала записей мы видим на оборотах листов, а продолжение и окончание их – на лицевой стороне, при этом все записи помещены «кверху ногами».

<л. 1>

У Бога свои дороги!

Муж и жена должны разыгрывать сонату жизни в 4-ре руки.

Удерживать желанья свои на поводу терпения.

Бока лени прищипывать шпорою воли.

Отрезывая кому ломоть существенности, помажь его всегда маслом надежды.

Тайна жизни высказывается в глухом звуке раба, вздыхающего от тяжести земли, на него брошенной.

<л. 2>

Евреи (в Пруссии, в Англии) везде получают *право гражданства* и право жениться на <Л. 2 об.> христианках. Будут евреи гене-

ралами, министрами, главнокомандующими и далее... Сбывается ли это уже предсказание апостола Павла о евреях?⁷¹ Или это совсем *другой* оборот вещей?

В Швейцарии 7 кантонов (van fax bund) ополчились «За души и законы свои» — они решили защищать веру, свободу древнейшей швейцарскую и порядок, как его признавали доселе. Все прочие кантоны восстали на всё, что считалось доселе *святым*, <л. 3> *порядочным, правильным*. На знаменах своих вольных корпусов написали они: «Долой всех хозяев фабрик! Долой всех собственников! Долой всех священников! Долой христианство!» А женевские иступленники написали: «A bub Dieu». Посмотрим, каково будет общество без порядков и иерархий земных и небесных!

<л. 3 об.>

Пророк весны — ручей живой!
И не орамленный берегами,
Ты тайной шепчешь под снегами,
И неразгадан шепот твой!

Посол ли ты? Несешь ли вести
Кому? О чем, — безвестный сам! —
Твой шепот ропота ль, иль мести,
Или молитвы к небесам?

<л. 4> Подснежный ручей

Я не один!.. Нас *скрытых* много:
Снегообильная зима
Держала нас в затворе строго,
И надоела нам тюрьма...

И вот, подав друг другу вести,
Сшептавшись, выхлыснем мы вместе
На тишь, на гладь, на вольный свет
И жизнью заживем живучей...
Но сколько ж гибели и бед
Придет к нам с жизнью сей гремучей!..

⁷¹ Очевидно, имеются в виду слова Св. ап. Павла из Послания к Римлянам: «Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех призывающих Его» (10, 12); либо — оттуда же: «И так весь Израиль спасется, как написано...» (11, 26).

<л. 4 об.>

Конечно, и зима строга;
А вы, размыв свои берега,
Сорвав пластины, взрывши нивы,
Вы нам дадите дни счастливы?
Кто нам поручится за вас?

Так в дни борьбы и столкновенья
Двух поколений между нас
Не эти ль слышите сужденья?..
Кто ж прав из них? Кто виноват?
Те дорожат прошедшим временем,
Те жарко *нового* хотят,
А *старое* считают бременем.

<л. 5>

Но рассудить их кто бы смог?
Таких *ответчиков с истцами*
Судить не нашими умами:
Так пусть же судит их сам Бог!

С необыкновенным искусством умеют возбуждать дурные страсти литераторы нынешней пропаганды.

Мысли: Судьба человека.

Отчего младенец, в минуту рождения, имеет вид испуга? — Отчего издает пронзительный плачевный вопль? В минуту рождения читают над ним приговор смерти. <л. 5 об.> Но младенец плачет, и кто-то, сжалясь над ним, отсрочивает исполнение приговора. И вот малютку покоят, лелеют, убаюкивают, а смерть, все-таки поверяя итоги свои, заглядывает в колыбель и отмечает срок на списке своем. И вот малютка становится на ноги и, *забыв отсрочку*, сорит жизнь, как будто она целая вечность. Тут мир делает торжественный прием взрослому и на первом шагу надевает ему магические стекла. В эти стекла видит он всё, как видят все. Мелочи представляются *огромными*, вещи истинно великие — малыми. При этом два гоголоса шепчут в оба уха. Первый: «Не думай о будущем!» Второй: «Наслаждайся!» — И бежит человек по пути на-

слаждений, платит за всё и везде — жизнью. <л. 6> За жизнь покупает он две вещи, всеми раскупаемые — *пустоту* или *мертвечину*. Но пустоты, известные под общим названием *суеты*, окружены увлекательными вихрями. И мертвечина, как и всякая гниль и плесень, — радужными оттенками. Еще вчера человек, увешанный, унизанный так называемыми дарами счастья, разговаривал с друзьями за столом, сегодня лежит уже на столе. Приговор исполнился. Две корзины являлись: одна при начатке, другая — при конце его жизни. Первая колыбель, выставившая цветок на базар жизни, другая — могила, приявшая плод, созревший на стебле цветка.

<л. 6 об.>

В человеке живет другой человек: в наружном *внутренний*. И этот внутренний совершенно *другой* воли, других *желаний*: это *живой*, носящий на себе заплечного *мертвеца!*

Мир шумит и мир тревожится,
В кипятке страстей кипит,
Человечество безбожится,
Оттого *ему неможется*,
Оттого в нем всё болит!!!⁷²

<л. 7>

Если хочешь, чтоб к тебе
Было небо *близко*,
Держи сердце высоко,
А *голову низко*⁷³.

Вместо литературы *чувствительной* настала литература *чувственная*.

Форма, овладев литературой, выжила из нее душу.

<л. 7 об.>

К Сербивечу.
Желая отклонить людей от размышлений дельных, нравствен-

⁷² Третий стих читается: «Человечество ж безбожится».

⁷³ Опубликовано в составе цикла «Советы» из двух стихотворений под номером I:

ных, высоких, представили воображению их картины *сладострастия* и растлили девственность души человеческой, наполнив головы помыслами заразными. Философию рассорили с религией, поэзию – с нравственностью.

Изящная словесность, искусство, вкус, нежность чувств, благие нравы, прелесть образованного общества, полезные труды – всё *поглотил современный роман*, внедривший в <л. 8> общество стихию любострастия, погрузивший нравы в неслыханное бесстыдство, отнявший у человека всё, что у него было лучшего, возвышеннейшего!

(к Минирину)

Литераторы, застрельщики *нынешних политиков*, открыли грязь на улице, и политики (социалисты, коммунисты) за то, что *улица грязна* (а когда ж улицы не бывают грязны?), хотят сломать всю улицу!.. Сотни прекрасных домов должны быть разрушены до основания за то, что на улице накопилась грязь. <л. 8 об.> Не лучше ли надеть коты и пройти по грязи, и улицы не ломать?⁷⁴

Что человек? – Давнишняя загадка, который ключ зажат в захвате <?> у Бога?

<л. 9>

Сегодня и вчера ведь всё одно и то же.

Ну нет, не всё одно: вчера ты был моложе!

Небо тучами сводилось,
Всё затихло, и кругом
Размокропогодилось,
И темно, как ночью, днем.

Это чистое подобие
Современности – и вот
До чего ума озлобие
Привело теперь народ!

⁷⁴ Опубликовано с неточностями: *Глинка Ф. Н. Стихотворения*. С. 40–41.

<л. 9 об.>

Всюду выходки безумия
Смутам нет нигде конца
И туман размокроумия
Застилает все сердца...

Враги общества (коммунисты) до тех пор будут стоять против общества в падеже винительном, пока общество не станет в отношении к ним в падеже дательном⁷⁵.

Ныне Восток и Запад, схватив человека за руки и за ноги, разбирают живого на две части: вот отчего крики и борение!

<л. 10>

Всякая птичка хочет полетать,
Всякий человек хочет погулять,
А ты не должен никого осуждать!

<л. 10 об.>

Просвети
Просвети меня, мой Боже!
Научи меня, творец!
Чтобы всё, что сердце гложет,
Усмирилось наконец!

Раствори слепого очи,
Чтобы, свет нося в себе,
Он, чрез сумрак дальний ночи,
Постоянно шел к тебе!

<л. 11>

Одни люди, в прекрасные летние дни, когда солнце сияет всем своим блеском, сидят в темном затворе и с жаром спорят, судят и рассуждают о сущности и свойствах солнца, — не думая пользоваться его благотворными лучами. *Другие*, между тем, без всяких затей, ходят *просто* по солнцу и радуются, наслаждаются его теплотой и светом. *Первые* — богословы, толкующие о сущности и свойствах Бога, *другие* — люди с простым сердцем, ходящие

⁷⁵ Опубликовано с неточностями: Глинка Ф. Н. Стихотворения. С. 39.

в Боге, утешающиеся Божеством, *последние* – верующие, *первые* – *умствующие*.

<л. 13>

Что есть мщение? Усилие восстановить правосудие, желание достигнуть правоздаяния. При недостатке правого суда свирепствует мщение. Что суд *недосудит*, то человек думает *домстить*. Восстановите правосудие, мщение угаснет. Ему нечего будет делать!

Побьют несправедливо, является мщение, побьют за правду (если это сознается), мщения нету!

Идеи в голосе (нравственные зубы: ими человек грызет и жуёт) прорезываются с болью так же, как и зубы во рту.

Под домом, в котором доселе жило человечество, лопнул пороховой погреб, люди взлетели на воздух и, в дыму и тумане, барахтаются кто вниз головой, кто вверх ногами. Вот современное положение человечества! И никто этого не замечает!!!

<л. 13 об.>

Как творится мир, так творится и человек. *Сперва* (и земля была покрыта *водами*) плавает он в воде – живет жизнью рыбы; потом переходит в жизнь *растения*; а там в жизнь животных и, наконец, выходит человеком.

Кругом обходит нас гроза,
Не унывайте под грозою
И с чувством, вверх подняв глаза,
Молитву, с брызнувшей слезою,
Пошлите смело к небесам
И явится защитник к Вам!!!

<л. 14 об.>

Уклоняясь от Христа, мы становимся похожи на паровоз, *сбившийся с рельсов*. Вместо прежней быстроты, с которою летели по *пути прямому* (пути истины, порядка и обязанностей), мы попадаем в ров или болото, дробим и ломаем всё, что нам ни встречается, или сами дробимся и ломаемся обо всё, что встретим!

Чтоб плавать легко и свободно по современному морю жизни, надобно иметь две вещи: легкость и глупость тропки <?>.

<л. 15>

Современное человечество (Европу) ближе всего сравнить с пауком, у которого разорили всё его старое хозяйство, оборвали все ткани его паутины. Лишенный всяких прежних связей и отношений, он, бедный, висит на одной тонкой ниточке и болтается между небом и землей, не зная, куда приземлиться! Вот положение современного человечества, у которого оборвали все его старые *верования*, все заветные упования, все мечты и связи с *прежним*. Уединенное, ограбленное, оно висит и, кажется, над бездною, не зная, куда приземлиться!..

<л. 15 об.>

Напрасно все твердят нам о положительности. Все ищут наслаждение только в положительности, а лучшие наслаждения бывают ли положительными? – Наступает вечер; небо, с одной стороны румяное, с другой серебримое светлою луною, глядится в ясное, как литая сталь, озеро, переговаривается, кажется, с темным лесом на молчаливых горах. Вдали сумерки окутывают башни какого-то средневекового замка. Человек смотрит на эту нерукотворную картину и наслаждается. Наслаждение его истинное, не *положительно ли оно?* Подул ветер, забегали облака, смерклась даль, лучи светил и отражения переменялись, и *картина* исчезла. Но она *была*, она услаждала. Она была потому, что *художник* похитил ее у природы и приковал к холсту.

<л. 16>

Минуты⁷⁶

Бывают грустные минуты,
В груди кипит вулкан,
Все чувства наглухо замкнуты,
В глазах стоит туман!

В глазах туман – а за туманом,
Водоворот вещей:
Сей мир, кружимый ураганом, –
Бессмертный сей Кощей!

⁷⁶ Опубликовано под названием «Мысли» по другому источнику: Глинка Ф. Н. Стихотворения. С. 67. Без первой и последней строф.

Кипят, спешат, бегут, мелькают,
Скользит за тенью тень,
Как будто люди доживают
Последний жизни день!

И впрямь, пошли часы природы
В какой-то перебой:
Везде встревожены народы
Грядущею судьбой!!!

Но есть минута для поэта –
Из темных туч эфир
Обдаст его потоком света,
И скажут сердцу «Мир»! –

И прочь уж, грустные минуты,
Затих в груди вулкан,
И чувства больше незамкнуты,
И снят с души туман!

<л. 17>

Напрасно думают, что *не все и не везде* веровали и веруют в Христа. Все и везде веровали и веруют в *премудрость*, а Христос – премудрость, верили в силу, а Христос – *сила* (и какая еще сила? Всепоглощающая!) Верили в *истину*, а Христос и есть истина; верили в *благодать*, а Христос – благодать, и *неизреченная!* Верили в гармонию и *красоту*, а Христос – высшая гармония (стройность, *порядок*) и высшая (*чистейшая*) красота!

<л. 18>

Земля пронята *магнитными линиями*: это жилы Земли, и жилы животрепещущие, потому, что имеют свое движение: *уклонение магнитной стрелки* доказывает это!

В-ву
И мы пермесским жаром дышим,
И мы подчас заодно пишем;
Но проще самой простоты
Стихом цветистым, *как цветы*,
Писать лишь можешь только ты!

<л. 18 об.>

Мы прислушались к молитвам великопостным и потому не ценим их важности. Что может быть величественнее? 30.000.000 (в России) *православных* в одну и ту же минуту стоят на коленях⁷⁷ и силы небесные невидимо служат с ними! Вот единство нации!

—

Видихом *света* истинный, прияхом *духа небесного*, обретохом *веру истинную*: вот *православие!*

Наши молитвы как ниточки тянутся к Богу *снизу*, а благодать его осеняет нас *свыше!*

<л. 19>

Язычество и христианство — человек *внешний* и *внутренний*. Боги языческие были боги *любожестивости, обжорства, пиров, игрищ*. Христос — бог *девственности, целомудрия, воздержания, единенных бдений*, Бог жалости, любви, тишины, мира и прощения.

Куда ж привела нас наша современность? — Прямо в *язычество*! Всё *внешнее*, всё *плотское*, всё *страстноудное*! Все зажили *внешнею* стороною и забыли о *внутренней*: пьем, едим, гуляем, телу угождаем, суетимся, злобимся и распутствуем! <л. 19 об.> Ангелы наши плачут, Христос тоскует, а общество — маскарад начнет и полькирует!

Грустна современность!.. Душа, как *Ноева голубица*, носится над потопом, не имея, где присесть, куда приютиться! Не выказываются уже ни величественное древо *религии*, ни зеленая ветка *дружбы*, ни прекрасная вершина любви и поэзии. Всё погрязло, всё залито потопом *суетности, своекорыстия и расчетов*. Негде пристать, негде приютиться, и душа носится сиротою над разливом *современных страстей*, как голубица Ноева над мировым потопом.

<л. 20>

Душа

И носится, как Ноева голубка,
Над мысленным потопом мировым,
Не находя ни ветки, ни приюта.

⁷⁷ Речь идет о церковной службе в Великий пост. — Ред.

Все нити прошедшего сматываются в один клуб настоящего.

Смотря на наше *современное человечество*, видишь, что оно как будто остановилось на своем пути и обратилось лицом назад. Будущее или закрыто, или не существует для него. От этого, оглашая воздух криком: «Вперед! Вперед!», оно уже не идет вперед, а зарылось и роется в прошедшем. Смотрите, сколько изысканий, диссертаций, наконец, целых томов — и всё о *прошедшем!* Все времена, кажется, сливаются *в одно время*, все люди в одного человека, и хоть человек прожил все жизни: индийскую, египетскую, греческую, римскую, прошел и средние века и политическую жизнь былой Европы — и теперь остановился в каких-то сумерках и в недоумении о том, что кругом него творится. Ожидает разрешения вопрос: Куда он зашел?

<л. 20 об.>

Люди обыкновенно смиряются перед смехом и успехом: т. е. боятся насмешки и чрезвычайно высоко ценят всякий успех.

Земля и общество свой изменяют вид,
И всё, что видится, дается нам мечтою.
И всё несется и спешит
С главокружебной быстротою!

<л. 22>

Воздух состоит из *кислорода* и *азота*: из *души* и *тела*, равно как и человек. Оттого алхимики и называли *содержимое душою* содержащего. Если делается *перевес кислорода*, воздух будет ненормален, слишком легок, тонок, огнист. *При перевесе азота* он делается *тяжел, густ, плотен!* Равно так и в человеке при перевесе души и тела: или он душевен, или плотен!

<л. 23>

Чудесный миг, чудесный час⁷⁸

Чудесный миг! Чудесный час!

⁷⁸ В кн.: Глинка Ф. Н. Стихотворения. С. 60 — опубликована одна первая строфа по писарской копии с припиской автора (карандаш): «К аллегориям». Ед. хр. 993. Л. 64.

Я был не на земле, а Где-то:
И сердце было так нагрето,
И слезы капали из глаз...

С тех пор всё в бурях я ношусь
И свет души моей погас;
А всё вас жду и не дождусь,
Чудесный миг! Чудесный час!..

<л. 23 об.>

Говорят о *равенстве*, твердят о равенстве, поют о равенстве, требуют равенства. Взгляните на общее купание в реке, в заливе, в море. Богач и бедный, простолюдин и вельможа одинаково погружаются в воду, ныряют, плавают, омываются, всякий по-своему. Скинув платье и кинувшись в воду, все становятся равны: тут не по чему отличить вельможу от простака! Так точно люди, совлекающие с себя одежду *внешнего* (мирского) и погружающиеся в *море живое* — в Христа, становятся равны! Вот настоящее и *единственное равенство!*

<л. 24> И вот отчего так долго тянется дело суда! Мы, близорукие и мало смышленные, за общим пеняем и спрашиваем, почему грешным нет конца? — А Христос действует медленно, постепенно, с глубочайшим вниманием, с величайшею пощадою, с неимоверным долготерпением. Вникнем хорошенько в дело, поставим себя на место подсудимого и тогда постигнем всю благодать, всю любовь Христа!

<л. 24 об.> Посмотрите, как он не хочет доломать уже надломанной свечки, не догасить уже полуугасшей искры. Посмотрите, с какой заботою ходит он около бедного грешника, уже разожженного страстями и пороками, уже запятнанного дурными привычками, уже готового потерять (свой нравственный номер) свое человеческое достоинство! Что бы ему стоило оттолкнуть грешника (часто упрямого и дерзкого) и заняться праведниками! Но он оставляет 99 овец и идет в пустыню, чтобы отыскать одну! — Он хочет очистить, направить, упорядочить каждого, чтобы ни одна полушка не утратилась из сокровища Отца Его.

<л. 31 об.>

Среди восторгов и наитий
Блестит, бывало, чудный свет,
И мысли тянутся, как шелковые нити,
И чувствуешь, что ты поэт!

Тогда любовь с тобой жила,
Ты весь обкладывался дружбой,
Теперь кругом себя раскинь бы все дела,
И, словно галстуком, обвязан тесной службой!

<л. 30>

Кто объяснит, какая жизни цель?
Двух приговоров ведаем мы силу:
Один на смерть – судьба кладет нам в колыбель,
Другой религия кладет на жизнь – в могилу!..

<л. 29>

Человек над богатством корпит да корпит,
А стоногое время бежит да бежит;
А за временем смерть, притаившись, сидит.

Пали горы, сохнут реки
И проходят веки, веки,
А всё те же человеки!!!

В этот век, и тревожный и слезный,
Где пороки разнузданы все,
Хромоногая кара бредет по шоссе,
А вина с преступленьем летят <...>

<л. 28>

Бывали ль вы на берегах Северного моря, видели ль борьбу и сражение громад, носящихся по этому морю? Огромные льдины, иные в виде угловатых островов, другие похожи на разбитые башни, выплывают с разных сторон в море, и каждая считает себя властелином моря. Но это продолжается до первого столкновения. Начинают дуть ветры, то с этой, то с другой стороны, льдины бегут одна на другую, трещат, сшибаются и дробятся. В это время,

когда страшно и порывисто сражаются ледяные армии, стоит спокойно и величественно на высоком берегу Поморья старинная церковь. О, молча внимает она шуму борьбы под ногами своими. Наконец ужасные <л. 27 об.> громады становятся обломками, обломки – незаметными дробями, свежий восточный ветер гонит всё наносное, засорявшее море, и море, – уже чистое зеркало, – отражает в себе небо и прибрежную церковь с ее золотым крестом.

Знаете ли, кто эти льдины? – Это современные философские системы и мнения. В страшных угрожающих видах, открытые в стуже скептицизма, могучие буйством ума и вооруженные острием анализа, всплывают они в море взволнованного века. Шум их – этот жаркий спор холодных мыслителей приводит в трепет души простых, сердца смиренных. Но скоро взаимное трение сотрет главы гордых, повеет благий дух светлых мыслей и унесет всё наносное. Небо по-прежнему отразится в успокоенных волнах теперь возмущенного духа, и церковь изобразится в том же уясненном зеркале. <л. 27> В успокоенных волнах возмущенного Духа отразится по-прежнему небо золотым *солнцем истины*, и церковь, по-прежнему же, изобразится в том же уясненном зеркале с *золотым крестом*.

<л. 26 об.>

С сердцем должно сделать то же, что со скрипкою: разбить его вдребезги, склеить опять и тогда получить превосходный инструмент. Из дешевого дорогое, из ничтожного важное: Бог так и делает. С его соизволения мир дробит и разбивает в куски сердце человека,

<л. 26> Сердобольный и многомилостивый Христос склеивает его, а Дух Божий извлекает высокие гимны из струн возрожденного.

В темную, темную ночь, ни зги не видя, идет человек по дороге, окруженной рвами и пропастями. Он, правда, запасся *фонарем*, но с ним одним далеко ли уйдешь по пути незнакомому, да еще и опасному. Хорошо еще, коли он *ходит* (как говорят мудрые старцы) опасно. А то ведь фонарь светит у тебя только под носом, а дальше от него темнота еще темнее. Худо кончилось – был чело-

веком, да вот, из густой темноты послышал он сверху *голос*: «Не ходи *сюда*, держись такой–то стороны, иди *туда* и туда!» – Голос определял *путь* ясно и верно. Человек положился более на *голос*, чем на *фонарь*, и dospел благополучно. *Голос* – *откровение*, фонарь – рассудок.

<л. 25 об.> Случалось ли всем считать большие суммы ассигнациями или нынешними кредитными билетами, тонкими, как паутина? Разбирая ваши суммы по сортам и породам и подбирая масть к масти, вы с заботливостью приостанавливаетесь на каком-нибудь билете, который, весь в лепестках, едва лепится в рамках какой-нибудь загрязненной бумажки. Как вам хочется лепестки этого растерзанного билетца свести вместе, сблизить в одно, чтобы не потерялось его внутреннее достоинство! Как вы ухаживаете за этим билетцом, как собираете, убираете, приглаживаете, охорашиваете его! Наконец, сложив все нумера и отрывки, вы одеваете восстановленную по вам <?> в новую былую сорочку и очень довольны вашим успехом! Неправда ли?

<л. 25.> Сторублевые билеты, новые и цельные (праведные), совсем не так вас занимают. Вы кладете их спокойно в пачки, не останавливаясь ни на одном, а бедный истертый целковый ужасно заботит вас. Над ним-то вы суетитесь, о нем такое попечение! А что бы, кажется, изодрать его, уж надодранного, и швырнуть в сторону. Нет, вы таки занимаетесь им, таки <?> тоски хотите уладить, упорядочить его, чтобы ввести и его, несчастного, в общую сумму отборных знаменателей золота и серебра.

Ах, эти билетцы есть мы, а считающий, разбирающий, судящий нас – это Христос!

«Ловители»: история одного стихотворения Ф. Н. Глинки

Стихотворение, о котором пойдет речь далее, впервые было опубликовано в журнале «Московский телеграф» 1826 г.⁷⁹ Экземпляр журнала из личной библиотеки Глинки с маргиналиями автора находится в отделе редких книг Научной библиотеки Тверского государственного университета.

В творческой биографии Глинки «Ловители» занимают особое место. В известном смысле этот текст автобиографичен, хотя нет в нем упоминаний конкретных событий или лиц. Но никогда переживания поэта не выражались с таким драматизмом и с такой откровенностью. Тому есть ряд причин, которые следует прояснить. Текст «Ловителей» — средоточие убеждений поэта.

Ведь жизнь Ф. Н. Глинки — поиски истины на всех путях, где поэт надеялся открыть добро и служить на пользу людям. Именно эти неустанные поиски привели Глинку в масонскую ложу «Избранного Михаила», которую он оставил 1 августа 1822 г., когда последовал высочайший указ о закрытии лож в России, а потом и в декабристские организации «Союз Спасения» и «Союз Благоденствия». Глинка не был радикально настроен по отношению к царской власти. Смягчение нравов, общее распространение «веры и верности» — вот что, по его мнению, нужно обществу. О готовящемся восстании Глинка знал, но уговаривал друзей, настроенных более решительно, «не делать никаких насилий». В начале 20-х гг. к нему был подослан Григорий Перетц, сын известного винного откупщика. Сначала Глинка принимал его радушно. Вскоре, однако, тот стал уговаривать его на содействие образованию в Палестине иудейского государства. Давая показания следствию, Глинка вспоминал, что сказал тогда Перетцу: «Да Вы, видно, хотите придвинуть конец света?». Одновременно Перетц

⁷⁹ Глинка Ф. Н. Ловители // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 4. С. 155–156.

добивался заключения соглашения между русским правительством и банком Ротшильда о больших займах. После поражения восстания на Сенатской площади он оклеветал поэта, приписав ему организацию вместе с ним, Перетцом, тайного общества Хейрут («Свобода»). Так Глинка стал заключенным Петропавловской крепости. Помощи ждать было неоткуда. Шло следствие по делу декабристов, выступивших на Сенатской площади. «Братья» по масонству не спешили подать руку помощи отступнику от общего дела. Добившись встречи с Николаем I, Глинка стремился доказать императору, что обвинения против него – результат клеветы подспудных «доносителей» и «ловителей». В ответ император, славившийся высоким ростом, помахав рукой над головой тщедушного Глинки, произнес слова, вошедшие во все жизнеописание поэта: «Глинка, ты совершенно чист, но все-таки тебе надо очиститься». Вскоре после этого последовала отставка полковника Глинки от службы и ссылка поэта в Петрозаводск. 3 августа 1826 г. гражданский губернатор Олонецкого края Фон-дер-Флит докладывал начальству, что 30 июля того же года коллежский советник Глинка приступил к своим обязанностям в Олонецком губернском правлении. Трехлетняя ссылка – самое меньшее, что мог ожидать поэт в отношении своей участи.

Стихотворение «Ловители» опубликовано в четвертом (апрельском) номере седьмой части журнала «Московский телеграф» за 1826 г., то есть еще до ссылки поэта. Можно предположить, что написано оно было после судьбоносного разговора с императором, когда поэт уже знал, что избежал самого страшного.

Ловители

Глухая ночь была темна!
Теней и ужасов полна!
Не смела выглянуть луна!
Как гроб молчала глубина!
У *них* в руках была страна:
Она во власть им отдана...
И вот с арканом и ножом,
В краю, мне страннику чужом,
Ползя изгибистым ужом,
Мой путь широкий залегли,

Меня, как птицу, стерегли...
Сердца их злобою тряслись,
Глаза отвагою зажглись;
Уж сети цепкие плелись...
Страна полна о мне хулы,
Куют, при кликах, кандалы
И ставят с яствами столы,
Чтоб пировать промеж собой
Мою погибель, мой убой...
Я шаг вперед....остановился,
Припал, с тоской, к земле сырой
Как нищий, Богу помолился
И страх с души моей скатился
Огромной, черною горой...
Нашла моя молитва Бога,
Сошла к молящему любовь –
И агнцу бедному прорезалась дорога
Сквозь стражу гладную – волков!...

Ф. Глинка

Удивительно эмоциональные строчки, это одно из немногих стихотворений Глинки, в котором за местоимением «я» стоит личность самого поэта. Его можно назвать автобиографическим, хотя события не названы, а даны опосредовано через переживания героя. Между тем, сам автор явно не хотел, чтобы оно появилось еще где-нибудь в таком виде. Прошло время. Страсти улеглись. Душа успокоилась. Весной 1830 г. Глинка поселяется в Твери, в 1831 г. счастливо женится. Именно к этому времени относятся исправления, которые автор вносит в уже напечатанное произведение. Он зачеркивает название стихотворения и свою фамилию, сглаживает, обезличивает некоторые строки, стремясь изменить общее впечатление, придать стихотворению не столь мрачное звучание. Так в тексте вместо зачеркнутых строк появляются новые, написанные от руки:

Глухая ночь была темна! – Лесная ночь была темна!
Страна полна о мне хулы – В пустыне движутся скалы

Исправленный вариант остался только на страницах экземпляра «Московского телеграфа».

В советское время стихотворение было опубликовано в сборнике «Избранные произведения Ф. Н. Глинки» в 1957 г. в незаконченном виде (без девяти последних строф)⁸⁰ и так же перепечатано в сборнике 1986 г.⁸¹ По вполне понятным причинам в этих изданиях была убрана основная мысль стихотворения о спасительной силе искренней молитвы. Между тем Глинка осмысляет жизненные события как человек искренно верующий. Для него помилование – победа Божьего начала над черными дьявольскими силами, над армией «ловителей» и «искусителей». К теме «ловителей» Глинка возвратится еще не раз. Она прозвучит в поэме «Карелия» в рассказе о бесовских искушениях, в поэме «Иов» появится и сам главный «ловитель» – сатана. Но в поздних произведениях искушение преодолено; «ловители» поэту более не страшны.

⁸⁰ Избранные произведения Ф. Н. Глинки / Вступ. статья и подготовка текстов В. Г. Базанова. Л., 1957.

⁸¹ Глинка Ф. Н. Избранные сочинения/ Вступ. ст. и примеч. В. И. Карпеца. М., 1986. С. 55.

Н. М. Коншин

Две статьи из «Тверских губернских ведомостей»

*Вступительная заметка, подготовка текста
и примечания А. Ю. Сорочана*

Николай Михайлович Коншин (1793–1859) – поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. В историю литературы Коншин вошел благодаря близкому знакомству с Баратынским (служившим под его началом в 1819–1824 гг.) и с Пушкиным. Значительная часть жизни Коншина прошла в Тверской губернии. В 1825–1827 гг. он служил в Тверской казенной палате, а в 1837 – 1850 директор народных училищ Тверской губернии и Тверской мужской гимназии. Это последнее назначение он получил не без помощи Пушкина. При устройстве Коншина на место Лажечникова возникли неясные пока осложнения; именно этими трудностями принято объяснять визит Коншина к Пушкину 27 января 1837 г. – перед дуэлью. Хотя Пушкин и рекомендовал Коншину последовать примеру Лажечникова и обратиться к истории, совет его не был исполнен в точности. В Твери Коншин активно занимался историческими изысканиями. Плодом их стала работа об этимологии названия города, а также ряд стихотворений. Коншин – автор статьи «Оршин монастырь Тверской епархии» (1847), стихотворения «Первая поездка к вам» (с описанием дороги из Твери в Берново) и др.

Ниже мы публикуем две статьи Коншина, появившихся в «Тверских губернских ведомостях». Они отражают круг интересов писателя-чиновника; отметим, что литературный талант Коншина был признан в губернии. Недаром его статья «Достопамятные

минуты» была напечатана особым прибавлением к «Ведомостям»; этот номер был подписан в печать Лажечниковым. Следует отметить, что религиозная риторика «Достопамятных минут» напоминает о романе Коншина «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году» (1834). Сходные мотивы прославления христианской любви с легкостью обнаруживаются и в «Записках о 1812 годе» (опубл. 1884). Такого рода религиозный взгляд на события новейшей истории свойственен и поздним сочинениям Лажечникова; то, что размышления двух писателей и тверских чиновников весьма сходны, думается, выходит за рамки случайного совпадения.

«Тверская летопись» погружает читателей в бедную событиями культурную жизнь губернского города. Отметим, что среди публикаций на театральные темы в «Тверских губернских ведомостях» эта – самая объемная.

В истории литературы и проза, и стихи Коншина по заслугам занимают скромное место. Однако в Тверской губернии в 1840-х гг. чиновник Коншин – один из крупнейших писателей; для понимания провинциальной культурной ситуации его тексты дают очень много материала.

Достопамятные минуты

*...и пред градом молебная совершив,
и Царь, и Великий князь, и Митрополит,
со благословением и во Христе целованием
архиепископа Казанского отпущает.*

(Акт об отпуске царем Иваном Васильевичем из Москвы в Казань архиепископа Гурия с Германом и Варсонофием в 1555 году)

Трогательное торжество, в приведенном акте до нас дошедшее, повторилось через 293 года в Твери, сего марта 25, в святой день Благовещения. И мы, *молебная совершив*, отпустили возлюбленного архипастыря нашего, Высокопреосвященного Григория, архиепископа Казанского и Свияжского, 17 лет управлявшего здесь духовною паствою. Торжество этого дня глубоко потрясло душу. В движении, в тесноте, в духовном сокрушении этих тысяч, затопивших и путь Святителя, и те храмы, куда его ожидали, отрази-

лось нечто древнехристианское, нечто великое, чему, без сомнения, соприсутствовало Небо: ибо не могло быть зрелища достойнее небес, как изъявление столь великой любви в этом *о Христе целовании*, чисто отлученном от всего земного.

Вот очерк события:

Недели за две пред сим разнесся между нами слух о всемиростивом назначении Преосвященнейшего в Казань, 24 числа мы узнали, что об этом получен уже им указ, и что он намерен отправиться в повеленный путь 25, отслужив последний раз Божественную Литургию в Тверском соборе⁸².

Между тем 24 числа тронулся лед на Волге, и воды прибывли. В ночь на 25 р. Тьмака поднялась высоко, а из Волги залило речку Лазурь, и прекратило<сь> сообщение с Тресвятским, местопребыванием Владык наших. Несмотря на это, Преосвященнейший не отменил предположения: в лодке, не без опасности от носившихся льдин, переехал через Лазурь, и в 10 часу утра прибыл в Собор.

Взволнованность духа, нечто глубоко скорбное и торжественное, проявилось в собрании с самого начала Литургии и возрастало с ее совершением. Благоговейное безмолвие господствовало в Храме; голос изменял священнослужителям; никто не скрывал овладевшего чувства, оно было общим. Один только Преосвященнейший казался погруженным в небо и недоступным земному ощущению.

Вот начальные слова беседы, которую он обратил к нам по совершении Божественных Тайн.

«Благодать Господа нашего со всеми вами...»⁸³

Так прощался апостол Павел с возлюбленными ему римлянами: так прощаюсь и я с вами, моя возлюбленная паства... Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами!»

Сказав, что благодать Господня есть *Матерь всех благ*, Преосвященнейший указал на те блага, которые нужны человеку на лестнице духовного совершенствования; и разделяя нас по ступеням этой лестницы, обратил свое желание к каждому отдельно.

Никогда такое множество людей со столь единомушным умилением не плакало, как при этой поучительной беседе удаляющегося

⁸² Имеется в виду Спас-Преображенский собор (снесен в 1930-х гг.).

⁸³ Послание к Римлянам, 16: 24

пастыря. Повторяем: один только он, поглощенный в великость минуты, вещал, как бы в небе живущий; но когда, заключая беседу, стал благодарить за многолетнюю любовь к себе, дух его смутился; пастырь исчез; явился человек с прекраснейшими из немощей его природы: скорбью, любовью и слезами. Слово осталось недосказанным...

Из собора, благословив с благосклонностью каждого из бесчисленной толпы, его окружающей, Преосвященнейший посетил начальника губернии, куда уже собрались приглашенные на прощальный обед. Усталый и озабоченный еще предстоявшим переездом через Лазурь, он с кротостью и лаской остался здесь часов до 4 по полудни, и тотчас после стола отправился в Тресвятское, с тем, чтобы помолиться еще однажды в своей монашеской келье, приюте 17-летнего просвещенного труда, и уже совсем, в дорожной карете, приехал в собор к молебну и оттуда отправился в путь.

После многих затруднений и препятствий на перевозе от густоты шедшего льда, в седьмом часу Преосвященнейший прибыл в собор и вошел в мантии на архиерейское место.

Стечение народа было необыкновенное; оба пола, все сословия, все возрасты соединились в одно великое семейство, чтобы помолиться за своего Архипастыря и получить отеческое, последнее его благословение. Заволжские и затьмацкие части города не могли разделить общего печального торжества, потому что никакого сообщения через Волгу и Тьмаку быть не могло; но зато все население Городовой части, увеличенное еще тысячами бессрочных, собирающихся в Твери, высыпало на дорогу от Собора до Московской заставы, на протяжении около четырех верст, ожидая проезда.

Обряд молебствия был так же трогателен, как и служба Литургии; дрожал голос протодиакона, провозглашавший многолетие, а при возглашении многолетия *Григорию, архиепископу Казанскому и Свяяжскому*, голос его замер...все заплакали.

Преосвященнейший вошел на амвон, благословил народ, поклонился пастве своей в землю, все пали пред ним на колена, а засим каждый получил последнее его благословение и *целование*.

Повсеместный звон возвестил окончание молебствия; начался этот торжественный поезд, на каждом шагу толпами поклонников

задерживаемый. Три раза Преосвященнейший выходил из кареты; три раза новые тысячи кидались к нему и получали благословение. Едва в 9-ть часов вечера выбралась карета за заставу в сопровождении множества экипажей с обывателями, от самого собора за ним следовавшими. Выехав за городскую черту, Владыка вышел из своей кареты и, обратясь к городу, с молитвой осенил оный своим архипастырским благословением. За шесть верст от заставы в д. Перемерках, Преосвященнейший снова был остановлен множеством народа, стоявшего на дороге с фонарями. Почетнейшее духовенство Тверской епархии также предупредило его здесь, чтобы еще однажды поклониться. Вышед опять из кареты, хоть до обессиления утомленный и трудом, и ощущениями дня, он с любовью и приветом благословил каждого.

Мы были свидетелями этой минуты: *Благослови нас, Преосвященный!* — раздавалось ежеминутно в толпе усердных простолудников. — *Благослови нас и детей наших. И тебя Господь благословит. Благодарим тебя за милости твои.* Почетный <!> старик, стоявший на дороге с хлебом и солью, подойдя, сказал: *благослови, Преосвященный, наш хлеб.* И опять раздалось: *благодарим тебя, благодетель наш, благодарим!* Этот шум благодарностей и благословений был последним ему откликом оставляемой паствы.

В Городне, в 30 верстах от Твери, в спокойной тамошней станции, ожидали Преосвященнейшего двое из почетных тверских сановников с чаем. Мы слышали, что он был очень тронут этим вниманием и что, усталый до изнеможения, остановился там на ночлег.

Достопамятные минуты нашего торжества, исполненного теплоты и любви, убеждают в той истине, что и в наш век, и на холоде жизни, сплетаемой из расчетов, высоко ценятся священные доблести христианские, и легко пробуждается душа к сладким ощущениям внутреннего мира, родного нашим верованиям и нашим надеждам.

Тверские губернские ведомости. 1848.

Прибавление от 27 марта.

Тверская летопись⁸⁴

В жизни губернского города осень, конечно, составляет самое печальное, самое несносное время. С последними днями лета начинается тяжкое время искуса и скуки для большей части губернского общества, и только появление волшебницы-зимы с бесконечным рядом разнообразных удовольствий в состоянии разогнать пасмурную скуку и пробудить ленивую дремоту, наведенную в общество монотонною, угрюмою порою осени. Но нынешняя осень была не похожа на своих предшественниц: в печальном ее сумраке промелькнули три светлых дня и покорили нас немногими, но незабываемыми минутами истинного наслаждения; я говорю о концерте, данном 4-го октября певцом русской петербургской оперы г. Артемовским⁸⁵, и о двух спектаклях, в которых участвовала известная русская артистка Н. В. Самойлова⁸⁶.

4-го октября в восемь часов вечера многочисленная публика собралась в залу Благородного собрания⁸⁷: с музыкальным наслаждением, которое обещал этот вечер, соединились и другие, более возвышенные, более сладостные, — наслаждение сделать добро ближнему: концерт 4-го октября был дан г. Артемовским в пользу семейств, пострадавших от бывшего у нас 28 прошедшего сентября пожара⁸⁸. Полная, искренняя благодарность артисту, послужившему своим талантом такому доброду, истинно прекрасно-му делу! Увертюра Вебера⁸⁹ «Оберон», которою началась первая часть концерта, была исполнена весьма отчетливо небольшим, но прекрасно сформированным оркестром г. Полторацкого; за увер-

⁸⁴ Фрагменты из статьи перепечатаны (без комментариев) в кн.: *Сысоев Владимир*. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ «ПРЕСТО», 2004. С. 190–192.

⁸⁵ Артемовский (Гулак-Артемовский) Семен Степанович (1813–1873) — композитор и оперный певец (баритон), в 1842–1864 гг. выступавший в труппе Александринского театра.

⁸⁶ Самойлова Н. В. (Самойлова 1-я) (1818 – 1899) — драматическая актриса. С 1838 — в Александринском театре.

⁸⁷ Ныне — колонный зал Тверского дома офицеров.

⁸⁸ Об этом пожаре сведений нет.

⁸⁹ Вебер Карл-Мария-Фридрих-Август (1786–1826) — немецкий композитор. «Оберон» (1826) — его последнее произведение.

тьюрою следовала известная ария *il segreto* из «Лукреции Борджа»¹⁴¹, которую г. Артемовский пропел изящно и выразительно; прекрасное исполнение этой пьесы было оценено всем обществом и певец награжден громкими аплодисментами. Русская песня Бахметьева¹⁴² и баллада «Оседлаю коня» Варламова¹⁴³ отличались тем же изящным исполнением. Вторая часть началась увертюрой из «Фенеллы»¹⁴⁴, после которой г. Артемовский прекрасно пропел каватину из «Севильского цирюльника»¹⁴⁵; пьеса эта, в которой артист имел возможность выказать всю гибкость своего обширного, удивительно выработанного голоса, заслужила всеобщие, единодушные рукоплескания; малороссийская песня «Гуде витер...» и цыганская песня «Ты, душа ль моя...» были исполнены г. Артемовским тоже с большим чувством.

Вообще концерт 4-го октября, отличаясь прекрасным выбором пьес и артистическим их исполнением, доставил любителям музыки много минут истинного удовольствия, столь редкого в губернском городе. Но самое лучшее в этом концерте было то, чего не было в программе, — появление в нем Н. В. Самойловой. Приехав в Тверь за несколько часов до концерта и узнав о прекрасной цели, с которой концерт дается, она — непременно хотела в нем участвовать. Неожиданное появление ее перед публикою привело в восторг все общество; громкие, продолжительные рукоплескания встретили артистку и смолкли только тогда, когда своим прекрасным, очаровательным голосом она запела известную цыганскую песню «Люди добрые...». Чудная мелодия этой песни, то спокойная и нежная, то страстная и бурная, передана была артисткою с невыразимою прелестью; восхищенные слуша-

⁹⁰ Вероятно, имеется в виду ария из оперы Г. Доницетти (1797–1848).

⁹¹ Упоминается, вероятно, «Песня ямщика» Н. И. Бахметева (1807–1891), один из самых популярных русских романсов середины века.

⁹² Варламов А. Е. (1801–1851) — русский композитор, один из самых популярных авторов романсов и песен. Баллада написана в первой половине 1840-х гг.

⁹³ Опера Ф. Обера (1782–1871) «Фенелла» («Немая из Фортичи», 1828).

⁹⁴ Опера Дж. Россини (1792–1868), написанная в 1816 г. на сюжет пьесы Бомарше (П.-О. Карон, 1732–1799) «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» (1773).

тели громкими, единодушными рукоплесканиями благодарили госпожу Самойлову за доставленное ею наслаждение.

Готовность, с которой артистка вызвалась участвовать в благотворительном концерте, дала надежду увидеть ее еще раз в назначенном на другой день спектакле, — и надежда эта не обманула нас. Несмотря на неперменное намерение г-жи Самойловой тотчас же после концерта отправиться в Петербург, она не могла не уступить просьбам начальника губернии и многих любителей театра, и на другой день играла на нашей сцене роль Надиньки в водевиле «Хороша и дурна, умна и глупа»⁹⁵. Эффект, произведенный г-жою Самойловой в этой пьесе, был невероятен, с первого до последнего слова роли вся игра ее была естественна, грациозна, художественна в высшей степени; но говоря о г-же Самойловой, самое слово игра становится уже противоречием, столько в ней простоты, жизни, истины. Трудно, невозможно передать того обаяния, которое оставляет в зрителе прелестное, милое, игривое лицо Надиньки, так художественно созданное г-жою Самойловой! От артистического исполнения этого лица даже самая пьеса представилась нам в совершенно новом свете. Громкие, единодушные рукоплескания и нескончаемые вызовы были данью всеобщего восторга и признательности, принесенного талантливой артистке.

На другой день, 6-го октября, был бенефис г-жи Самойловой. Несмотря на удвоенную цену, в театре не осталось ни одного незанятого места. Спектакль начался последнею сценою 3-го акта из драматического представления «Гамлет». Роль Гамлета играл режиссер и лучший артист нашего театра г. Степанов. За «Гамлетом» следовала сцена из «Бедовой девушки»⁹⁶, та самая, в которой Катинька (г-жа Самойлова), рассказывая матери о своих театральных впечатлениях, представляет всех знаменитостей петербургских театров прошедшего зимнего сезона. Исполнение большой арии попури, которую поет г-жа Самойлова в этой сцене, — верш совершенства; зато и восторг, произведенный этой арией, превос-

⁹⁵ Водевиль (1834) Д. Т. Ленского (1805–1860).

⁹⁶ В водевиле режиссера Александринского театра Н. И. Куликова (1812–1891) «Бедовая девушка» (1850) Самойлова воспроизводила манеру пения итальянской гастролерши Дж. Гризи, пародировала игру актрис французской труппы — Вольнис и Арну-Плесси.

ходит всякое описание. Рукоплескания и «браво!» гремели в зале отовсюду; лишь только опустился занавес, начались нескончаемые вызовы, и едва артистка показалась на сцене, оглушительное, единодушное «браво!» гремело ей навстречу, и букеты отовсюду сыпались к ногам ее. В это время вышел на сцену режиссер нашего театра: при внезапном его появлении мгновенно стихли рукоплескания, и г. Степанов прочел грациозное приветствие артистке, написанное перед спектаклем одним из почитателей ее прекрасного таланта. Не могу отказать себе в удовольствии поместить здесь это прекрасное стихотворение; вот оно⁹⁷:

*Слыхали ль вы старинное сказанье
Про город, где волшебника жезлом
Все впали в дивное очарованье
И вдруг заснули тяжким сном?
Повсюду тишина, бесед не стало,
Погас огонь очей и слух окаменел,
И сердце биться перестало:
Казалось, дух жизни отлетел!
Но сжалился над ними добрый гений —
Волшебница, с запасом чудных чар,
Она из неземных селений
К нам принесла небесный дар
Все оживлять певучим словом,
Все воскрешать лучом своих очей,
И каждый час являясь в виде новом,
Всегда равно пленять сердца людей.
И пали взгляд и речь ее на город сонный:
Все ожило, все сделалось восторг,
И город, этим чувством полный,
Пришел его сложить волшебницы у ног!
Вам, добрый гений наш, не нужно толкованья:
Взгляните лишь себя кругом, —
Цветами прегражден ваш путь, рукоплесканья
Колеблют Тальи скромный дом.*

Лишь только окончилось чтение этих стихов и г. Степанов вместе с букетом цветов поднес их артистке, вся зала снова огласи-

⁹⁷ Автор стихотворения неизвестен; возможно, им был сам Коншин.

лась восторженными криками, снова загремели отовсюду рукоплескания, снова посыпались на сцену букеты! С неподдельным чувством благодарила артистка публику, и видно было, что она радовалась не одному своему успеху, но и тому, что могла доставить обворожительным искусством своим столько наслаждения.

В заключение дан был «Водевиль с переодеванием»⁹⁸. Эта небольшая пьеска ярко выказала удивительное разнообразие таланта г-жи Самойловой и редкую способность ее передавать с поразительной естественностью самые противоположные натуры. В самом деле, являясь в этом водевиле то молоденьким плутоватым цыганенком, то 60-летней брюзгливой тетушкой, то дурочкой-крестьянкой, г-жа Самойлова в каждой из этих ролей была натуральна в высшей степени: ей ни на минуту не изменил ни один жест, ни одно движение, ни одна интонация голоса, ни одна мина. Но верх торжества ее была сцена, в которой, являясь цыганенком, она спела своим чарующим голосом: «Ей опасна любовь...» Песня эта, вся дышущая сладкой, упоительной негой, привела в восторг всех слушателей и по единодушному желанию публики была повторена г-жою Самойловой.

Этой пьесой окончился спектакль — последний прекрасный праздник искусства, которым подарила нас несравненная артистка. От души благодарим ее за немногие светлые минуты истинного наслаждения, которое она доставила нам своей художественной игрой.

Нельзя при этом не поблагодарить также артисток и артистов Тверского театра, в особенности же г-на Степанова, который и в обаятельном присутствии г-жи Самойловой прекрасной игрою своею заслужил всеобщее одобрение и награжден был громкими рукоплесканиями; но самой лестной, вдохновительной для молодого артиста наградой в этом спектакле был букет цветов, подаренный ему на сцене Н. В. Самойловой. Это внимание петербургской артистки к юному, но уже обещающему богатое развитие таланту восхитило все общество, и оно восторженными «браво» и единодушными рукоплесканиями благодарило г-жу Самойлову за своего любимца.

9-го октября 1850 года

Тверь

Тверские губернские ведомости. 1850. № 42, часть неофиц.

⁹⁸ Водевиль Н. Е. Куликова (1815–1891).

М. В. Строганов

П. Ф. Вистенгоф в Твери. Забытые и неучтенные материалы

Петр Федорович Вистенгоф (1811–1855) принадлежит к числу мало известных писателей. Единственная сводка биографических сведений о нем учитывает большое число неопубликованных материалов, но далеко не все⁹⁹. Нельзя сказать, что изучение биографии и творчества этого второстепенного писателя является настоятельной потребностью современной науки. Но так как Вистенгоф входил в непосредственное окружение И. И. Лажечникова и, следовательно, его судьба могла быть связана с судьбой Лажечникова, изучение биографических деталей становится насущно необходимым. Кроме того, Вистенгоф печатался в тверской прессе, но публикации эти остались за пределами внимания исследователей. Включение их в исследовательский оборот может оказаться важным для реконструкции литературной жизни Твери 1840–1850-х гг.

Петр Вистенгоф (младший брат его Павел Вистенгоф – автор воспоминаний о Лермонтове¹⁰⁰) начал службу по окончании Московского благородного пансиона в мае 1828 г. в 1-м департаменте Московской палаты гражданского суда с чином губернского секретаря. В 1831–1837 гг. Вистенгоф служил в Московском губернском правлении (с 1834 г. – титулярный советник, 9-й класс). В 1839–1842 гг. он вновь служит в канцелярии московского гражд-

⁹⁹ *Великанова Е. М.* Вистенгоф Петр Федорович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 447. На данные, приведенные с этой статье, мы в дальнейшем не ссылаемся.

¹⁰⁰ Там же. С. 446–447. Статья Э. Л. Безносова.

данского губернатора. В Твери он служил с апреля 1842 г. советником в Тверском губернском правлении, находясь в непосредственном подчинении у Лажечникова как вице-губернатора и управляя III отделением губернского правления. В марте 1844 г. Вистенгоф получил чин коллежского асессора (8-й класс), в соответствии с которым был произведен в дворянство. В апреле 1855 г. Вистенгоф был переведен на службу в Калужское губернское правление, но незадолго до отъезда, «находясь не в здравом состоянии рассудка», покончил с собой 10(22) мая 1855 г. Вот все факты, которые известны биографам Вистенгофа. Неизвестные ранее документы, обнаруженные в ГАТО¹⁰¹, не просто дополняют их, но ставят перед исследователями новые проблемы.

Первый из возникающих вопросов – зачем Вистенгоф перевелся на службу в Тверь? Ответ на него, с одной стороны, очень прост: он в течение восьми лет был титулярным советником («вечным титулярным советником», как писал Н. В. Гоголь), и надежды на дальнейшее производство в Москве, видимо, практически не было. Между тем получение чина коллежского асессора на самом деле давало возможность получить дворянское достоинство. Видимо, Вистенгоф полагал, что в провинции получить чин 8-го класса будет легче, чем в Москве. И он не ошибся: через два года после вступления в службу в Твери он получил этот чин.

Несколько сложнее ответить на другой вопрос: почему Вистенгоф выбрал именно Тверь, на чью помощь он мог рассчитывать в этом городе? Можно было бы предположить, что его пригласил сюда Лажечников, однако даты служебной деятельности последнего не подтверждают это. Лажечников был избран почетным попечителем Тверской гимназии 24 февраля 1842 г. (но это – не государственная должность), а ушел в отставку в связи с возвращением на государственную службу в качестве вице-губернатора в Твери только 29 декабря 1842 г.¹⁰² А Вистенгоф уже в апреле 1842 г. начинает служить в Тверском губернском правлении. Впрочем, авторитет Лажечникова в тверском обществе был, несомненно,

¹⁰¹ Все приводимые в статье архивные документы выявлены автором статьи при участии А. Н. Курочкина.

¹⁰² См. также: Тверские губернские ведомости (ТГВ). 1843. № 20. 15 мая.

высок, что и позволило ему служить на выборной должности от тверского дворянства, а потом сразу шагнуть на пост вице-губернатора. Но мы не можем сказать, однако, что Вистенгоф прямо рассчитывал на помощь Лажечникова, а тот ему обещал помочь; всё это только наши предположения.

Вистенгоф был, как можно судить по документам, добросовестным чиновником, и начальство отмечало его усердие представлением его к очередным наградам: так, по истечении 10 лет службы в Твери ему был исходатайствован знак отличия беспорочной службы¹⁰³. Но при всей попечительности его о делах службы¹⁰⁴ и при всем благоволении к нему начальства, какой-то тяжелый рок преследовал его в получении необходимых для жизни чиновника справок и документов. Как будто кто-то специально мешал Вистенгофу вести спокойную и размеренную жизнь.

Во-первых, не всё ясно с дворянством Вистенгофа. Самый тот факт, что он учился в Московском благородном пансионе, уже предполагал принадлежность его к дворянскому роду. Однако получил он дворянское звание только в марте 1844 г., а утвержден в дворянском звании указом Правительствующего Сената еще через четыре года — 30 апреля 1848 г. Что происходило в течение следующих четырех лет, мы не знаем: личная биография Вистенгофа известна гораздо менее служебной. Но только во второй половине 1852 г. Вистенгоф решил возбудить дело о выдаче ему копии с указа герольдии об утверждении его в дворянстве с показанием, что он принял присягу в Тверском губернском правлении¹⁰⁵. Согласно рапорту самого Вистенгофа в Тверское губернское правление, он «принял присягу на подданство России при

¹⁰³ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Т. 26. Ед. хр. 14399. Об исходатайствовании надворному советнику Вистенгофу знака отличия беспорочной службы. 8 октября 1851 г.

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Т. 26. Ед. хр. 11748. О представлении советника Вистенгофа об определении писца <Ивана> Волкова помощником столоначальника. 15 января 1846 г. Это одно из немногих дел, инициированных собственно Вистенгофом, однако, по характеру тогдашней службы, это вовсе не мало, от других чиновников не осталось и таких документов.

¹⁰⁵ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Т. 28. Ед. хр. 14824. По рапорту советника губернского правления Вистенгофа по вопросу об утверждении его в дворянстве. 6 июня 1852 г. Далее мы цитируем документы этого дела без специального указания листов.

производстве дела об утверждении» его в дворянстве в Твери, а в указе департамента герольдии Правительствующего Сената об утверждении его во дворянстве означено, что он присягал в Московском губернском правлении. Во избежание «разноречия» между указом герольдии и служебным формуляром Вистенгоф просил о выдаче ему документа с верным указанием места присяги.

Итак, даже столь важная бумага из столь высокой инстанции попала к Вистенгофу в неправильном виде, и ее пришлось исправить. Однако Московское губернское правление ответило, что поскольку в подлиннике указа герольдии названо Московское губернское правление, то исправлять ничего и не следует. На этот ответ последовали новые просьбы, на этот раз — уже от официальных инстанций Твери, как сказано в документе, — «с разрешения г. вице-губернатора», то есть Лажечникова. По настойчивой просьбе Твери от 9 июня 1852 г., повторенной 9 сентября 1852 г., 7 января и 18 марта 1853 г. Московское губернское правление направило дело в Правительствующий Сенат, где, как известно, подобные дела решались исключительно неторопливо. Однако 23 июля 1853 г. дело было решено в соответствии с просьбой Вистенгофа, а 18 августа сообщение об этом было направлено в Тверское губернское правление, а Московскому губернскому правлению было поручено исправить копию с указа герольдии.

Однако, как известно, бедному жениться — ночь коротка. Вистенгофа и тут преследовали неудачи. 26 октября 1853 г. Тверское губернское правление получило, наконец, необходимую копию от Московского дворянского депутатского собрания. Место присяги было теперь указано верно, зато на этот раз, во-первых, документ не был подписан, а во-вторых, на нем не была поставлена печать. Документ был отправлен обратно, и 24 ноября 1853 г. Московское дворянское депутатское собрание сообщает в Тверское губернское правление, что высылает необходимый документ, однако сам документ отправляется только 10 декабря. Наконец, 16 декабря бумага пришла в Тверь, и только 28 декабря, под самый Новый год, Вистенгоф расписался в получении ее.

Официальное утверждение в дворянском звании было для Вистенгофа очень важным шагом вперед. Он был еще вовсе не стар: в 1853 г. ему исполнилось 42 года, — он занимал вполне достойный

чин в провинциальной иерархии, и поэтому мог рассчитывать на вполне приличную партию. В этих видах быть приписанным к тверскому дворянству было для него особенно важным. Вот чем можно объяснить его настойчивость, тем более что он искал получить только то, что полагалось ему по закону.

Если история с удостоверением дворянского звания оставила много документов, так что мы можем ее восстановить, то история с получением патента на чин коллежского советника, который был присвоен Вистенгофу в 1844 г., оставила очень мало документов, зато тянулась гораздо дольше. До 1854 г. у Вистенгофа, оказывается, не было этого патента, и только 16 августа указ о выдаче патента был доставлен в Тверь, а распоряжение о выдаче последовало 19 августа. Поскольку в деле нет других документов, следует полагать, что тогда же патент был вручен под расписку самому Вистенгофу¹⁰⁶.

Для сравнения приведу данные послужного списка Лажечникова, который вступил в должность в Твери коллежским асессором, 7 марта 1833 г. произведен в надворные советники, 4 ноября 1844 г. — в коллежские советники, а 8 апреля 1851 г. — в статские советники. При этом, уйдя в отставку с должности директора училищ (12 мая 1837 г.), Лажечников 27 декабря 1837 г. получает полный пенсион с правом ношения директорского мундира. Ничего подобного в жизни Вистенгофа мы не увидим.

Трудно сказать, почему оба дела были столь волокитными: здесь надо либо поверить в несчастливую звезду Вистенгофа, либо признать участие случая во всех делах нашего героя. Впрочем, можно предположить, что при оформлении документов на получение Вистенгофом чина коллежского советника были допущены какие-то неточности (может быть, из благих намерений — дабы получить уже ему этот чин, может быть, даже в обход принятых законов), что и повлекло дальнейшую путаницу.

Но если эти проволочки с получением необходимых документов еще можно как-то объяснить и оправдать, то гораздо сложнее понять последние события жизни Вистенгофа в Твери. Как изве-

¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Т. 28. Ед. хр. 15665. По указу Правительствующего Сената с патентом на чин коллежскому советнику Вистенгофу. 16 августа 1854 г.

стно, в апреле 1855 г. он был переведен на должность советника Калужского губернского правления, но вскоре, перед отъездом из Твери, он покончил с собой, как сказано в официальных документах, «находясь не в здравом состоянии рассудка»¹⁰⁷. Что случилось с нашим несчастным героем, мы не знаем, и даже если есть какие-то документы по этому делу, они пока не выявлены. Тем более у нас оснований думать, что были в жизни Вистенгофа какие-то сложные обстоятельства, которые и помешали нормальному развитию его жизни и его таланта.

Может быть, на самом деле несчастная звезда этого романтического писателя на самом деле сыграла свою роль? Ведь Вистенгоф в тверской период жизни издал ряд произведений, в том числе и роман «Урод» (1849), исполненный ультраромантических приемов. Другая сторона творчества Вистенгофа – это нравоописательные очерки, которые отличались редкой наблюдательностью. Вистенгоф и начал свою литературную карьеру с «Очерков московской жизни» (1842), которые были достаточно благожелательно встречены современниками. Естественным продолжением этого жанра в творчестве Вистенгофа стала книга очерков «Заметки тверского наблюдателя» (1849), в которых он писал, в частности, о русской театральной сцене и о значении для нее творчества Н. В. Гоголя¹⁰⁸. Очерки под этим общим названием Вистенгоф продолжал публиковать в тверской печати и позднее, хотя и не ограничивался только проблемами театра. Такова, в частности, заметка о проходах из Твери квартировавших в ней войск на Крымскую войну, которые состоялись 14–21 марта 1854 г. Именно эту заметку мы и перепечатаем ниже¹⁰⁹, в примечаниях публикатора дан комментарий – по преимуществу к местным реалиям. Примечания самого Вистенгофа помечены его инициалами.

¹⁰⁷ Великанова Е. М. Вистенгоф Петр Федорович. С. 447.

¹⁰⁸ Одна из этих заметок «Тверской театр» впервые опубликована: Тверские губернские ведомости. 1848. № 33. Часть неофициальная; Перепечатана с некоторыми комментариями: *Сысоев Владимир*. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ «ПРЕСТО», 2004. С. 176–178.

¹⁰⁹ *Вистенгоф П.* Заметки тверского наблюдателя // Тверские губернские ведомости. 1854. № 13. 27 марта. Часть неофициальная. С. 31–34. Она частью перепечатана, частью передана в изложении (но без необходимых комментариев) в изд.: *Сысоев Владимир*. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. С. 249–251.

Заметки тверского наблюдателя

В то самое время, когда во всех концах России раздался глас ее самодержца, призывающего на брань своих верных воинов, — наша Тверь была свидетельницей зрелища, которое мы надолго сохраним в памяти.

Две батареи 7-й конно-артиллерийской бригады, квартировавшие в Твери, и два уланских полка 7-й легкой кавалерийской дивизии, расположенные в Тверской губернии, должны были выступить в поход.

Уже давно мы, тверитяне, при получении известий из действующей армии и в частных разговорах о войне, читали на лицах наших храбрых воинов нетерпеливое желание лететь в бой с врагами Христовой веры. Наконец это желание для них осуществилось...

Надобно было видеть, с каким восторгом юноши, едва вступившие на славное поприще, и мужи, уже свыкшиеся с боевою жизнью, услышали волю своего государя. Каждый из них должен был покинуть или друзей, или родную семью, иной невесту... но не омрачилось ни одно чело тоскою, а гордо, спокойно, весело, как на дружеский пир, пошли они навстречу смерти.

Еще не так давно, в 1848 году, мы точно так же провожали вас, наши добрые родные гости. Но какая разница в чувствах, наполнивших сердца наши тогда и теперь! Тогда, по великодушию нашего царя, вы шли подать руку помощи соседнему государству, погибавшему от внутренних смут¹¹¹, — теперь вы идете на врагов Христовой веры — ратовать за нашу святую церковь, карать христиан, ставших под знамена Магомета... Вот причина, почему с таким рвением все сословия города приняли пламенное участие в этом священном походе.

Кроме жертв, сделанных в губернии как дворянством, так купечеством для действующих войск, тверское общество желало выразить верноподданнические чувства своему государю в том вни-

¹¹⁰ Текст этой статьи подготовлен совместно с А. Ю. Сорочаном.

¹¹¹ В 1848 г. Россия участвовала в подавлении национально-освободительного движения в Австрии, которое развивалось под демократическими лозунгами.

мании, в том жарком сочувствии, которое оно оказало выступавшим войскам.

Вследствие чего 14 марта для артиллеристов дворянством дан в зале Благородного собрания обед. На этот обед были приглашены гг. начальник дивизии, все штаб и обер-офицеры артиллерии, равно все генералы и военные, находившиеся в городе, а также и тверское купечество. Два оркестра инструментальной и военной музыки гремели в красивой зале, на хорах которой собралось всё высшее общество дам города Твери¹¹².

Когда предложены были тосты за здоровье государя императора и государя наследника престола, то раздались во всех концах залы и на хорах громкое, дружное *ура!* За сим народный гимн¹¹³ заключил этот истинно торжественный обед.

16 марта дан был прощальный обед тверским купечеством для выступавших артиллерийских штаб и обер-офицеров и для прибывшего в город уланского его королевского высочества принца Фридриха Виртембергского полка¹¹⁴. На этот обед были приглашены гг. начальник дивизии, все генералы, находившиеся в городе, г. начальник губернии¹¹⁵ и все гражданские чиновники. Обед был дан в доме градского головы Кобелева¹¹⁶. Здесь вполне выразилось непритворное радушие тверских граждан, а роскошь, с которою сопровождался обед, была доказательством, что хозяева его не щадили ничего, чтобы выказать свое усердие и любовь к защитникам Христовой веры. Целая амфилада комнат занята была посетителями. На двух концах амфилады гремели два оркестра му-

¹¹² Обед был дан в здании Дворянского собрания, построенном губернским архитектором И. Ф. Львовым в 1842 г. (ныне – Дом офицеров). Поэтому Вистенгоф подчеркивает красоту недавно выстроенного здания.

¹¹³ Имеется в виду гимн России «Боже! Царя храни!..», впервые исполненный в 1833 г. Вначале он назывался буквально «народной песней». См. об этом: *Серебрянников Н. В.* Гимн России «Боже! Царя храни!..» Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002.

¹¹⁴ Этот полк квартировал в Бежецке, откуда и прибыл в Тверь по пути на театр военных действий.

¹¹⁵ Губернатором в Твери в это время был А. П. Бакунин. См. о нем: *Сысоев Владимир.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ «ПРЕСТО», 2004.

¹¹⁶ Кобелев Петр Гаврилович, тверской городской голова в 1845–1856 гг.

зыки, и когда начались тосты за здоровье императора, его наследника, за всё русское воинство и за отбывающих в поход, то громкое *ура* и туши с своими литаврами и барабанами каким-то торжественным, грозным эхом переносились от одного конца обширного здания до другого.

На дворянском обеде, одушевленном радушием и изящною обстановкою его, всё сохраняло хотя веселый, но несколько этикетный вид по случаю присутствия дам, но на купеческом обеде, когда кончились тосты и встали из-за стола, то дружное *ура!* при двух оркестрах музыки еще долго потрясало своды здания. Городской голова Кобелев, всегда готовый к жертвам на благое дело, обратясь к гостям, сказал им краткое прощальное приветствие и пожелал им победы. Тогда все присутствовавшие громкими восклицаниями изъявили ему свою признательность за его радушие и подняли на руки...

19 марта дан был прощальный вечер г. начальником губернии, на который также были приглашены все генералы, штаб и обер-офицеры артиллерии, офицеры уланского его высочества полка, многие военные, гражданские чиновники города Твери и почетное купечество. Несколько зал, облитых огнем, наполняло приглашенное общество. Разнообразие дамских нарядов, военных мундиров, перемешанных с фраками, и национальная одежда купцов составляли при ярком освещении блистательную картину. В одной из зал были устроены буфет и сад, у входа в который оркестр г. Полторацкого¹¹⁷ увлекательно играл всё, что есть нового в нашей современной музыке. В 2 часа подан был роскошный ужин, на котором хозяином были предложены тосты: за благоденствие воинов, идущих подвизаться за славу нашего государя, а потом за здоровье дивизионного командира генерал-адъютанта барона Притвица, который во время пребывания своего в Твери приветливостью и ласкою привязал к себе всех жителей¹¹⁸. Так заключился этот вечер, вполне похожий на столичные рауты.

¹¹⁷ Полторацкий Александр Федорович; его оркестр неоднократно выступал в публичных местах Твери.

¹¹⁸ 7-я легкая кавалерийская дивизия, которой командовал барон Притвиц, квартировала в разных уездах Тверской губернии с 1851 г.

21 марта от купечества дан был обед нижним чинам артиллерии, на котором присутствовал и г. начальник губернии. В конце обеда, когда уже кончились тосты за здоровье государя императора, наследника престола и за здоровье всего воинства, г. начальник губернии обратился к воинам с последним прощальным словом, где в нескольких словах благодарил их за спокойное стояние в городе и пожелал им, чтобы они со славою исполнили долг свой. Оглушительное *ура!* было ответом. За сим командир батареи барон Розен обратился к воинам с следующей речью: «Товарищи! В ту самую минуту, когда вы явились на свет, уже судьбами Всевышнего начертано было каждому из вас ваше высокое призвание. Это призвание должны вы оправдать теперь на деле. Оно состоит в том, что вы должны победить или умереть, сражаясь за святую веру, вашего царя и отечество!.. Я уверен в каждом из вас, уверен, что в кровавом бою вы не покинете меня, а я понесусь впереди вас! Помните братцы, что положившим живот за веру и царя отпустятся грехи!..» Потрясающим *ура!* прервали воины своего начальника и начали обниматься между собою... «Теперь, — продолжал барон Розен, — когда утихли громкие клики, потрясшие своды казарм, — теперь выслушайте еще меня! Ваш обед удостоил своим посещением начальник губернии; он покоил нас во всё время нашего пребывания в Твери, предупреждал наши нужды, которые сам хорошо знает, ибо сам начал службу государю солдатов¹¹⁹. Выпьемте же теперь за его здоровье!» И снова оглушительное *ура* потрясло своды здания... После чего бригадному командиру <Николаю Николаевичу> Доломанову, снискавшему единодушную любовь и уважение всех тверитян, вручены были 521 руб. серебром для раздача низшим чинам, каждому по 1 руб. серебром, пожертвованные дворянами и купцами г. Твери.

Но это торжественное прощание с воинами не ограничилось одними светскими прощаниями, одними посильными жертвами тверитян... Святая церковь наша к нашим грешным молитвам присоединила свои святые молитвы... Преосвященный Гавриил,

¹¹⁹ Начальник Тверской губернии начал службу свою в лейб-гвардии Семеновском полку и потом был адъютантом генерала Раевского. *П. В.*

архиепископ Тверской, в большом тверском соборе¹²⁰, по совершении литургии и молебствия, напутствовал отходящих на брань своею сильною и назидательною речью, в которой изобразил высокое призвание защитников святой веры, и благословил в путь всех воинов в лице дивизионного начальника генерал-адъютанта барона Притвица и командира артиллерийской бригады полковника Доломанова двумя святыми иконами; когда же 22, 23 и 24 числ марта артиллерия и два уланские полка выступали в поход, предводимые их начальником генерал-адъютантом бароном Притвицем, сам преосвященный, окруженный многочисленным духовенством, святыми иконами и хоругвями, встречал выступавшие войска у Московской заставы, окроплял их святою водою и совершал молебствия, испрашивая у Бога победу нашему воинству над врагами, многолетия нашему императору и всему царствующему дому его¹²¹.

¹²⁰ Гавриил II (Розанов), архиепископ Тверской и Кашинский в 1848–1857 гг. Речь идет о службе в Спасо-Преображенском соборе.

¹²¹ Проводам войск из Твери посвящено стихотворение: *Гамрат-Курек* С. Прощанье тверитян с 7-ю легкою кавалерийскою дивизиею, 24 марта («Прощайте, воины, счастливый путь, прощайте...») // Тверские губернские ведомости. 1854. 24 апреля. № 17. Часть неофициальная. С. 52.

Вообще же событиям Крымской войны посвящен целый ряд стихотворений одного и того же автора, на которого еще не обращалось внимания в краеведческой литературе:

Шилов Федор, русский солдат. Прощание рекрута с матерью («Не грусти, моя родная...») // Тверские губернские ведомости. 1854. 8 мая. № 19. Часть неофициальная. С. 59–60. Подпись: Осташков. 23 апреля 1854 года (Из «Московских ведомостей»); *он же*. К крестьянам («Православные крестьяне!..») // Тверские губернские ведомости. 1854. 24 июля. № 30. Часть неофициальная. С. 94–95; *он же*. Грусть воина («Ах! если б не тело и кости больные...») // Тверские губернские ведомости. 1854. 28 августа. № 35. Часть неофициальная. С. 112; *он же*. Бомбардирование Соловецкого монастыря («Не голубушка средь поля...») // Тверские губернские ведомости. 1854. 9 октября. № 41. Часть неофициальная. С. 136; *он же*. Песня («Жребий выпал: мы не станем воевать...») // Тверские губернские ведомости. 1854. 27 ноября. № 48. Часть неофициальная. С. 149–150. Подпись: Осташков, 11 ноября 1854 года; *он же*. Черноморский флот («Не станица в небе реет...») // Тверские губернские ведомости. 1854. 25 декабря. № 52. Часть неофициальная. С. 157. Подпись: Осташков, 20 ноября 1854 года.

Толпы народа покрывали улицы, и долго еще смотрели мы на выступавших из города воинов, долго, пока еще виднелись нам за рубежом города их последние ряды...

И не перед нашими ли очами совершается торжество святой веры? В то самое время, когда турецкие паши палками сгоняют свои безобразные полчища, покрывающие своими туфлями целые улицы оставляемых ими сел и городов в бегстве перед нашими войсками, когда жестокость, насильственные налоги разоряют и угнетают подвластные Турции народы, — наши жертвы приносятся свободно, от чистого сердца, и одно у нас делание, чтобы только принял их наш Богом избранный самодержец. Пышные речи, которыми стараются возбудить энтузиазм западные ораторы, у нас заменяет теплая молитва, а вместо своекорыстных расчетов, нас одушевляет благородная любовь к государю и отечеству.

Идите же с Богом, защитники родной земли! Мы будем с трепещущим сердцем ожидать вашего возвращения, — идите, гордые, спокойные. В то самое время, когда опоясанные мечом, под светлым знаменем креста, вы будете защищать славу вашего отечества, честь нашего великого государя, — мы будем защищать ваши семейства от врагов внутренних, ограждая их законом... Среди бедствий, лишений, ужасов войны вас непрестанно будут сопровождать благословенья нашей Церкви, молитвы любящих вас, благоволение царя! Возвратитесь же к нам скорее с победными песнями, покрытые пылью брани, обрызганные кровью врагов Христа!.. На рубеже этого почти родного вам города мы радостно встретим вас, снова обнимемся по-братски и громко закричим ура!..

Е. Н. Строганова

К истории семьи Великопольских

Иван Ермолаевич Великопольский (27 декабря 1797, по др. данным 2 января 1798¹²² — 6 февраля 1868) — литератор, значительная часть жизни которого прошла в Тверской губернии. В историю литературы он вошел как поэт, чье элегическое и дидактико-сатирическое творчество, по словам В. Э. Вацура, представляло собой «наиболее заметные образцы массовой продукции 20-х годов»¹²³. В 1840-х гг. Великопольский зарекомендовал себя и как курьезный драматург, «литературный чудак» (И. И. Панаев), претендовавший на реформу в драматическом искусстве.

В одном из своих ранних посланий, обращенном к А. А. Дельвигу, Великопольский писал:

*Ты мне название дал поэта,
Но дружбе верить ли твоей?
Увы! Поэт в устах друзей —
Еще поэт ли я — для света?*

Поэтом «для света» он действительно не стал, в литературоведческих трудах его имя чаще всего встречается в связи с Пушкиным, встречи с которым ограничивались карточным столом. Спе-

¹²² Сам Великопольский в материалах дела «по доказательству о дворянстве майора Ивана Ермолаевича Великопольского с женою и детьми его» (1844) предположительно называл 2 января 1798 г. датой крещения (ГАТО. Оп. 1. Ед. хр. 530. Л. 2). В документе же, присланном в Тверское дворянское депутатское собрание из Казанской духовной консистории приводится запись из метрической книги казанской Крестовоздвиженской церкви, где был крещен Великопольский, и там 2 января названо датой рождения (Там же. Л. 10 об., 18 об.).

¹²³ Вацуро В. Э. Великопольский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 404.

цифический характер этого общения воплотился в конфликтном стихотворно-эпистолярном диалоге, достаточно подробно исследованном в статье П. Л. Зиссермана¹²⁴.

Великопольский начал печататься в 1810 г. и с тех пор на протяжении 55 лет не оставлял литературных занятий. Сначала он сочитал их с учебой в Казанском университете (1812–1814), впоследствии, избрав по семейной традиции военную карьеру, — со службой. В 1815–1819 гг. он служил в знаменитом лейб-гвардии Семеновском полку (в 1819 г. во время восстания находился в трехмесячном отпуску), впоследствии — в Псковском фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского пехотном (1819–1821), Староингерманландском пехотном (1821–1826) и снова Псковском пехотном (1826) полках.

Выйдя в 1827 г. в отставку в звании майора, Великопольский поселился в Тверской губернии в родовом имении Чукавине. Он владел землями в Старицком и Зубцовском уездах, где за ним еще при крещении было записано 544 крестьянские души¹²⁵. В Чукавине Великопольский «с большим усердием принялся за хозяйство и заботы о благоустройстве своих крестьян: обучал крепостных

¹²⁴ Зиссерман П. Л. Пушкин и Великопольский // Пушкин и его современники. Вып. 38–39. Л., 1930.

¹²⁵ «Дело по доказательству о дворянстве майора Ивана Ермолаевича Великопольского с женою и детьми его» (ГАТО. Оп. 1. Ед. хр. 530. Л. 2). Следует уточнить сведения, которые фигурируют в ряде работ, о том, что Великопольскому принадлежало в Старицком уезде село Конопдино, которое у него приобрел И. И. Лажечников. В действительности владельцами Конопдина были родственники матери Великопольского Болховские, и, судя по одному из писем Софьи Матвеевны, сам Великопольский хотел купить Конопдино, но в 1837 г. его опередил Лажечников (здесь и далее, ссылаясь на письма С. М. Великопольской, хранящиеся в ИРЛИ, я пользуюсь рабочими материалами, любезно предоставленными мне в свое время Натальей Владимировной Баранской). Это письмо С. М. Великопольской фигурирует и в материалах Тверской ученой архивной комиссии (Журнал ТУАК. 1901. 6 ноября. № 84. С. 22). К вопросу о Конопдине: в фонде ТУАК, находящемся в ГАТО, содержится информация о том, что в усадьбе находились 16 картин в основном на евангельские сюжеты с центральным образом Богоматери, которые были составлены мозаикой из цветных стекол, соединявшихся между собой цинком, с подписями на немецком языке (датированы периодом с 1547 по 1673 г.) — ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 1–6). (Ср. с описанием имения, данным в статье С. А. Васильевой. — *Ред.*)

грамоте и ремеслам, устроил для них школу, больницу, строил им высокие светлые избы, для чего поставил кирпичный завод и употреблял камень из своих каменоломень»¹²⁶.

В 1831 г. Великопольский женился на Софье Матвеевне Мудровой (24 августа 1814, по др. данным 21/23 августа 1815¹²⁷ – 7 апреля 1897), дочери известного русского терапевта. Воспитанная в московской профессорской семье, Софья Матвеевна отличалась определенными культурными запросами. Одним из ее литературных кумиров, судя по письмам, была Жорж Санд¹²⁸, и это следует воспринимать не только как дань моде, но и как знак того, что С. М. Великопольская сочувственно воспринимала идеалы писательницы, главной героиней которой была независимая и свободлюбивая женщина. Об этом свидетельствуют обстоятельства семейной жизни Великопольской. Будучи младше своего супруга, она сначала с готовностью подчинилась ему, принимая его взгляды и соглашаясь с его мнениями. И, судя по всему, первые годы совместной жизни располагали к тому. Но со временем поведение Ивана Ермолаевича давало все больше оснований для волнений и тревог. Динамика отношений между супругами угадывается по письмам Софьи Матвеевны, которые в 1830-е гг. вполне безмятежны и радужны, но к 1840-м гг. тон их изменяется. Одной из лейтмотивных тем становится протест Софьи Матвеевны против вечного диктата мужа: «...каково же было мое удивление, когда я нашла прежнюю жестокость, прежнее требование на рабство, прежнее противное и ввергнувшее нас в погибель самовластие...».

Великопольский имел немалое состояние, солидное приданое принесла ему жена, но разорительная страсть к картам и безумное расточительство постоянно держали семью на грани разорения. Софья Матвеевна принуждена была влачить достаточно жалкое существование. Проводя основную часть жизни в Чукавине,

¹²⁶ Журнал ТУАК. 1906. № 100. 12 февраля. С. 55.

¹²⁷ Первая дата фигурирует в материалах вышеупомянутого «Дела по доказательству о дворянстве...», вторая – 21 августа 1815 г. – прочитывается на надгробном камне, третья – 23 августа – приведена в работе Б. Л. Модзалевского (*Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский*. СПб., 1902. С. 42).

¹²⁸ В одном из писем к мужу, датированном 1837 г., речь идет о портрете Жорж Санд, который требует более тщательного оформления (из материалов Н. В. Баранской).

причем даже не в доме, но во флигеле, она безуспешно старалась вразумить мужа. Одной из таких отчаянных попыток является письмо от 8 ноября 1843 г.: «Что же это — всем жить, иметь много и ничем не пользоваться, все держать в нечистоте и беспорядке с словами, что дети будут иметь в будущем и дом и библиотеку и все...

Мы ничем не пользуемся, все гниет в кладовых, хоть бы было сухое место, куда положить. Я не требую издержек *je ne veux pas du luxe*¹²⁹, но я бы хотела сохранить то, что мы имеем. Я бы хотела иметь стену не в два вершка с половиною вышины, как здесь во флигеле, но в порядочном доме, чтоб повесить наши картины, которые брошены в пыли и которых мыши и крысы гложат в кладовых. Зачем же век прожить, ничем не пользуясь»¹³⁰. Она стремится отвратить мужа от нелепых затей, призывает его заниматься хозяйством и жить в кругу семьи, с которой он практически всегда находился в разлуке. Но ничто не могло остановить Великопольского, который бросался из одной крайности в другую: то задумывал разработку золотых приисков, то пытался внедрить новый способ обработки льна и пеньки (наиболее долгосрочный проект, длившийся с 1842 по 1867 г.¹³¹), то находил новый способ выработки чернил, то пытался создать в Чукавине сигарную фабрику и т. д. и т. п. — все проекты заканчивались крахом.

Знаменательно, однако, что, разочаровываясь в практических способностях мужа, Софья Матвеевна продолжала верить в его литературное предназначение. 22 сентября 1840 г. она пишет Великопольскому по поводу драмы «Любовь и честь»: «Тебе предстоит великое дело: ты скажешь им, что такое драма; ты им покажешь ее во всей простоте, во всей строгости, во всем изяществе. Знаешь ли, какое на меня действие имеет чтение твоих драм? Я в эти минуты не живу только жизнью действующих лиц, но я вхожу в какой-то необъятный мир, где я вижу не один разыг-

¹²⁹ Я не жажду роскоши (*фр.*)

¹³⁰ Письмо С. М. Великопольской от 8 ноября 1843 г. (из материалов Н. В. Баранской).

¹³¹ Отзывы об этом изобретении он издал отдельной брошюрой под названием «Отзывы о принадлежащем отставному майору И. Е. Великопольскому способе простой и выгодной отделки волокна прядильных растений, изданные по поручению Императорского вольного экономического общества» (СПб., 1849).

рывающийся случай, как на бедной картинке, в бедной рамке, но где меня со всех сторон окружает общая жизнь, и в этой общей жизни я заинтересовываюсь некоторыми лицами <...> Для твоих драм нет никакой сработанной рамы, ни подзолоченной, ни подточенной...»¹³² Но и литературные предприятия Великопольского не имели ожидаемого успеха.

В 1845 г. Великопольский довел дело до полного разорения: за долги с торгов пошло Чукавино, в котором жила семья. Софья Матвеевна выкупила имение, продав для этого отцовский дом в Москве. Однако доверенность на управление имением она передала мужу, который, несмотря на угрозу краха, не оставлял своих привычек. Жизнь не по своей воле и постоянные невзгоды имели губительные последствия для Софьи Матвеевны, которая к началу 1850-х гг. заболевает психическим расстройством. Великопольский пытается лечить жену, везет ее в Москву, хлопочет о том, чтобы найти денег на лечение, но, судя по его письмам к М. П. Погодину, относящимся к марту 1852 г., поддержки нигде не находит¹³³.

Жизненный путь Великопольского и его литературная деятельность подробно освещены в обстоятельной работе Б. Л. Модзалевского, которая написана по материалам семейного архива и на основе личного общения ученого с дочерью Великопольского Надеждой Ивановной Чаплиной¹³⁴. Однако Модзалевский оказался посвящен не во все обстоятельства или же сознательно не обнародовал их, чтобы не травмировать ближайших потомков.

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) хранятся документы, раскрывающие неизвестные подробности, связанные с жизнью семьи. Это официальные документы из фонда канцелярии Тверского губернского предводителя дворянства, появление которых было вызвано беспрецедентной ситуацией, сложившейся в семье Великопольских. В 1866 г. умер муж их единственной дочери Николай Андреевич Чаплин, многочисленное семейство которого проживало в Чукавине. Почти сразу же после смерти Чаплина Великопольский отказал дочери и ее детям в приюте, что вызвало естественную реакцию со стороны старицких дворян.

¹³² Цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч. С. 61.

¹³³ См.: *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч.

¹³⁴ *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч. С. 104.

Уездный предводитель дворянства В. И. Закревский обратился к Тверскому губернскому предводителю князю Б. В. Мещерскому с просьбой помочь семье покойного Чаплина и принять меры для определения в опеку чукавинского имения. Ниже мы публикуем два документа – упомянутое письмо Закревского и судебно-врачебный акт об освидетельствовании в умственных способностях С. М. Великопольской, которое было проведено с целью установления опеки над принадлежащим ей имением.

№ 1

«Милостивый Государь Князь Борис Васильевич!

Вам уже известно, что у нас умер мировой посредник Николай Андреевич Чаплин.

После него осталась вдова с восьмью детьми, девятым беременна. У покойного осталось 115 десятин земли в Старицком уезде, почти такое же количество во Ржевском и 680 десятин пустоши в Зубцовском; земля дает дохода от 300 до 500 руб. в год и то при должном надзоре. За женою покойного, урожденною Великопольской, нет ничего. При жизни Чаплина отец его жены Иван Ермолаевич Великопольский давал ему, Чаплину с семейством, помещение и содержание пищею, на третий же день смерти в содержании своей дочери отказал, и она поставлена в необходимость выехать и жить на собственные средства. К доходу от земли ей прибавлен пенсион, получавшийся покойным от Военного Министерства, не знаю полный ли (225 руб. 40 к.) или половина. Но и с такою прибавкою при таком огромном малолетнем семействе бедная вдова можно сказать ничего не имеет.

У г. Великопольского было когда-то хорошее состояние, жена его тоже имела много¹³⁵. Теперь у него за долгами ничего нет; имение жены его, по поручительствам за мужа, тоже обременено долгами. Жена г. Великопольского, как известно и Вашему сиятельству, давно потеряла рассудок, но имением ее по доверенности

¹³⁵ Как пишет Б. Л. Модзалевский, Софья Матвеевна получила в приданое «сельцо Ефимьяново и деревню Галузино в Корчевском и деревню Заречье в Калязинском уездах Тверской губернии, каменный дом в Афанасьевском переулке, деревянный дом на Пресненских прудах, денег и драгоценностей более чем на 200 тысяч рублей» (Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 52).

распоряжается г. Великопольский и более и более увеличивает долг. После матери единственная наследница, дочь г. Чаплина.

Старицкая опека, желая сколько-нибудь сохранить имение г. Великопольской, просит об освидетельствовании ее рассудка и наложении опеки на имение, о чем и сообщила в Губернское Правление.

Г. Чаплин 5 1/2 лет <?> служил мировым посредником, крестьяне его участков просят, и я [1 нрб.] с представлением о назначении ему независимо от Военного Министерства пенсии.

Помогите по этим делам Вашим ходатайством, вниманием Вашим Ваше сиятельство много поможет заслуживающему всякого участия семейству покойного Чаплина.

*Вашего Сиятельства
покорный слуга В. Закревский*

г. Старица.
6 сент. 1866»¹³⁶

Великопольский пытался опротестовать действия старицкого уездного предводителя, но собрание предводителей и депутатов дворянства признало их правильными, и делу был дан дальнейший ход.

Поскольку С. М. Великопольская не могла сама прибыть в губернское правление, освидетельствование было проведено по месту ее жительства в Чукавине 27 июня 1867 г. исправлявшим должность губернского врачебного инспектора А. Я. Соловьевым и старицкими врачами М. А. Яневским-Яневичем (городовым врачом) и Э. К. Мейером (уездным врачом), под председательством Тверского губернского предводителя дворянства Б. В. Мещерского, в присутствии Старицкого уездного предводителя дворянства В. И. Закревского, уездного исправника и стряпчего.

№2

Судебно-врачебный акт

- «— Как Вас зовут?
- Герцогиня Софья Матвеевна Великопольская-Морочова.
- Какого Вы вероисповедания?

¹³⁶ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 4251. Л. 2—3.

– Русского, не католического, в католическую церковь никогда не хожу – там точно бал.

– Замужем Вы или нет?

– Замужем за герцогом Иваном Ермолаевичем Великопольским.

– Имеете ли детей и где они находятся?

– Есть три дочери: герцогиня Надежда Ивановна Великопольская-Чаплина в своем имени, герцогиня Софья Ивановна Великопольская, герцогиня Марья Ивановна Великопольская-Ланская, не знаю где живет, я их жду; детей больше не было¹³⁷ бабушка моя – герцогиня Сак-Веймар-Чабатарева¹³⁸.

– Есть ли у Вас какая-либо собственность?

– Есть, я не знаю это рассказать, сколько душ я не знаю, я этим не занимаюсь.

– Есть у Вас имение, то кто оным управляет?

– Управляет управитель Малышев, которому приказывает мой муж, герцог Иван Ермолаевич Великопольский¹³⁹.

– Сколько получаете с имения дохода и на какую надобность более употребляете?

– Не знаю и не могу рассказывать.

– Где Ваше постоянное местопребывание?

– Летом здесь в нашем герцогстве – Старице, в поместье Чукавине, а зимой иногда в Москве и Петербурге.

– Чем занимаетесь?

¹³⁷ Из архивных документов следует, что у Великопольских, кроме Надежды (1832–1909), была еще дочь Мария, которая умерла в раннем возрасте (18 сентября 1843 – 6 мая 1845).

¹³⁸ Мать С. М. Великопольской Софья Харитоновна была дочерью ректора Московского университета профессора Харитона Андреевича Чеботарева и Софьи Ивановны Вилькинс.

¹³⁹ По доверенности Великопольского Чукавиным управлял Николай Алексеевич Малышев (см.: ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 1677), долгие годы служивший в этом качестве не только Великопольскому, но и его родственнику Н. И. Лобачевскому, женатому на единоутробной сестре Великопольского В. А. Моисеевой. См. отзыв о Малышеве в письме Лобачевского к Великопольскому от 10 июля 1840 г.: «Он у Вас человек удачно выбранный. Это большая редкость в наших крепостных людях найти добрых, усердных и способных. Очень благодарен ему за труд, который он берет по нашему имению» (цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М.; Л., 1948. С. 408).

— Какое дело есть, иногда мне надо писать, всякие дела есть, делаю приданое дочерям, имею сношение с лучшими химическими заводами, считаю камни, имею дела с фабрикантами, с Мальцовским заводом, на котором камни льют хорошей грани¹⁴⁰.

— Как Вы прежде себя чувствовали и не были ли больны?

— Я всегда здорова.

— Давно ли Вы были в Петербурге?

— Очень давно, лет шесть, при государе Николае Павловиче.

— Кто теперь у нас государь император?

— Государь здесь, государь Николай Павлович у нас в имении, и потому из вежливости и называется имение наше герцогством. Когда я была в Петербурге, я часто встречала государя, ставила для него кресло в своей ложе и мысленно приглашала его приехать в деревню, но он приехал сам, у нас гость государь Николай Павлович.

— Когда Вы видели своего зятя Николая Андреевича Чаплина?

— Давно не видала, после инквизиции, а говорят, что он жив и здоров, я потому не хожу в церковь, что это мне кажется местом инквизиции — мои нервы не выдерживают. Государь к нему постоянно милостив и мне сказал, что он все Мирowym Посредником и не позволяет его никому обижать, государь все Николай Павлович»¹⁴¹.

Как явствует из дальнейших материалов этого дела, проведенное освидетельствование правительствующий сенат признал недействительным на том основании, что безумные и сумасшедшие, не совершившие преступления или же отдаваемые для излечения в частные заведения, могли быть освидетельствованы только по требованию родственников, опекунов, попечителей или же наследников; в данном же случае дело было возбуждено не в установленном порядке и потому предписывалось «уничтожить его со всеми последствиями»¹⁴².

¹⁴⁰ В 1836 г. С.М. Великопольская сообщала мужу, что «составляет и сочиняет рисунки для столов»: «Хоть мои стеклушки и причудливые мебели и глупость, а они меня очень утешают» (из материалов Н.В. Баранской).

¹⁴¹ ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 4248. Л. 8–9 об.

¹⁴² Копия Указа Сената от 30 марта 1868 г. — ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 4251. Л. 18.

Однако это постановление уже не могло оказать сколько-нибудь существенного влияния на жизнь семейства Чаплиных, так как драматичная их история получила естественное разрешение – 12 февраля 1868 г. скончался виновник бедствий Иван Ермолаевич. Правда, в связи с тем, что дело рассматривалось в сенате, его дочь до получения официальных бумаг на протяжении нескольких месяцев не могла вступить в наследственные права, но, в конце концов, наследование совершилось и начался новый, надо полагать, более благоприятный период в существовании имения и в жизни семьи.

В истории с изгнанием дочери Софья Матвеевна не могла изменить ситуацию по причине своего психического нездоровья, но и раньше, находясь в умственном здравии, она была бесправна и зависима от мужа. В русской литературе уже с 1830-х гг. обсуждалась проблема положения женщины в обществе и изображались соответствующие коллизии, но этот роман, написанный самой жизнью, оказался гораздо трагичнее всякого художественного вымысла. Приведенный скорбный документ ясно показывает, что причиной болезни Софьи Матвеевны стала постоянная неудовлетворенность своей жизнью, то несоответствие сущего возможному, которое так отчетливо видно в ее письмах. Не надо быть психиатром, чтобы понять происхождение тех образов, которые рисовало ей больное воображение, – все они следствие той недостаточности, которую она постоянно испытывала, результат сознания, что жизнь проходит не так, как надо, и невозможности самой что-либо изменить.

Поступки же Великопольского дают основания предполагать, что в старости и он был психически не вполне здоров. Удивительным образом, сам того не ведая, в наиболее известном своем стихотворном произведении – «сатире на игроков» «К Эрсту» (1828), оказавшейся в центре его житейских отношений и литературного диалога с Пушкиным, он предсказал собственную судьбу. Герой сатиры проигрывает в карты все свое состояние и сходит с ума. Великопольский писал сатиру с благим намерением предотвратить читателей от пагубной страсти. Однако, по сути, автор повторил путь своего героя.

Е.Н. Строганова

Тверские отголоски в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина

М. Е. Салтыков родился в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии, где прошли первые десять лет его жизни. В последующие годы, обучаясь в Московском дворянском институте, а потом в Царскосельском (Александровском) лицее, он регулярно приезжал на летние каникулы к родителям. Сведения об этих поездках очень скупы, однако множество тверских реалий, прототипических лиц и ситуаций, которые встречаются в произведениях Салтыкова, свидетельствуют о том, что, взрослея, он пристально вглядывался в окружающую его обстановку и не забывал полученные впечатления.

В последующие годы родственные связи и имущественные вопросы побуждали писателя время от времени посещать родные места. Но наиболее длительное пребывание Салтыкова в Твери было связано с его вице-губернаторской службой в 1860—1862 гг.¹⁴³

Как вице-губернатор Салтыков возглавлял губернское правление — высший орган исполнительной власти, осуществлявший правительственные распоряжения. В непосредственном ведении Салтыкова находились земские и городские полиции, тюрьмы и больницы, строительные работы, сборы податей и недоимок и др. Все вопросы он предварительно рассматривал сам и по многим из них писал или редактировал решения. Через его руки проходили бесчисленные «дела о злоупотреблениях помещичьей властью», и сохранившиеся журналы губернского правления свидетельствуют

¹⁴³ Салтыков приехал в Тверь в июне 1860 г., покинул ее в феврале 1862 г.

о постоянном стремлении вице-губернатора защищать крестьян. Занимался Салтыков и вопросами жизни городского населения, учитывая при этом нужды беднейших граждан. Помимо этого, он был членом многочисленных комитетов и комиссий, в том числе и попечительного комитета Тверской публичной библиотеки (ныне Тверская областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького), организованной в соответствии с запиской Салтыкова об устройстве публичной библиотеки в Рязани, копию которой он прислал в Тверь в 1859 г.¹⁴⁴ Ко всему прочему, в отсутствие губернатора он по несколько месяцев исполнял и обязанности начальника губернии.

Будучи связан с Тверью на протяжении многих лет, Салтыков был прекрасно осведомлен о разных сторонах губернской действительности. В детстве и юности он знал тверскую жизнь в ее домашнем, помещичье-крестьянском преломлении, впоследствии, как вице-губернатор, имел непосредственное отношение к механизму ее внутреннего устройства. Конкретные лица, явления, факты, знакомые писателю по Твери, служили для него показателем процессов, происходивших в русском обществе, и как характерные составляющие общей картины действительности становились материалом для социально масштабных обобщений.

В произведениях Салтыкова приметы Тверской губернии проявляются в самых разных аспектах: географическом (топонимика, пейзаж, ландшафт); этнографическом (особенности быта и нравов); историческом (антропонимика, лица, факты, события, ситуации); автобиографическом (эпизоды и признания)¹⁴⁵. Однако, выделяя эти аспекты, надо учитывать, что в конкретных произведениях они, как правило, неразрывно связаны, поэтому невозможно их строгое разграничение в каждом отдельном случае.

¹⁴⁴ Журавлев Н. В. Салтыков-Щедрин в Твери. 1860–1862 / Ред., биографич. справка и вступит. статья Н. В. Яковлева. Калинин, 1961. С. 136.

¹⁴⁵ Мы пользуемся материалами, которые представлены в комментариях к произведениям М. Е. Салтыкова в 20-томном собрании сочинений (М., 1965–1977), а также сведениями, содержащимися в кн.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Биография. М., 1972; Покусаев Е. И. Салтыков-Щедрин и шестидесятые годы. Саратов, 1957; Киселев В. Салтыков-Щедрин в подмосковном крае. М., 1970 и др.

Тверская география и этнография

При знакомстве с произведениями Салтыкова обращает на себя внимание частое использование тверской топонимики, чаще всего встречаются названия городов и сел, реже – водоемов: Тверь (иногда обозначается криптонимом «Т»), Ржев, Зубцов, Старица, Корчева, Кашин (возможен криптоним «К»), Калязин (или «К»), Бежецк, Вышний Волочок, Красный Холм, Весьегонск, Талдом (торговое село в Калязинском уезде, иногда криптоним «Т»), Кимры (торговое село, иногда – «К»), Селижарово, Мокряги (деревня в 12 верстах от Спас-Угла), река Кашинка. В некоторых случаях, изменяя название, писатель сохраняет его фонетический образ: так, в хронике «Пошехонская старина» названы речки Пера и Юла – в действительности речь идет о Нерли и Вьюлке.

В ряде произведений, порой даже без точных топонимических обозначений, возникают узнаваемые тверские ландшафты, имеющие в большей степени калязинскую локализацию. В очерке «Тряпичкины-очевидцы» корреспондент Подхалимов, командированный для освещения событий русско-турецкой войны 1876–1877 гг., описывает дорогу «от Бологова до Рыбинска», отмечая такую достопримечательность, как обилие болот: «...болота здешние таковы, что в них без труда возможно было бы потопить пехоту целого мира ...»¹⁴⁶ Болота и хвойные леса, создающие образ непроходимого пространства, появляются и в более развернутой пейзажной зарисовке в «Пошехонской старине»: «Равнина, покрытая хвойным лесом и болотами, – таков был общий вид нашего захолустья <...> Леса горели, гнили на корню и загромождались валежником и буреломом; болота заражали окрестности миазмами, дороги не просыхали в самые сильные летние жары; деревни ютились около самых помещичьих усадеб, а особняком проскакивали редко на расстоянии пяти-шести верст друг от друга» (17, 10). Эти картины, малоотрадны для глаза и не радующие душу, помогали писателю ярче создать образ неприглядной действительности. Однако они нарисованы небрежной рукой,

¹⁴⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М., 1971. Т. 12. С. 219. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте.

о чем свидетельствует одно из автобиографических признаний: «Все мне в этой стране родственно и достолюбезно. Дурogi мне и зыбучие ее пески, и болота, и хвойные леса <...> Не буду говорить о том, сколько раз и с какою силою ёкало мое сердце при виде родного гнезда, как пахнэло на меня ароматами юности, как я внезапно почувствовал себя добрее, бодрее, свежее и т. д.» (15–2, 104, 111). Откровенный лиризм этого пассажа, включенного писателем в поздний цикл «Пошехонские рассказы», объясняется не только ностальгией по ушедшей молодости, но и глубокой любовью к России, частью которой для него была тверская земля.

Салтыков часто упоминает об особенностях жизни отдельных тверских городов. Разнообразным материалом такого рода насыщено одно из его программных произведений – философско-сатирический роман «Современная идиллия», где странствованиям персонажей по Тверской губернии посвящен целый корпус глав – с XVI по XXVIII. Их действие разворачивается в Корчеве, Кашине и Бежецке, но в разговорах героев постоянно мелькают названия и других тверских городов и сел: Калязин, Красный Холм, Весеьгонск и т. д. Салтыков изображает конкретные приметы этих заштатных мест, используя пародийные топонимические и этнографические описания, материалом для которых послужили его вице-губернаторские ревизорские поездки. Рисуя облик тверских городов, писатель подчеркивает их сходство, которое выражается в запустении, упадке и отсутствии необходимых условий для жизни. Так, Корчева показана как место не только ничем не примечательное, но не располагающее даже тем минимумом, который мог бы свидетельствовать о благоустройстве: «Фабрик-заводов нет, каланчи нет, мостовых нет, гостиного двора нет, а все остальное – обыкновенно, как в прочих местах <...> В Корчеве только слезы льют да зубами щелкают (15–1, 165–166). С. А. Макашин обратил внимание на то, что это описание буквально вырастает из замечаний, сделанных Салтыковым в результате ревизии в сентябре 1860 г.: «Наружный вид города Корчевы ничем особенным не отличается от других мелких уездных городов. Улицы большею частью немощеные, тротуары на тех улицах, где они существуют, до крайности ветхи, так что по ним во многих местах небезопасно ходить. Торговая площадь весьма грязна <...> Лошадей при

пожарной части нет; обязанность выставлять лошадей, в случае пожара, лежит на обывателях... Пожарной команды также не существует. Жители сами обязаны содействовать тушению пожара...»¹⁴⁷ Сравнение этих фрагментов показывает, что в художественном тексте и в официальном отчете присутствуют одни и те же реалии, но функции их различны: в документе важны подробности и детали, в романе же подчеркнутый лаконизм характеристики Корчевы резко выявляет социальные аномалии. Таким образом, тверская действительность становится материалом, позволяющим Салтыкову представить свою концепцию российской жизни.

Наряду с общими чертами Салтыков называет и индивидуальные приметы тех или иных мест. Так, в «Современной идиллии» упоминаются кимрские сапоги, которые являлись своего рода визитной карточкой села: «...в Кимре сапогом промышляют...» (15–1, 163). Там же сказано, что Кашин был известен своим виноделием и даже показан процесс их изготовления: «Процесс выделки изумительно простой. В основание каждого сорта вина берется подлинная бочка из-под подлинного вина. В эту подлинную бочку наливаются, в определенной пропорции, астраханский чихирь и вода. Подходящую воду доставляет река Кашинка <...> Когда разбавленный чихирь провоняет от бочки надлежащим запахом, тогда приступают к сдабриванию его. На бочку вливается ведро спирта, и затем, смотря по свойству выделяемого вина: на мадеру – столько-то патоки, на малагу – дегтя, на рейнвейн – сахарного свинца и т. д. Эту смесь мешают до тех пор, пока она не делается однородною, и потом закупоривают. Когда вино отстоится, приходит хозяин или главный приказчик и сортирует. Плюнет один раз – выйдет просто мадера (цена 40 к.); плюнет два раза – выйдет цвеймадера (цена от 40 к. до рубля); плюнет три раза – выйдет дреймадера (цена от 1 р. 50 к. и выше, ежели, например, мадера столетняя» (15–1, 222). По другому поводу Салтыков вспоминает не очень лестную репутацию кашинских вин в одной из своих литературно-критических заметок, где противопоставляет «настоящее французское виноградное вино» тому, которое «выде-

¹⁴⁷ М. Е. Салтыков-Щедрин–ревизор / Публ. Н.В. Журавлева // Красный архив. 1937. Т. 4. С. 171.

львается усердием гг. Рызыкиных¹⁴⁸, Терликовых и Соболевых» (5, 465). Подобную справку встречаем и в «Пошехонской старине: «Виноградное вино всех наименований выделявалось в Кашине купцом Терликовым. Не знаю, насколько эта смесь была безвредна, но стоила она недорого. Впоследствии, кроме Терликовых, подделкою вин занялись Зызыкины (в Кашине же) и Соболевы (в Ярославле» (17, 331). Заметим, что в XX в. и Кимры и Кашин сохранили свою производственную специфику, правда, авторитет кимрской обуви, особенно в постсоветскую эпоху, значительно ослабел, а вот репутация кашинского виноделия существенно повысилась.

Жизнь Тверской губернии как материал для социальных обобщений

Специфика творчества Салтыкова, называвшего себя «летописцем минуты», острый интерес писателя к проблемам современной жизни выразился в том, что в его произведениях доминируют события и ситуации социального характера. Это относится и к использованию тверских реалий. Во многих произведениях встречаются эпизоды и упоминания, включающие сведения о нравах представителей разных социальных групп, чаще всего — правящего сословия, составлявшего оплот государства. Салтыков показывает недостойное поведение представителей дворянства, например, пишет о недостойных уловках, к которым прибегали помещики, стремясь обмануть закон. В «Дневнике провинциала в Петербурге» назван некий старик Хмылов, который сказался умершим, чтобы избежать грозившего ему суда. С подобной историей встречаемся и в «Пошехонской старине», где речь идет об исчезнувшем муже «тетеньки». В обоих случаях реальной основой для писателя послужила история калязинского помещика Милюкова, который, скрываясь от ссылки, предпочел существование в облике крепостного человека и присвоил себе имя одного из крестьян.

В бытность тверским вице-губернатором Салтыкову постоянно приходилось заниматься делами о помещичьих злоупотреблениях,

¹⁴⁸ Скорее всего, опечатка, так как в других произведениях писателя фигурирует фамилия Зызыкины (в действительности — Зызыкины).

что сказало и в его творчестве. В поздней книге «Мелочи жизни» писатель вспоминал о том, какую смуту в помещичьей среде вызвала подготовка крестьянской реформы: «Помещики потеряли всякую почву под ногами и взамен того приобрели дар прозорливости. Провидели будущих грубиянов и смутителей, припомнили прежние провинности, следили за выражением физиономий, истолковывали телодвижения и улыбки, видели тревожные сны, верили в гаданья и т. д. Словом сказать, образовался целый помещичий бред, имевший целью обеспечить спокойствие в будущем. И так как старый закон не был упразднен, то обеспечение представлялось делом легким и удобоисполнимым. А именно, в распоряжении помещика находилось два очень простых средства: рекрутчина и ссылка в Сибирь «по воле помещика»...» (16–2, 31–32). Среди служебных бумаг Салтыкова, хранящихся в Государственном архиве Тверской области, есть немало документов, которые свидетельствуют о том, что он решительно противостоял применению этих «простых средств». Так, 11 июля 1860 г. он написал проект постановления губернского правления об отказе помещику Ржевского уезда В. И. Дунину сослать в Сибирь крестьянина А. Лаврентьева¹⁴⁹. В тех же «Мелочах жизни» Салтыков вспоминает о том, как дружно помещики защищали свои «права»: «...даже тогда, когда само правительство обращало внимание на злоупотребления помещичьей властью и подвергало их исследованию, — даже тогда помещики решались, хоть косвенным образом, протестовать <...> При так называемых повальных обысках соседипомещики заявляли, что поступки злоупотребителя не выходят из категории действий, без которых немислимы ни порядок, ни доброе хозяйство; а депутатское собрание, основываясь на этих отзыхах, оставляло дело без последствий» (16–2, 31). Служебные документы Салтыкова свидетельствуют о том, что сам он неоднократно протестовал и принимал меры против решений депутатского собрания в пользу помещиков. Так, 15 декабря 1860 г. он написал проект против решения собрания предводителей и депу-

¹⁴⁹ *Князев И. В.* М. Е. Салтыков-Щедрин в Твери (1860–1862 гг.). Летопись служебной деятельности // Уч. зап. / Астраханск. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. Т. 27. Вопросы литературы и журналистики. Астрахань, 1968. С. 116.

татов дворянства, отклонившего учреждение опеки над имением помещицы Зиловой, жестоко обращавшейся со своими крестьянами¹⁵⁰. Аналогичные по содержанию документы были написаны им 21 и 31 декабря 1860 г., 14 и 21 марта 1861 г. и т. д. Ему принадлежала инициатива об отмене практики тюремного заключения крестьян, ссылаемых помещиками в Сибирь, которая была поддержана правительством.

В своих произведениях Салтыков показывает, что самодурство помещиков проявлялось не только в насилии над крестьянами, но и в отношении к собственным родственникам. О феномене «широкой русской натуры» рассказывается, например, в «Дневнике провинциала в Петербурге»: «Дяденька Петр Петрович подарил заезжему человеку, маркизу де Безе, пятьдесят дворов (замечательно, что дяденька и тут не удержался, чтобы не пошутить: подарил все дворы через двор, так что вышла неслыханнейшая чересполосица, расхлебывать которую пришлось его же наследникам)...» (10, 378–379). Аналогичный сюжет встречаем и в «Пошехонской старине», где упоминается некий «проказник» Урванцов: двух своих сыновей-близнецов он назвал Захарами, а «умирая, оставил завещание, которым поделил между сыновьями имение <...> самым возмутительным образом. Господский дом разделил надвое с таким расчетом, что одному брату достались так называемые парадные комнаты, а другому — жилые, двадцать три крестьянских двора распределил через двор: один двор одному брату, другой — рядом с первым — другому и т. д.» (17, 445). Реальным источником «проказ» щедринских персонажей могли послужить выходки соседа Салтыковых майора В. Я. Баранова, который назвал двух своих сыновей Яковами и «проказливо» разделил между ними имение. Подобных зарисовок помещичьих нравов немало в произведениях Салтыкова и нередко они основывались на тверском, в том числе и домашнем, материале.

Эти «домашние» материалы особенно явно присутствуют в цикле «Благонамеренные речи», в романе «Господа Головлевы» и в хронике «Пошехонская старина». Однако родственников Салтыкова нельзя считать буквальными прототипами его персонажей,

¹⁵⁰ Князев И. В. Указ. соч. С. 129.

так как создание художественного образа всегда предполагает значительную долю вымысла и обобщения. Вместе с тем нельзя отрицать того, что, создавая картины жизни головлевского или пошехонского гнезда, писатель основывался на автобиографических впечатлениях. В «Пошехонской старине» в образах родителей Никанора Затрапезного узнаются родители самого писателя, под своим собственным именем выведена его старшая сестра Надежда. Соответствуют своим историческим прототипам и образы «тетенок», старых дев Марии Порфирьевны и Ольги Порфирьевны (у Е. В. Салтыкова были незамужние старшие сестры Мария Васильевна и Анна Васильевна); в образах тетенок Раисы Порфирьевны и Анфисы Порфирьевны, возможно, запечатлены черты Александры Васильевны и Елизаветы Васильевны, в замужестве Абрамовой. В смерти Анфисы Порфирьевны явно отразилась судьба дальней родственницы Салтыковых помещицы Бурнашовой, которую задушили ее сеньные девушки. Реальную основу имеют образы повитухи Ульяны Ивановны и многих крепостных, выведенных под своими именами — кормилицы Домны, кучера Алемпия, крепостного живописца Павла (первый учитель Салтыкова Павел Дмитриевич Соколов) и др. В поздние годы жизни Салтыков писал: «Я вырос на лоне крепостного права, вскормлен молоком крепостной кормилицы, воспитан крепостными мамками и, наконец, обучен грамоте крепостным грамотеем» (16—2, 28). Такое раннее знакомство с крепостным бытом повлияло на формирование идейной позиции писателя, которую он лаконично выразил словами: «Я не дам в обиду мужика...», — и этой установки он последовательно придерживался как на государственной службе, так и в своей литературной деятельности.

Тверские прототипы наиболее очевидны в произведениях, написанных в период вице-губернаторства или же на основе впечатлений этого времени (очерки «Клевета», «Наши глуповские дела», «К читателю», «Наш губернский день»). Именно в этих очерках впервые появляется бессмертный образ города Глупова, который в полной мере развернется в романе «История одного города». Первоначально локализованный Глупов вырастает в романе до масштабов колоссального топонимического обобщения,

не просто включая приметы жизни Твери и других провинциальных городов, но становясь гротескным воплощением России.

В очерке «Клевета», написанном в Твери до октября 1861 г., Салтыков дал очень резкую оценку Глупова и глуповцев, в которых многие из чиновных тверичан узнали себя. О реакции в Твери на этот очерк Салтыков писал П. В. Анненкову 3 декабря 1861 г.: «Моя «Клевета» взбудоражила все тверское общество и возбудила беспримерную в летописях Глупова ненависть против меня. Заметьте, что я не имел в виду Твери, но Глупов все-таки успел поднюхать себя в статье. Рылокошения и спиноотворачивания во всем ходу. То есть не то чтобы настоящие спиноотворачивания, а те, которые искони господствовали в лакейских. Шушукуют и хихикают, пока барина нет, а вошел барин — вдруг молчание, все смешались и глупо краснеют: мы, дескать, только что сию минуту тебя обглаживали» (18—1, 249). Это лакейство, о котором говорится в письме, в очерке показано как одна из характерных глуповских черт.

Тверские глуповцы могли узнавать себя и в других произведениях писателя. В очерке «К читателю», опубликованном в феврале 1862 г. (время его написания предположительно датируется октябрём 1861 г.), назван некий NN, который «по крайней мере, умеет конфузиться и краснеть, тогда как рядом с ним какой-нибудь MM нахально несет свою плоскодонную морду, безнаказанно ставя ее поперек всему благородно мыслящему» (3, 259). Исследователи небезосновательно полагают, что инициалами NN обозначен тверской губернатор Павел Трофимович Баранов. Известно мнение Салтыкова о Баранове как о человеке «не особенно выдающегося ума, но очень мягком и благожелательном и не только не тормозившем, а скорее сочувствовавшем либеральным стремлениям правительства»¹⁵¹. Под инициалами MM в очерке, скорее всего, скрывается имя управляющего палатой государственных имуществ Владимира Григорьевича Коробьина. Позиции обоих высокопоставленных чиновников и особенности их поведения Салтыков характеризовал в письме к Е. И. Якушкину от 7 июня 1861 г., предшествовавшем написанию очерка. В письме

¹⁵¹ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 275.

речь идет об экзекуциях, которым подвергались недовольные проведением реформ крестьяне: «Гр.<аф> Баранов, очевидно, действует таким образом по слабости рассудка; им совершенно овладел Коробьин, который рассвирепел ужасно <...> «Это они пробуют свои силы!» – вопиет Коробьин. – «Свои силы», бессознательно повторяет Баранов и вслед за этим краснеет. И, несмотря на свою стыдливость, посылает команды. Я пытался усовещивать его, подал даже формальную бумагу с доказательствами нелепости его действий; но и тут Коробьин подпакостил: «пускай, говорит, волнуется, а вы идите себе своей дорогой; вас, говорит, за бездействие власти под суд отдадут». С тех пор Баранов встречается со мною и краснеет; краснеет и посылает команды» (18–1, 245). Этот эпистолярный фрагмент, написанный рукой художника, вполне мог бы стать частью очерка, но по цензурным соображениям, разумеется, не подлежал печати.

Характерные особенности поведения чиновников более низкого ранга Салтыков показал в образе исправника Петра Матвеича Хмылова в романе «Господа ташкентцы». Известен текст служебной записки Салтыкова по итогам его ревизорской поездки в Весъегонск, где характеризуется поведение весъегонского исправника Павла Сергеевича Дементьева, который в результате ревизии был отстранен от должности и отдан под суд. Сравним фрагмент служебной записки с текстом романа. В своем отчете Салтыков писал: «Земский исправник выехал навстречу ревизующего в г. Красный Холм, где ожидал несколько дней сряду, несмотря на то, что встреча и проводы подобного рода положительно воспрещаются. Хотя ревизующий выехал из Красного Холма прежде исправника и ехал очень скоро, исправнику – неизвестно каким образом – удалось-таки вновь встретить ревизующего у заставы города Весъегонска и разослать гонцов ко всем властям»¹⁵². В тексте романа этот эпизод получает иное преломление: «Перед начальством Петр Матвеич трепетал. Но не просто трепетал, а любил трепетать, трепетал не только за страх, но и за совесть. Он страстно любил встречать, провожать, устремляться, застывать на месте, рапортовать... Узнав о предстоящем «проследовании» через его уезд, он загодя приходил в волнение... Подстерегши начальство,

¹⁵² Журавлев Н. В. М. Е. Салтыков-Шедрин–ревизор. С. С. 160–183.

под дождем и морозом, на границе уезда, он вытягивался в струну, замирал и рапортовал; потом кидался в телегу и как бешеный скакал вперед, оглашая воздух гиканьем» (10, 138). Далеко не бескорыстное «начальстволюбие» чиновника, представленное здесь в гротескных тонах, приобретает характер сатирически заостренного обобщения.

Некоторые официальные лица губернии узнаваемы в очерке «Наш губернский день», написанном уже после отъезда из Твери. Так, прототипом «глуповского полковника» Семена Михайловича Стопашовского послужил тверской жандармский штаб-офицер Иван Михайлович Симановский, который осуществлял негласный надзор за самим Салтыковым как бывшим ссыльным. Писатель упоминает об участии полковника в экзекуции, «происходившей в имении одного значительного лица», где Стопашовский «покрыл себя неувыдаемою славой» (3, 406). Здесь имеется в виду широко нашумевшее разбирательство в имении крупного царского сановника тверского помещика Н. В. Зиновьева, которое осуществлял Симановский. Другим персонажем очерка является некий «пустынник» — так эзоповым языком именуется глава епархии архиерей Филофей (в миру Тимофей Григорьевич Успенский), епископ тверской и кашинский, на приемах которого в Трехсвятском монастыре не раз бывал Салтыков. Впоследствии к образу пустынника писатель вернется в рассказе «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» (цикл «Помпадуры и помпадурши»). Впечатления от личности Филофея нашли отражение и в нецензурной сказке «Архиерейский насморк».

Тверь как «гнездо либерализма»

В конце 1861 — начале 1862 г., в период подготовки и проведения крестьянской реформы, Тверь оказалась своеобразным центром антиправительственных настроений. Здесь произошли события, которые привлекли к ней внимание всей России. Об этом достаточно подробно написано в работах Н. В. Журавлева и С. А. Макашина¹⁵³, поэтому лишь напомним некоторые факты.

¹⁵³ См.: Журавлев Н. В. Салтыков-Щедрин в Твери; Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. С. 386–393.

В октябре – начале ноября 1861 г. группа из 82 тверских дворян обратилась с коллективным письмом к исправлявшему должность губернского предводителя дворянства В. Д. Бровцыну, в котором содержался отказ от сохранения сословных привилегий во имя создания «прочного основания» для единения всех сословий. Вторым под этим обращением подписался Салтыков, которого считают одним из его авторов. В декабре 1861 г. состоялся первый в истории России съезд мировых посредников, за проведение которого непосредственную ответственность нес Салтыков, исполнявший в это время должность губернатора. Причем сама мысль «об устройстве периодических съездов всех посредников» была впервые публично высказана Салтыковым в статье «Об ответственности мировых посредников». По мнению С. А. Макашина, повестка дня съезда свидетельствовала о том, что и остальные его публицистические выступления 1861 г. явились своеобразной идеологической подготовкой съезда. Следствием этого съезда стало прошедшее в начале февраля 1862 г. чрезвычайное дворянское собрание, на котором с заявлением выступила группа мировых посредников. В результате был принят ряд постановлений, представлявших собой «развернутую программу либеральных преобразований». Эта программа была изложена в Адресе, направленном съездом императору Александру II, в котором признавалась необходимость «собрания выборных от всего народа без различия сословий». Увенчались тверские события заявлением тринадцати мировых посредников, которые отказались руководствоваться в своей деятельности «Положением» 19 февраля и распоряжениями правительства и приняли за основу постановления Мирового съезда и дворянского собрания. Для расследования этого дела в Тверь были направлены правительственные чиновники, которым было рекомендовано узнать, «кто тут может быть из дворян, кто были подстрекатели; они есть, и легко найдутся, например: Щедрин...»¹⁵⁴ Очевидно таким образом, что для современников непосредственное участие Салтыкова в деятельности тверской оппозиционеров не представляло сомнений.

Упоминания о «тверских либералах» и связанных с ними ситуациях встречаются во многих произведениях писателя, который

¹⁵⁴ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1905. Кн. 19. С. 34.

подчеркивал, что для современников Тверь оказалась своеобразным оплотом либеральных настроений.

В ряде произведений, например в рассказе «Наш дружеский хлам», Салтыков обращается к личности А. М. Унковского, чьи черты можно видеть в образе Николая Ивановича Шалимова. Рассказчик, выражающий позицию реакционного дворянского большинства, сообщает: «Шалимова мы вообще не любили. Человек этот, будучи поставлен природою в равные к нам отношения, постоянно предъявлял наклонности странные и даже отчасти подлые. Дружелюбный с низшим сортом людей, он был самонадеян и даже заносчив с равными и высшими <...> Вообще же видел предметы как бы наизнанку и походил на человека, который, не воздвигнув еще нового здания, желает подкопаться под старое» (3, 113–114). Намек на арест и ссылку Унковского в 1860 г. как председателя Тверского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, включен в роман «Дневник провинциала в Петербурге», где рассказчик вспоминает об обстоятельствах, сопровождавших процесс подготовки реформы: «Печальные сны стали мне видеться с тех пор, как я был выбран членом нашего местного комитета по улучшению быта крестьян. В то время, как ни придешь, бывало, так и сыплются на тебя со всех сторон самые трагические новости <...> И таким образом мы жили в чаду самых разнообразных страхов <...> Но этого мало. В одно прекрасное утро нам объявляют, что наш собственный председатель исчез неведомо куда, но «в сопровождении»...» (10, 346–347). Эти упоминания, истинная подоплека которых теперь непонятна без комментария, для современников писателя были вполне прозрачны и вызывали в памяти известные имена и факты. Вместе с тем как сегодня, так и в XIX в., их главное значение состояло в том, что они являлись составными элементами общей картины российской действительности и выражали ее характерные черты.

С. А. Макашин замечал, что почти все упоминания Салтыкова о «тверских либералах» имеют автобиографические приметы и сатирическую окраску¹⁵⁵. Но последнее утверждение следовало бы уточнить. Упоминания действительно носят иронический характер, но писатель иронизировал не столько по поводу идей, сколько

¹⁵⁵ Макашин С. А. Указ. соч. С. 385.

по поводу тех условий жизни, которые делали невозможным их осуществление. В очерке «Отголоски» корреспондент Подхалимов, сообщая о тверских болотах, замечает, что посреди них «там и сям, в разбросанном виде, живут остатки тверских либералов, укрывшиеся после известного разгрома 1862 года. Рассказывают, что это люди смиренные, пострадавшие «за напрасно» или, собственно говоря, за любовь к отечеству» (12, 219).

В романе «Современная идиллия» тема тверского либерализма, представленного как общая достопримечательность губернии и характерная примета жизни отдельных ее городов, становится лейтмотивом «тверских» глав. Приведем наиболее характерные примеры. Один из главных героев романа уговаривает своих спутников высадиться в Твери, для чего использует следующую аргументацию: «...задавшись просветительными целями, мы не должны забывать, что рано или поздно нам все-таки придется отсидеть свой срок в холодной, а быть может, и совершить прогулку с связанными назад руками <...> И я имею все основания думать, что отбыть эту повинность в Тверской губернии выгоднее. Тверская губерния исстари славится своим либерализмом» (15–1, 157). Саркастический тон сохраняется и впоследствии, когда справедливость этих слов подтверждается сюжетными ситуациями. Арестованный вместе с другими персонажами рассказчик замечает: «Обаяние исконного тверского либерализма сказалось и здесь. Во всех распоряжениях выразилось чувство меры и благожелательности. Долг был выполнен без послабления, но при сем предполагалось, что мы не осуждены и, следовательно, можем быть невинны <...>

В другой губернии, наверное, нашлись бы кандалы или, по крайней мере, конские путы, но в Тверской губернии, по-видимому, самое представление об этих орудиях истязания исчезло навсегда <...> Вот такая это губерния. Долг, один только долг! Без послаблений, но и без присовокуплений! – таков был девиз Тверской губернии <...>

Такова Тверская губерния. Искони она вопиет: наказывайте, жмите из нас масло! – но по закону! И ее наказывают» (15–1, 204–206).

Горький смысл щедринского сарказма становится понятнее, если вспомнить, какие исторические события послужили основанием понятия «тверской либерализм».

Тверские автобиографические эпизоды и признания

Один из «пошехонских рассказов» Салтыкова начинается автобиографическим признанием: «Будучи от рождения пошехонским гражданином, я с удовольствием делаю периодические экскурсии в эту страну. Сколько лет я на свете живу, столько же времени и знаю ее. Знал ее крепостною, знал и реформенною, знаю и теперь, готовую возродиться вновь, или, как нынче принято говорить, от мечтаний перейти к делу» (15-2, 104). В произведениях Салтыкова очень много упоминаний автобиографического характера, которые затрагивают весь спектр его связей с Тверской губернией, – служебную деятельность и репутацию, общественные настроения, имущественные отношения, наконец, личные впечатления и переживания.

В романе «Современная идиллия» рассказчик вспоминает свои детские представления о городе Кашине: «Мне казалось, что Кашин есть нечто вроде светлого помещичьего рая, и я горько роптал на провидение, уродившее меня не в Кашине, а в глухой калязинской Мещере». Этот фрагмент сопровождается авторским примечанием: «Я еще застал веселую помещичью жизнь. В Кашине я, впрочем, не бывал, но и в нашем, сравнительно угрюмом Калязинском уезде прорывались веселые центры, напр., на Хотче и, в особенности, в селе Воскресенском, где жило до семи помещичьих семей, которые, несмотря на скудные средства, ничем другим не занимались, кроме хлебосольства. Когда-нибудь я надеюсь возобновить в своей памяти подробности этой давней старины, которая исчезла на наших глазах, не оставив по себе никакого следа» (15-1, 221). Свои намерения Салтыков осуществил в конце жизни, написав «Пошехонскую старину».

В текстах Салтыкова порой проскальзывает информация о его имущественных обстоятельствах. Так, в «Дневнике провинциала» читаем: «Мать взыскивает по векселю с сына, подчиняясь естественному чувству собственности и в то же время попирая естественные чувства семейственности» (10, 504–505). Подобный факт был в жизни самого писателя. В декабре 1861 г. Салтыков, намереваясь купить подмосковное имение Витенево, взял деньги в долг у своей тверской знакомой Н.С. Ржевской и у матери сроком на два года, но не сумел выплатить их сполна. В декабре 1863 г.

О. М. Салтыкова потребовала возвратить долг и с этой целью наложила запрет на все доходы с ярославского имения Салтыкова и его брата Сергея, а летом 1864 г. судебным порядком предъявила к взысканию заемные письма сына. Такого же рода автобиографическое признание можно найти и в цикле «Убежище Монрепо», где говорится, что «старое, насиженное гнездо, по воле случая, не дошло до рук» рассказчика. Салтыкову действительно не досталось ни родовое имение село Спас-Угол, ни обещанная ему резиденция матери село Ермолино.

В произведениях Салтыкова встречаются также автобиографические упоминания, касающиеся времени тверского вице-губернаторства. К началу его службы в родной губернии относится эпизод, известный в передаче В. П. Буренина и Н. А. Белоголового¹⁵⁶. В августе 1860 г. в Твери проездом находились члены царской семьи, и по просьбе великих князей Константина Николаевича и Михаила Николаевича им был представлен Салтыков, уже прославившийся как автор «Губернских очерков». Особенности этой встречи преломились в романе «Дневник провинциала в Петербурге». Рассказчик пытается передать неловкость положения, в которое его поставили собеседники, и в этой связи вспоминает: «Я только однажды в жизни был в подобном положении, и именно когда меня представляли одному сановнику, который *мог* (буде благо рассудил бы) подать мне руку, но которому я *ни в каком случае не имел права* протягивать свою руку. Но я не знал этого правила — и протянул. И вдруг я почувствовал, что рука моя так и остается на весу, в тщетном ожидании взаимного пожатия» (10, 409).

Из автобиографических реплик можно узнать о некоторых направлениях деятельности Салтыкова как вице-губернатора. Например, в рассказе «Зиждитель» (цикл «Помпадурсы и помпадурши») рассказчик, вдохновляя своего однокашника на административные подвиги, напоминает: «Но в древности бывали помпадурсы, достойные подражания. Я сам знал одного, который, в течение семи лет помпадурства, два новых шрифта для губернской типографии приобрел!» (8, 205). Сам Салтыков, который по долгу службы курировал официальную губернскую газету («Рязанские

¹⁵⁶ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 195–196; Т. 2. С. 278–279.

губернские ведомости» и «Тверские губернские ведомости»), действительно способствовал приобретению нового шрифта для типографий Рязани и Твери. Этот автобиографический момент присутствует и в рассказе «Отец и сын» («Благонамеренные речи») в перечне тех дел, которые совершил на посту губернатора один из персонажей: «Почтовые дороги обсадил по бокам березками, почтовые станции выстроил с иглочки, хлебные запасные магазины пополнил, недоимки взыскал, для губернского города выписал новую пожарную трубу, а для губернской типографии новый шрифт» (11, 172). Приобретение шрифта, таким образом, становится венцом административной расторопности. Эта тема получила своеобразное преломление в сказке «Медведь на воеводстве», где сказано о намерении Топтыгина 2-го разорить типографию, которой, впрочем, не оказалось в наличии.

В некоторых случаях писатель вводит автопризнания, характеризующие его тверскую репутацию. Так, в очерке «По части женского вопроса» (цикл «Благонамеренные речи») рассказчик заявляет: «Я либерал, а между «своими» слышу даже «красным»» (11, 253). Эти слова можно рассматривать как автохарактеристику: у Салтыкова в Твери действительно была репутация «красного». Бежецкий помещик Ф. М. Ладыгин, передавая в феврале 1862 г. в письме к сыну тверские слухи, замечал: «Наш вице-губернатор, известный вольнодумец, подал в отпуск и по слухам не вернется к должности...»¹⁵⁷ Независимый образ мыслей и поведения Салтыкова вызывало недовольство не только в консервативных тверских кругах, но и у петербургской власти. В рассказе «Старый кот на покое» (цикл «Помпадурсы и помпадурши») перечисляются «административные руководства», создаваемые отставным губернатором, и среди них сочинение «О вреде, производимом вице-губернаторами» (8, 33), название которого также имеет автобиографическую основу. Комментаторы замечают, что о «вреде», наносимом вице-губернатором Салтыковым, доносили в Петербург, когда он служил в Рязани и Твери. Эта формулировка вошла и в досье 3-го отделения о его службе при окончательной отставке в 1868 г.¹⁵⁸

¹⁵⁷ Журавлев Н. В. Салтыков-Щедрин в Твери. С. 163.

¹⁵⁸ Макашин С. А., Никитина Н. С. Примечания // Салтыков-Щедрин М.В. Собрание сочинений. Т. 8. С. 481.

Тема своей «вредности» позже отзовется в «Мелочах жизни», где Салтыков пишет: «Чего со мною не делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно заявляли, что я – вредный, вредный, вредный <...> мало того: в родном городе некто пожертвовал в местный музей мой бюст. Стоял-стоял этот бюст год или два благополучно – и вдруг его куда-то вынесли. Оказалось, что я – вредный» (16-2, 8). Здесь идет речь о гипсовом слепке с бронзового бюста Салтыкова, выполненного скульптором П. П. Забелло. Этот бюст в 1881 г. был подарен тверскому музею земским врачом М. И. Петрункевичем. Но в 1884 г., после закрытия журнала «Отечественные записки», по решению распорядителя музея А. К. Жизневского бюст был удален из экспозиции. К этому эпизоду писатель не раз возвращался в своей переписке, и дело здесь не в личной претензии к опасливому Жизневскому. Причина такого острого переживания, казалось бы, не слишком значительного события заключалась в том, что оно символизировало и как бы утверждало факт разрыва с читателем, который Салтыков болезненно переживал как утрату основного содержания и смысла своей жизни.

Подытоживая, следует, во-первых, сказать об очевидном: тверские впечатления, как старые, так и новые, в той или иной форме постоянно питали творчество Салтыкова. Но не менее важно подчеркнуть и другое обстоятельство, тоже вполне очевидное, но в меньшей степени актуализированное, – административная служба Салтыкова в провинции, в том числе и в Тверской губернии, определила основное направление его литературной деятельности, в определенном смысле повлияв на его манеру. В период до окончательной отставки в 1868 г., который можно охарактеризовать словами самого Салтыкова «...писал и служил, служил и писал», это проявилось в жанровой, проблемно-тематической и образной специфике его произведений. Впоследствии творчество Салтыкова претерпевает изменения на всех этих уровнях, главное – сходит на «нет» чиновничья тема, однако так ярко определившийся в «провинциальный» период социально-аналитический интерес навсегда останется характерным признаком шедринского пера.

ТВЕРСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ЛАЖЕЧНИКОВА: МАТЕРИАЛЫ К УКАЗАТЕЛЮ ИМЕН

Составитель А. Ю. Сорочан

Описание круга общения Лажечникова в Тверской губернии – важная и до сих пор не решенная проблема. За два десятка лет писатель сталкивался с самыми разными людьми, исчерпывающий список составить в настоящее время невозможно. Вместе с тем необходимо представить, кто же мог входить в окружение Лажечникова, с кем он мог общаться – постоянно или случайно, кто из представителей губернского общества мог заинтересовать писателя. Ведь административная деятельность Лажечникова, как можно заметить, стимулировала определенную творческую эволюцию. И потому забытые имена тверских обывателей могут представлять некоторый интерес.

В указателе представлены следующие группы лиц:

- сослуживцы Лажечникова, чиновники столичные, губернские и уездные;
- помещики – соседи по усадьбам;
- члены дворянского собрания, кандидаты на различные выборные должности;
- преподаватели и ученики Тверской гимназии;
- друзья и знакомые писателя;
- лица разных сословий, принимавшие участие в различных общеизвестных событиях в период пребывания Лажечникова в Твери.

Таким образом, в указатель включены и случайные знакомые, и близкие люди. Деятельность Лажечникова в Тверской губернии плохо документирована, поэтому подтверждений большинства знакомств не имеется. Вместе с тем общение с большинством названных лиц было для вице-губернатора неизбежным. Сфера должностных обязанностей Лажечникова была весьма обширна, особенно в то время, когда он замещал губернатора. Именно в 1844 году, во время отъезда А. П. Бакунина, началась «чистка»

в учреждениях г. Корчевы. Лажечников не мог не принимать участия в этом весьма шумном процессе. Ему приходилось встречаться со множеством людей, заниматься судебными, административными, благотворительными делами. Он вручал награды, участвовал в заседаниях различных комитетов. И охрана порядка, и положение дел в тюрьмах и больницах, и городское строительство – все это входило в круг занятий вице-губернатора. Не следует забывать и о круге общения супруги Лажечникова, также вовлеченной в благотворительную деятельность.

Подобные указатели, посвященные другим авторам, создавались уже неоднократно. Но особенно важен тверской опыт: Тверское окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. Д. Т. Сигалова // Щедринский сборник. Вып. 2. Тверь, 2003.

Пока не освоены все архивные материалы, пока не собраны все сведения о родственных связях тверичан – современников Лажечникова, не выявлены полные списки служащих тверских учреждений – до тех пор наш труд остается только «материалами к указателю». Вместе с тем в дальнейшем эти материалы будут пополняться; в ходе этой работы сложится полное представление о тверских связях Лажечникова. Например, представляют интерес его отношения с А. А. Шишковым (другом Ф. Н. Глинки, знакомым А. С. Пушкина). Шишков, близко знавший Лажечникова, был убит рядом с домом, который занимал писатель. Был ли Лажечников вовлечен в дело об убийстве? Мы не знаем. Как не знаем и того, с кем из тверских чиновников сблизился Лажечников, в расследовании каких «громких» дел принимал участие. Это открывает немалый простор для дальнейшей работы.

В настоящем указателе мы попытались представить окружение Лажечникова, каким оно видится сейчас. Чины и должности упоминаемых лиц указаны на момент их знакомства с Лажечниковым. Место службы, если речь идет о Твери, не указывается. Там, где возможно, указываются годы присвоения чинов и годы пребывания в выборных должностях. Даты жизни приведены в тех случаях, где мы располагаем соответствующими сведениями. Сведения о членах семей упоминаемых лиц приводятся в тех случаях, где возможно предположить знакомство Лажечникова (в указателе – Л) со всем семейством.

Литература

- Лажечников И. И. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1994.
- Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа / Сост. Е. Н. Строганова, М. В. Строганов. Тверь: ИД «Вся Тверь», 1999.
- М. Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни / Ред. Е. Н. Строганова. Тверь: Тверской государственный университет, 1996.
- Памятная книжка по отчету за 1844 год по Тверской губернии. Тверь, <б/г>.
- Памятная книжка по отчету за 1846 год по Тверской губернии. Тверь, 1847.
- Памятная книжка по отчету за 1847 год по Тверской губернии. Тверь, <б/г>.
- Памятная книжка Тверской губернии на 1861 г. Тверь, 1861.
- Сысоев В. И. Бакунины. Тверь, 2002.
- Сысоев В. И. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь, 2004.
- Тверская область: Энциклопедический справочник. CD-Rom. Тверь, 2002.
- Тверская прокуратура от Екатерины II до наших дней. Тверь, 2004.
- Тверская усадьба. Дворянство. Гербы. XVIII–XIX вв. CD-Rom. Тверь, 2000.
- Тверские губернаторы. К 200-летию образования Тверской губернии / Сост. Г. М. Дмитриева, В. Н. Серeda. Тверь, 1996.
- Тверские губернские ведомости. Ч. 1 – 4. CD-Rom. Тверь, 2001.
- Тверское окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина / сост. Д. Т. Сигалова // Щедринский сборник. Вып. 2. Тверь, 2003.
- Тверской край в жизни и творчестве А. С. Пушкина: Библиографический указатель. Тверь, 1999.
- Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989.
- Абабков*, осташковский купец 1 гильдии, благотворитель.
- Аваев* Василий Петрович, купец, гласный тверской Думы (1842–1845).
- Аваев* Никита Алексеевич, купец, городской голова (1842–1845).
- Аверкиев* Александр Егорович, действительный статский советник, тверской губернский прокурор (1821–1826), вице-губернатор (1835–1838).

Азарьев Петр Аверкиевич, поручик, кандидат в заседатели совестного суда (1848).

Акимов, майор, калязинский городничий (до 1845).

Альмендинген Елизавета Ивановна, теща *С. П. Сысоева*, тверская помещица. Владела имением Шокурово (Шокорово) в Обуховской волости.

Альцингер, старший секретарь, Тверского губернского правления.

Ананьев, инспектор Тверской гимназии.

Аннов, старший столоначальник удельной конторы. В 1844 получил из рук Л бриллиантовый перстень «за отличие».

Арбузов, помощник старицкого окружного начальника.

Арефьев Андрей Варфоломеевич, купец, тверской ратман (1842–1845).

Арефьев Михаил Матвеевич, купец, тверской ратман (1842–1845).

Бакунин Александр Михайлович (1763 или 1768–1854), писатель, помещик, глава семейства Бакуниных. Встречался с Л в 1834 г., когда определял сыновей в Тверскую гимназию, и позднее. Л бывал у него в имении Прямухино.

Бакунин Александр Павлович (1799–1862), тверской губернатор (1843–1857), действительный статский советник, кавалер ордена св. Владимира III степени (1847). Л был знаком с женой Бакунина Марией Александровной (урожд. Шулепниковой) и с дочерьми.

Бакунин Алексей Александрович (1823–1882), сын *А. М. Бакунина*. Обучался в Тверской гимназии.

Бакунин Николай Александрович (1818–1901), сын *А. М. Бакунина*. Обучался в Тверской гимназии.

Бакунин Павел Александрович (1820–1900), сын *А. М. Бакунина*. С 1834 обучался в Тверской гимназии.

Бакунина Александра Александровна (1816–1882), жена *Г. П. Вульфа*.

Бакунина Варвара Александровна (урожд. Муравьева, 1792–1864), жена *А. М. Бакунина*.

Балкашина Марья Андреевна, тверская помещица. Приобрела у Л усадьбу Никольское.

Бастамовы, старицкие помещики, соседи Л по имению.

Батюшков Иван Захарович, штабс-капитан, старший заседатель Весьегонского земского суда (с 1839).

Башилов Александр Александрович (1807–1854), поэт; коллежский регистратор, служил в канцелярии губернатора (с 1841), бухгалтер комиссии по устройству Твери (с 1842).

Безкунов Алексей Львович, капитан, заседатель Весьегонского земского суда (1848–1851).

Безобразов, подполковник, осташковский городничий.

Безобразов Александр Павлович, подпоручик, кандидат в депутаты дворянства по Тверскому уезду (1848).

Безобразов Михаил Алексеевич, коллежский регистратор, депутат дворянства по Зубцовскому уезду (1848–1851).

Бессонов, гимназист, окончил гимназию в 1842 с похвальным аттестатом.

Белаго Модест Александрович, подпоручик, заседатель земского суда (1848–1851), кандидат в уездные судьи и земские исправники (1851).

Белюстин Иван Стефанович (1818–1890), священник, публицист, педагог, краевед.

Берг Эдуард Карлович (? – 1852), врач Тверской больницы (1844–1852).

Бергреев Август, содержатель Тверской вольной аптеки.

Березин Александр Михайлович, коллежский секретарь, заседатель Корчевского земского суда (1848–1851).

Бернов Никанор Александрович, поручик, член губернской строительной и дорожной комиссии. Л был знаком с его сыном, гимназистом, окончившим гимназию в 1842 с похвальным аттестатом.

Бетулин, губернский секретарь, столоначальник Тверского городского магистрата (с 1851).

Бобров Иван Дмитриевич, купец, гласный тверской Думы (1842–1845).

Бобров Семен Дмитриевич, мещанин, гласный тверской Думы (1842–1845).

Богданов Михаил Григорьевич, купец, заседатель тверской уголовной палаты (1842–1845).

Божуков Никита Афанасьевич, титулярный советник, канцелярист Тверской гражданской палаты (1843–1846), осташковский уездный стряпчий (с 1846).

Бологовский Яков Дмитриевич (1797–1851), действительный статский советник, тверской генерал-губернатор с декабря 1837 по декабрь 1842 г. Л был знаком с его сыном Дмитрием (р. 1832), гимназистом.

Болт Иван Сергеевич, подполковник, земский исправник Ржевского земского суда.

Болховская Прасковья, помещица. Л приобрел у нее усадьбу Коноплюно в 1837 г. Л мог быть знаком с ее дочерьми Еленой и Александрой.

Борисов Дмитрий Борисович, купец, тверской ратман (1842–1845).

Борисов Егор Иванович, купеческий сын, гласный тверской Думы (1842–1845).

Бородавкин Матвей Васильевич, купец, городской голова г. Красного Холма (1842–1845).

Будревич Викентий Антонович (1795 – ок. 1850), преподаватель математики и физики в Тверской мужской гимназии. Друг М. А. Бакунина.

Булганов Алексей, титулярный советник (с 1846), весьегонский уездный стряпчий (1846–1851).

Бураков Иван Андреевич, купец 3 гильдии, комиссар по надзору за городскими общественными зданиями комитета по устройству Твери (1842–1845).

Бураков Петр Иванович, мещанин, гласный тверской Думы (1842–1845).

Бушмарин Федор Григорьевич, купец, ратман полиции (1842–1845).

Бырдин Александр Семенович, штабс-капитан, депутат дворянства по Бежецкому уезду (1848–1851).

Вагин Никифор Михайлович, присяжный ценощик (1842–1845).

Васильев, капитан тверского корпуса жандармов (в 1840-х гг.)

Васильев Александр Петрович, коллежский регистратор, старший заседатель земского суда Тверского уезда (с 1839).

Вахров Никанор Иванович, капитан, заседатель Зубцовского земского суда (1848–1851).

Ведерников Леон Иванович, мещанин, городской голова Погорелого Городища (с 1842).

Велигонов Николай Матвеевич, надворный советник (с 1844), губернский стряпчий по казенным делам (с 1844), и.о. губернского прокурора.

Великопольский Иван Ермолаевич (1797–1868), отставной майор, литератор-дилетант. Адресат нескольких стихотворений Пушкина, автор ответных посланий. Л приобрел у него село Конопдино в 1837 г.

Великопольская Софья Матвеевна, жена *И. Е. Великопольского*.

Вельяминов-Зернов Феонемит Николаевич, поручик, предводитель дворянства Ржевского уезда (1848–1851).

Вельяшев Василий Иванович (1777 или 1782–1856), штабс-ротмистр, земский исправник Старицкого уезда (с 1839).

Вельяшева Екатерина Васильевна (1813–1865), дочь *В. И.* и *Н. И. Вельяшевых*.

Вельяшева Наталья Ивановна (урожд. Вульф) (1784–1855), сестра *И. И.* и *П. И. Вульфов*, жена *В. И. Вельяшева*.

Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847), художник, помещик Вышневолоцкого уезда.

Веревкин Александр Васильевич, тверской помещик, совестный судья (с 1845), «приятель» Л.

Верховский Павел Петрович, инженер-поручик, предводитель дворянства Весьегонского уезда (1848–1851).

Веселаго, малолетний дворянин, содержался в губернской гимназии по ходатайству тверского дворянства с 1842 г.

Ветошкин, тверской купец, жертвователь сиротского дома и других благотворительных учреждений.

Викулин Иван Семенович, купец, городской голова г. Бежецка (с 1842).

Вистенгоф Петр Федорович (1811–1855), писатель, коллежский советник, советник губернского правления.

Войцеховский, преподаватель латинского языка, старший учитель гимназии.

Волков Андрей Васильевич, купец, заседатель Тверского совестного суда (1842–1845).

Волковский Феликс Бонавентурович, подпоручик, кандидат в заседатели Старицкого уездного суда (1848).

Воротильницын Иван Николаевич, купец, тверской ратман (1842–1845).

Вульф Алексей Николаевич (1805–1881), штабс-ротмистр, кандидат в предводители дворянства Старицкого уезда (1848, 1851).

Вульф Анна Николаевна (1799–1857), помещица, сестра *А. Н.* и *В. Н. Вульфов*.

Вульф Валериан Николаевич (1812–1845), брат *Анны* и *Алексея Вульфов*, с 1836 унтер-офицер уланского вел. князя Михаила Павловича полка.

Вульф Гавриил Петрович (1807–1861), гвардии штабс-капитан, кандидат в депутаты дворянства по Старицкому уезду.

Вульф Иван Иванович (1776–1860), отставной поручик, старицкий помещик.

Вульф Иван Петрович (1800 – после 1860), двоюродный брат *А. Н.* и *В. Н. Вульфов*, с 1834 отставной майор.

Вульф Надежда Гавриловна (урожд. Борзова) (1784/1785–1849), жена *И. И. Вульфа*.

Вульф Павел Иванович (1775–1858), отставной подпоручик, старицкий помещик, дядя *А. Н.* и *В. Н. Вульфов*.

Вульф Фридерика Ивановна (урожд. фон Буш) (1794–1848), жена *П. И. Вульфа*.

Гавриил II (Розанов), архиепископ Тверской и Кашинский в 1848–1857 гг.

Гагарин Григорий Григорьевич (1810–1893), художник, вице-президент Академии художеств, корчевской помещик.

Галлер Александр Карлович, статский советник, содержатель питейного откупа в Твери.

Гальяни (Галлиани) Шарлотта Ивановна, купеческая вдова, содержательница гостиницы, в которой, вероятно, останавливался Л.

Гамбургер, чиновник особых поручений при губернаторе.

Гарижский Илья Семенович, подполковник, предводитель дворянства по Тверскому уезду (с 1851).

Гарфункель, тверской купец, содержатель питейного откупа, благодетель.

Гейденрейх Карл Богданович, помощник губернского архитектора (с 1839).

Герман, гимназист 7 класса, на торжественном акте 1842 года выступал с речью на французском языке.

Глинка Авдотья Павловна, урожд. Голенищева-Кутузова (1795–1863), писательница, общественная деятельница, жена *Ф. Н. Глинки*

Глинка Федор Николаевич (1786–1880), писатель, декабрист, действительный статский советник.

Глокке, надворный советник, доктор Тверской удельной конторы.

Глушков Иван Фомич (1774–1848), тверской вице-губернатор (1837–1842).

Головачев Алексей Андрианович, коллежский секретарь, кандидат в секретари дворянства (1848).

Головачев Федор Филиппович, подпоручик, старший заседатель Корчевского земского суда.

Головин Константин Федорович, сын *Н. Г. Головина*, старицкий помещик.

Головин Николай Гаврилович, полковник, почетный попечитель Тверской губернской гимназии (до 1842).

Григорий (Постников) (1784–1860), архиепископ Тверской и Кашинский, член Российской Академии (с 1821).

Гусев Василий Алексеевич, коллежский ассессор, дворянский заседатель уездного суда (1848–1854), попечитель хлебных запасных магазинов.

Давыдов Василий Алексеевич, штабс-капитан, земский исправник Зубцовского земского суда.

Даниель, архитектор Тверской казенной палаты.

Добровольский, зубцовский городничий (нач. 1850-х).

Добрынин Арсений Романович, мещанин, гласный тверской Думы (1842–1845).

Доможиров, поручик, старицкий городничий (с 1850).

Дорошкевич Лаврентий Антонович, надворный советник, предводитель дворянства Бежецкого уезда (с 1848).

Дурново, майор, начальник жандармского корпуса.

Дьяков Николай Николаевич, поручик, кандидат в депутаты дворянства по Тверскому уезду (1848).

Дятков Александр Степанович, коллежский регистратор, дворянский заседатель Кашинского уездного суда (1848–1851).

Енгальцев Василий Иванович, князь, поручик, депутат дворянства по Вышневолоцкому уезду (1848–1851).

Епанешников Матвей Петрович, купец, старицкий городской голова (1842–1845).

Ермолаев Дмитрий Иванович (ум. 1851), действительный статский советник, старицкий помещик. Л мог быть знаком и с дочерьми Ермолаева – Анной, Елизаветой и Варварой.

Ермолинский Иван Иванович, коллежский регистратор, дворянский заседатель тверского уездного суда (1848–1854).

Ефимов (? – 1848), товарищ председателя уголовной палаты.

Жемчужников Алексей Федорович, поручик, кандидат в заседатели уголовной палаты (1848).

Жизневский Август Казимирович (1819–1896), археолог, основатель музейного и архивного дела в Тверской губернии. Окончил философский факультет Московского университета (1841). Товарищ председателя Тверской уголовной палаты (1851–1862). Автор воспоминаний о Л. Л был знаком и с его супругой.

Жуков Василий Иванович, купец 3 гильдии, комиссар по надзору за городскими общественными зданиями комитета по устройству Твери (1842–1845).

Жуков Николай Павлович, губернский секретарь, кандидат в заседатели тверской палаты гражданского суда (1851).

Заварыкин Иван Степанович, подполковник, предводитель дворянства Вышневолоцкого уезда (1848–1851).

Загарин Арсений Александрович, штабс-капитан, заседатель Ржевского земского суда (1848–1851).

Залтарский Петр Федорович, купец, старицкий бургомистр (с 1842).

Захаров Фрол, титулярный советник (с 1846), весьегонский уездный стряпчий.

Земмах Николай Иванович, майор, заседатель Весьегонского уездного суда (1848–1851).

Зилов Василий Иванович, поручик, старший заседатель новоторжского земского суда.

Золотухин Николай Иванович, подпоручик, кандидат в заседатели Старицкого уездного суда (1848).

Иванов, надворный советник (с 1844), ассессор Тверской казенной палаты.

Иванов Дмитрий Иванович, штабс-ротмистр, заседатель Старицкого земского суда (с 1848), кандидат в земские исправники Старицкого уезда (1851).

Иванченко, инспектор врачебной управы.

Игнатьев Флавиан Степанович, штабс-капитан, кандидат в заседатели Тверской палаты уголовного суда.

Извеков Егор Николаевич, губернский стряпчий, позднее председатель Ржевского окружного суда.

Извеков Иван Николаевич, осташковский уездный предводитель дворянства, брат *Е. Н. Извекова*.

Извекова, урожд. Полторацкая, жена *Е. Н. Извекова*.

Иконников, мещанин, создатель богадельни в Бежецке.

Ильинский Петр Васильевич, титулярный советник, помощник столоначальника губернского правления (с 1839).

Кабаров, секретарь губернского правления. В 1844 г. Л вручал ему денежное награждение.

Казаков, тверской губернский стряпчий.

Казин Александр Федорович, чиновник 14 класса, кандидат в заседатели совестного суда (1851).

Казнаков Всеволод Всеволодович, штабс-ротмистр, кандидат в предводители дворянства Старицкого уезда (1848).

Казнаков Константин Гаврилович, корнет, кандидат в неперменные члены комиссии народного продовольствия (1851), кандидат в депутаты дворянства по Старицкому уезду (1851).

Казнаков Николай Федорович (1804 – ?), штабс-капитан, кандидат в заседатели Старицкого земского суда (1848), сын *Ф. Б. Казнакова*.

Казнаков Федор Борисович (1770–1850?), отставной гвардии поручик, старицкий помещик, уездный предводитель дворянства. Л мог быть знаком и с другими членами его семьи: женой Анной Ивановной и детьми Александром (1810 – ?), Иваном (1803 – ?), Петром (1807 – ?), Михаилом (1815 – ?), Павлом (1812 – ?), Натальей (1806 – ?), Екатериной (1810 – ?) и Марией (1816 – ?).

Канилле, титулярный советник (с 1844), губернский казначей Тверской казенной палаты.

Карамышев Константин Сергеевич, поручик, кандидат в заседатели тверской палаты гражданского суда (1851).

Кардо-Сысоев Евграф Александрович (р. 1815), титулярный советник, заседатель Осташковского земского суда (1848–1851), секретарь дворянства (с 1851).

Карпов Иван Васильевич, купец, заседатель уголовной палаты (1842–1848).

Кафтырев Дмитрий Сергеевич, помещик Старицкого уезда. Л мог быть знаком и с его сестрами: Еленой, Елизаветой, Варварой.

Кенике Яков Ефимович, поручик, кандидат в заседатели тверской палаты уголовного суда (1851).

Князчинский Павел, смотритель старицкого уездного училища.

Кобелев Петр Гаврилович (1792–?), тверской купец 1-й гильдии, городской голова г. Твери (1845–1857), почетный старшина детского приюта.

Ковалевский Александр Алексеевич, поручик, старший заседатель Ржевского уездного суда (с 1839).

Кожин Иван Николаевич, губернский предводитель дворянства (1845–1848).

Козлов Иван Антонович (1817–?), старший помощник правителя канцелярии тверского губернатора.

Козловский Иван Дмитриевич (1811–1867), поэт, поручик 1-й уланской дивизии. Жил в Твери в 1832–1838 гг.

Кознаков Николай Федорович, штабс-капитан, старший заседатель земского суда Старицкого уезда (с 1839).

Коншин Николай Михайлович (1793–1859), писатель, директор училищ Тверской губернии (1837–1849). Л был знаком и с женой Коншина Авдотьей Николаевной (урожд. Васильева).

Коняев Григорий Михайлович, купец, тверской бургомистр (1842–1845).

Коржиков, неперменный член приказа.

Коржикова (? – 1848), его жена.

Коровин, купец первой гильдии, тверской городской голова.

Кочеров Арсений, статский советник (с 1844), старший советник губернского правления.

Кочуков Александр Павлович, штабс-капитан, кандидат в заседатели тверской палаты гражданского суда.

Крамарев Сергей Иванович, штабс-капитан, кандидат в уездные судьи и земские исправники (1851).

Красильников Никита Иванович, купец 3 гильдии, городской голова г. Вышнего Волочка (1842–1845).

Кривцов, Николай Дмитриевич, предводитель дворянства тверского уезда.

Кронек Иероним-Вальтер, коллежский советник (с 1844), советник Тверской палаты государственных имуществ (до 1843).

Кувшинов Александр Васильевич, подпоручик, старший заседатель Бежецкого земского суда.

Кузнецов Яков Федорович, купец, корчевской городской голова (1842–1845).

Куприатович-Куцевич, князь, зубцовский городничий, удален и предан суду (1844).

Куприянов Алексей Яковлевич, купец, городской голова г. Зубцова (с 1842).

Куракин Борис Алексеевич, князь, тверской помещик.

Куров Федор Алексеевич, депутат по торговле тверской Думы (1842–1845).

Кусовников Алексей Михайлович (1792–1853), полковник Оренбургского уланского полка, в кон. 1820-х – 1830-х гг. расквартированного в Старице.

Лавырев Прохор Макарович, купец, городской голова г. Осташкова с 1843.

Ладыженский Александр Федорович, гвардии поручик, кредитор *И. Е. Великопольского*.

Лебедев Дмитрий Гаврилович, подпоручик, кандидат в дворянские заседатели уездного суда (1851), попечитель хлебных запасных магазинов.

Ларионов Павел Никитич, штабс-ротмистр, депутат дворянства по Кашинскому уезду (1848–1851).

Лебедевский Иван Фадеевич, депутат по торговле тверской Думы (1842–1845), церковный староста кафедрального собора, в 1839–1852 гг. обвиняемый по делу о краже из собора.

Ловягин Иоанн, протоиерей Спасо-Преображенского кафедрального собора.

Лошаков Нил Иванович, старицкий помещик.

Лошкарев Василий Гаврилович, мещанин, гласный тверской Думы (1842–1845).

Лутковский Владимир Васильевич, подпоручик, Ржевский уездный судья (1848–1851).

Львов Иван Петрович, штабс-капитан, исправник Вышневолоцкого уезда (с 1848).

Львов Иван Федорович (1797 – после 1864), губернский архитектор (1824–1864), статский советник.

Львов Леонид Николаевич (1784–1849), племянник Г. Р. Державина, сын Н. А. Львова, коллежский советник, почетный смотритель Тверской губернской гимназии.

Львов Сергей Дмитриевич, подпоручик в отставке, предводитель дворянства Новоторжского уезда (1824–1839, 1848–1851).

Максимов Платон Александрович, штабс-ротмистр, заседатель земского суда Новоторжского уезда (1848–1851).

Манзей Николай Логгинович (1784–1862), генерал-майор, губернский предводитель дворянства (1839–1841).

Матафтин Лев Александрович – коллежский советник, тверской губернский прокурор (1830–1834).

Машлянский Петр Андреевич, коллежский секретарь, кандидат в непременные заседатели земского суда (1851).

Мельницкий Лев Степанович, штабс-капитан, земский исправник Вышневолоцкого земского суда.

Меньшиков Лука Федорович, коллежский асессор, секретарь комиссии народного продовольствия (1848–1851).

Мещерский Борис Васильевич, князь, надворный советник, председатель Тверского благородного дворянского собрания.

Миллер Федор Иванович, старицкий помещик.

Мильков Александр Васильевич, поручик, старший заседатель Кашинского земского суда.

Милюков, надворный советник при департаменте Министерства юстиции, председатель Тверской уголовной палаты (с 1844).

Мистров, коллежский советник, председатель уголовной палаты.

Морозов 2-й, гимназист 5 класса, на торжественном акте 1842 года выступал с речью на немецком языке.

Морозов Константин Михайлович, майор, земский исправник Калезинского земского суда.

Муромцев Александр Павлович, поручик, кандидат в депутаты дворянства по Старицкому уезду (1848).

Мячков Константин Николаевич, поручик, депутат дворянства по Новоторжскому уезду (1848–1851)..

Набоков Иван Александрович, генерал от инфантерии, начальник отдельного гренадерского корпуса 7-й кавалерийской дивизии. Встречался с Л в 1842 г. на торжественном акте в Тверской гимназии.

Назаров И. А., тверской уездный стряпчий (1849–1855).

Назаров Иван Васильевич («большой Назаров»), купец, тверской бургомистр (1842–1845).

Назаров Семен Михайлович, купец 3 гильдии, комиссар по надзору за городскими общественными зданиями комитета по устройству Твери (1842–1845).

Назаров Федор Дорофеевич, купец, заседатель Тверской гражданской палаты (1842–1845).

Небольсин, корчевский городничий, в 1844 г. удален и предан суду.

Неведомский Василий Васильевич, коллежский секретарь, земский исправник Кашинского земского суда (с 1839).

Неведомский Николай Васильевич (1791–1853), штаб-ротмистр в отставке, кашинский помещик, литератор.

Неворотин, гимназист, окончил гимназию в 1842 с похвальным аттестатом.

Неврозов Александр, коллежский секретарь, калязинский уездный стряпчий (с 1844).

Немилов Осип Фомич, купец, городской голова г. Ржева (1842–1845).

Немчинова Марья Николаевна, титулярная советница, в 1847 взыскивала деньги по заемному письму И. Е. Великопольского.

Немятов, статский советник, тверской губернский почтмейстер.

Неплюев Иван Иванович, тверской помещик.

Нечаев, старицкий лесничий (до 1843), в 1844 предан суду.

Нечаев Дмитрий Дмитриевич, капитан, дворянский заседатель уездного суда (1848–1851), кандидат в депутаты дворянства по Тверскому уезду (1851).

Никаноров Алексей, садовник; служил в Твери при железной дороге.

Никифоров (? – 1850), непреременный член Тверского приказа общественного призрения. Считался главным виновником растрат, позднее поставленных в вину Л.

Николаевский, титулярный советник, секретарь губернского правления (с 1850).

Никулин Александр Николаевич, коллежский ассессор, инспектор Тверской гимназии.

Обудовский Дмитрий Алексеевич (1820—?), старший помощник правителя канцелярии тверского губернатора.

Овчинников Семен Петрович, купеческий сын, городской голова г. Торжка (1842—1845).

Озеров Александр Андреевич, капитан 2 ранга, предводитель дворянства Осташковского уезда (1848—1851), губернский предводитель дворянства (с 1851).

Орлов А., титулярный советник, секретарь губернского правления (до 1850).

Орлов Алексей, купец 3 гильдии, глава Тверской ремесленной управы.

Орлов Петр Петрович, ротмистр, кашинский помещик, предводитель дворянства Кашинского уезда (1848—1851), председатель палаты гражданского суда, по выбору от дворян, владел имением Пирогово в Славковской волости (Кашинский уезд).

Павлов Николай Павлович, поручик, кандидат в заседатели совестного суда (1851).

Панин Виктор Никитич, граф, тверской помещик.

Перхуров Дмитрий Васильевич, подпоручик, предводитель дворянства Корчевского уезда (1848—1851).

Пешехонов Григорий Ананьевич, купец, гласный тверской Думы (1842—1845).

Платон (Казанский Петр Гаврилович, 1792—1865), архимандрит, настоятель Тверского Успенского Желтикова монастыря (1848—1865).

Повало-Швейковский Николай Матвеевич, штабс-капитан, земский исправник Новоторжского уезда (1839—1842).

Повало-Швейковский Николай Тимофеевич, статский советник, управляющий Тверской удельной конторой.

Пожарский Евдоким Дмитриевич, содержатель трактира для проезжающих в Торжке. Л мог останавливаться в трактире в ходе поездках и, вероятно, знал также жену Пожарского и его дочь Дарью (1799—1854).

Позняков, старицкий помещик (1840-е).

Полежаев Михаил Михайлович, купеческий брат, городской голова г. Калязина (с 1842).

Поликарпов Евгений Александрович, штабс-ротмистр, предводитель дворянства Старицкого уезда (1848–1851).

Полторацкая Татьяна Петровна, жена *С. Д. Львова*.

Полторацкий Алексей Маркович (1759–1843), действительный статский советник. Л мог быть знаком с его второй женой Варварой Дмитриевной (урожд. Киселева, 1798–1843).

Полторацкий Алексей Павлович (1802–1863), председатель казенной палаты (1839–1863), действительный статский советник.

Полторацкий Константин Маркович (1782–1858), генерал-лейтенант, владелец с. Грузины Новоторжского уезда. Л мог знать его жену Софью Борисовну (урожд. княжна Голицына, 1795–1871).

Полторацкий Михаил Павлович (? – 1851), брат *А. П. Полторацкого*. Убит крестьянами.

Полторацкий Петр Александрович, штабс-ротмистр, член комиссии народного продовольствия (1848–1851). Л был знаком и с его супругой Марией Федоровной.

Понафидин Егор Петрович, капитан, земский исправник Осташковского земского суда (с 1839).

Понафидин Константин Ефимович, губернский секретарь, старший заседатель Осташковского земского суда.

Понафидин Николай Павлович (1819–1895), поручик, кандидат в уездные судьи Старицкого уезда (1851), сын *П. И. Понафидина*.

Понафидин Павел Иванович (1784–1869), капитан-лейтенант, старицкий помещик. Л мог быть знаком и с семьей Понафидина: женой Анной Ивановной (1784–1873), детьми Иваном (1817–1906), Михаилом (1818–1834), Николаем (1819–1895), Анной (1820 – ?), Натальей (1824 – ?).

Понафидин Сергей Владимирович, поручик, кандидат в предводители дворянства Старицкого уезда (1848).

Пономарев Иван Николаевич (1844–?), кашинский предводитель дворянства.

Пономарев Константин Николаевич, почетный мировой судья Старицкого уезда.

Поплонский, старицкий окружной начальник.

Попов Василий Николаевич (? – 1844), «сердечный приятель» Л. Тверской список «Опричника» переписан его рукой. Л был дружен со всем его семейством.

Попов Владимир Никитич, купец, гласный тверской Думы (1842–1845).

Попов Иван, титулярный советник (с 1846), зубцовский уездный стряпчий.

Преображенский Василий Алексеевич, писец канцелярии тверского губернатора.

Пусторослев Павел Петрович, поручик, депутат дворянства по Ржевскому уезду (1848–1851).

Пыжов Владимир Николаевич, коллежский ассессор, кандидат в члены комиссии народного продовольствия (1848).

Пыжов Николай Павлович, корнет, депутат дворянства по Весьегонскому уезду (1848–1851).

Радзивановский Иван Константинович, коллежский регистратор, дворянский заседатель Кашинского земского суда (1848–1851).

Ренненкамф, титулярный советник (с 1844), исправляющий дела губернского уголовных дел стряпчего.

Решетов, купец, один из наиболее активных благотворителей в 1840-х гг.

Роберт, директор Тверской гимназии.

Ртищев, коллежский советник, старицкий помещик.

Рубцов, гимназист, окончил гимназию в 1842 с похвальным аттестатом.

Рудаков, титулярный советник, правитель канцелярии гражданского губернатора (с 1845).

Рудаков Николай Дмитриевич, коллежский регистратор, заседатель земского суда Кашинского уезда (1848–1851).

Руднев Иван Петрович, подполковник, кандидат в заседатели земского суда (1848).

Рябинин Григорий Иванович, чиновник канцелярии тверского губернатора, коллежский регистратор.

Сабанеева Софья Васильевна (? – 1848), сестра совестного судьи Веревкина.

Сабинин, коллежский регистратор, служащий Тверской палаты государственных имуществ.

Савин, осташковский купец 1 гильдии, один из создателей пожарной команды, учредитель частной школы.

Салтыков (? – 1848), редактор «Тверских губернских ведомостей».

Светогоров Александр Кондратьевич, купец 3 гильдии, комиссар по надзору за городскими общественными зданиями комитета по устройству Твери (1842–1845).

Свечин Михаил Иванович, подполковник, земский исправник Тверского уезда (с 1839).

Семенов Павел Алексеевич, штабс-капитан, кандидат в заседатели тверской палаты уголовного суда и в заседатели тверской палаты гражданского суда (1851).

Сергеев Андрей Львович, штабс-капитан, заседатель Бежецкого земского суда (1848–1851).

Сипягин 2-й, гимназист 5 класса, на торжественном акте 1842 года выступал с речью на русском языке.

Синебрюхов, купец, благотворитель.

Смирнов Евграф Андреевич, берновский священник.

Смирнова Екатерина Евграфовна (1810 – после 1886), дочь Е. А. Смирнова, воспитанница *Павла И. Вульфа*.

Сологуб Владимир Александрович (1813–1882), граф, чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, писатель. В 1836 г. находился в служебной командировке в Твери.

Стацевич, гимназист, с 1842 – пансионер Московского университета на счет тверского дворянства (по рекомендации Л).

Степанов Александр Никифорович, губернский секретарь, земский исправник Бежецкого уездного суда.

Степурин Павел Иванович, поручик, кандидат в депутаты дворянства по Старицкому уезду (1848).

Стогов Александр Антонович, штабс-капитан, заседатель земского суда Вышневолоцкого уезда (1848–1851).

Стромиллов Николай Петрович, поручик, предводитель дворянства Калязинского уезда (1848–1851).

Суворов Григорий Григорьевич, подпоручик, старший заседатель Калязинского земского суда (с 1839).

Суворов Петр Григорьевич, подпоручик, депутат дворянства по Калязинскому уезду (1848–1851).

Сутугин Александр Иванович, купец, организатор театра в Твери (1848–1852).

Сутугин Иван Иванович, присяжный ценовщик (1842–1845).

Сушина, смотрительница Тверского детского приюта.

Сысоев Сергей Петрович, подпоручик, тверской помещик. Л был знаком и с его супругой Екатериной Алексеевной, впоследствии издательницей журнала «Родник».

Сычев Василий Иванович, коллежский регистратор, старицкий помещик.

Тепляков Алексей Григорьевич, поручик, тверской помещик, кандидат в предводители дворянства Тверского уезда (1851)¹.

Тепляков Виктор Григорьевич (1805–1842), поэт, тверской помещик.

Терликов Николай Васильевич, купец, городской голова г. Корчевы, благотворитель.

Тизенгаузен Николай Оттович (? – 1891), барон, тверской губернский прокурор.

Титов Алексей Иванович, младший помощник правителя канцелярии тверского губернатора.

Токарев Николай Сергеевич, коллежский ассессор, правитель канцелярии гражданского губернатора, начальник комитета по устройству Твери (с 1842).

Толмачев Николай Павлович, губернский секретарь, кандидат в заседатели земского суда (1848).

Толмачев Павел Петрович, старицкий помещик, отец *Н. П. Толмачева*.

Толстой Александр Петрович (1801–1873), граф, тверской губернатор (1834–1837). Л мог знать его жену Анну Георгиевну (урожд. княжна Грузинская, 1798–1899).

Томилин Николай Сергеевич, купец, заседатель гражданской палаты.

Троицкий, секретарь совета гимназии, старший учитель.

Трунев, Николай Львович, поручик, кандидат в заседатели Старицкого земского суда (1848).

Тулубьев Михаил Никанорович, штабс-капитан, старший заседатель Зубцовского земского суда.

¹ Неудача на выборах уездного предводителя дворянства в 1851 году помогает датировать очерк А. Г. Теплякова «Абрис», опубликованный в первом выпуске. Тепляков явно выражает разочарование в связи с прошедшими выборами. Очерк следует датировать 1851 годом.

Турчанинов Алексей Иванович (1797–?), чиновник по особым поручениям канцелярии тверского губернатора.

Тутолмин, генерал-лейтенант, поддерживал в 1830–1840-х гг. губернскую гимназию и другие учреждения. Л был знаком с его супругой Елизаветой Афанасьевной (урожд. Тулубьевой).

Тыранов Алексей Васильевич (1808–1859), художник, ученик *А. Г. Венецианова*. Автор портрета Л.

Тырымов, Яков Степанович, купец, заседатель Тверского совестного суда (1842–1845).

Тюфяев Кирилл Яковлевич, тверской гражданский губернатор (1831–1834).

Унковский Алексей Михайлович (1828–1893), юрист, общественный деятель, тверской уездный судья (1854–1857).

Уткин Петр Семенович, штабс-капитан, депутат дворянства по Осташковскому уезду (1848–1851).

Ушаков Валериан Алексеевич, поручик, кандидат в члены губернской строительной и дорожной комиссии (1851).

Ушаков Геннадий Степанович, штабс-ротмистр, кандидат к предводителю дворянства по Тверскому уезду (1848).

Ушаков Николай Васильевич (? – 1844), статский советник, помещик Калязинского уезда.

Фененко Гавриил Александрович, надворный советник, тверской губернский прокурор (1846–1851), член Тверского попечительного комитета о тюрьмах.

Фиглев Сергей Михайлович, ротмистр, губернский предводитель дворянства (1842–1845).

Филинов Федор Дмитриевич, купец, старицкий бургомистр (с 1842).

Филиппов, председатель гражданской палаты.

Филиппов 2-й, гимназист 7 класса, на торжественном акте 1842 года выступал с речью на греческом языке.

Фридерикс, управляющий палатой государственных имуществ.

Хвостов Николай Арсеньевич, титулярный советник, тверской уездный предводитель дворянства (1845–1851), почетный директор Тверского детского приюта (до 1851).

Хилков Иван Александрович, князь, бежецкий помещик, почетный попечитель Тверской гимназии.

Хлопова Варвара Степановна (ум. 1846), старицкая помещица.

Храповицкий Леонид Павлович, депутат дворянства по Корчевскому уезду (1848–1851).

Худеков, чиновник губернского правления, редактор неофициальной части «Тверских губернских ведомостей» (с 1851).

Цветковский, коллежский советник (с 1844), товарищ председателя гражданской палаты.

Целяев Ермолай Никитич, купец, гласный тверской Думы (1842–1845).

Чагин Алексей Иванович, уездный предводитель дворянства (1845–1848).

Чаплин Александр Николаевич, кандидат в депутаты дворянства по Тверскому уезду (1848).

Чашиников Александр Иванович, гвардии полковник, тверской губернский предводитель дворянства (с 1848).

Чашиников Владимир Иванович, гвардии штабс-капитан, предводитель дворянства Зубцовского уезда (1848–1851).

Черкасов Василий Иванович, подпоручик, старший заседатель Вышневолоцкого земского суда.

Черкашенинова Прасковья Ивановна, старицкая помещица. Л мог знать и ее дочь Варвару Васильевну (1802–1869), близкую знакомую семьи Оосиповых-Вульф.

Чернявский Петр Иванович, губернский контролер казенной палаты, коллежский советник (1844), автор доносов на *И. Ф. Лебедевского*, рассматривавшихся губернским правлением, затем – Сенатом.

Шамшев Михаил Матвеевич, коллежский асессор, кандидат в заседатели тверской палаты уголовного суда.

Шавров, гимназист, окончил гимназию в 1842 с похвальным аттестатом.

Шавров Рафаил Васильевич, губернский секретарь, старицкий помещик.

Шатров (? – 1848), инженер.

Шаховской Иван Владимирович, князь, подполковник, кандидат к предводителю дворянства по Тверскому уезду (1848).

Шашин, архитектор Тверской удельной конторы. Сопровождал Л в поездке по губернии в 1850.

Шелехов Дмитрий Потапович (1792–1854), статский советник, зубцовский помещик, автор трудов по сельскому хозяйству.

Шестаков, гимназист, окончил гимназию в 1842 с серебряной медалью и чином 14 класса.

Шишкин, старицкий окружной начальник (до 1843).

Шишков, ассессор Тверского губернского правления.

Шишков Александр Ардалионович (1799–1832), поэт, с 1830 г. жил в Корчеве и Твери после увольнения из армии из-за причастности к тайным обществам. Убит в Твери. Л мог знать его жену Екатерину Дмитриевну (урожд. Твердовская, ум. в кон. 1833 или 1834) и дочь Софью (род. 1824).

Шишков Михаил Антонович (1807–?), чиновник по особым поручениям канцелярии тверского губернатора.

Шкалин Андрей Ильич, надворный советник, тверской губернский прокурор (1840–1846).

Шпаковский, капитан, старицкий городничий (до 1850).

Штримф, надзиратель благородного пансиона.

Шугуров Григорий Терентьевич, штабс-ротмистр, земский исправник Корчевского земского суда.

Шурыгин, губернский секретарь, бухгалтер комиссии народного продовольствия, письмоводитель комитета по устройству Твери (с 1842).

Щеткин Михаил Васильевич, тверской губернский прокурор (1834–1840).

Эгерштром Федор Федорович (1790–1853), подполковник в отставке, кандидат в непременные члены комиссии народного продовольствия, депутат дворянства по Старицкому уезду (1848–1851), кандидат в земские исправники Старицкого уезда (1851).

Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888), литератор, чиновник особых поручений при губернаторе, редактор «Тверских губернских ведомостей» в 1846–1848 гг.

Юргенев Александр Тихонович (1785–1867), подполковник в отставке, помещик Старицкого уезда.

Юргенсон Карл Егорович, содержатель вольной аптеки, титулярный советник.

Яннов Симеон, протоиерей Ильинской церкви (г. Торжок). 18 октября 1836 г. совершал освящение церкви в с. Прямухино в присутствии Л.

Яновский Андрей Акимович, коллежский ассессор. Л мог быть знаком с его супругой Татьяной Степановной.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

А. Ю. Сорочан

И. И. Лажечников: литератор и администратор

Проблема соотношения литературной и административной деятельности в случае с И. И. Лажечниковым ставится весьма прямолинейно. Традиционное ее решение можно свести к нескольким тезисам — верным и в то же время ошибочным. Итак, Лажечников приезжает в Тверь в 1831 году. Занимая необременительную должность, затем оставив службу, он завершает один роман и пишет два других, приносящих славу и материальный достаток. Но, вынужденный занять более ответственный пост, Лажечников обнаруживает, что дела службы не оставляют места для литературных занятий. В конечном счете он практически перестает писать и всерьез возвращается к творчеству уже в 1850-х гг., используя в основном наблюдения, полученные в годы службы.

Фактически, эта интерпретация представлялась долгое время единственно возможной. Однако в ней не учтены некоторые специфические особенности личности и творчества Лажечникова. Возникают закономерные вопросы...

Во-первых, пост директора училищ отнюдь не был синекурой. Лажечников напряженно работал, вникая в мельчайшие подробности развития народного образования в регионе — точно так же, как работал он в Пензенской и в Казанской губерниях¹. И поездки по губернии, и участие в торжественных мероприятиях, и встречи и беседы с учениками и воспитателями — все это отни-

¹ Подробная характеристика этой работы дана в очерке Лажечникова «Заметки для биографии Белинского» (1859).

мало немало времени. Тем не менее Лажечников очень много работал — может быть, гораздо плодотворнее, чем находясь в отставке и живя в Коноплино в 1837—1842 гг. Не следует думать, что только ограниченность круга общения мешала писателю творить². Ведь от литературного творчества он не отказался, и став вице-губернатором: в 1842 году завершен «Опричник», позднее пишутся «Беленькие, черненькие и серенькие». В своем роде административная должность для Лажечникова была не столь обременительна. Среди множества дел оказалось мало таких, которые всерьез занимали Лажечникова-человека. О его рассеянности и непрактичности немало уже писали. И отъезд из Твери мог отчасти быть следствием этой самой непрактичности³. А в Витебске, как явствует из писем Лажечникова, самая атмосфера никак не благоприятствовала занятиям изящными искусствами. Именно это и стало причиной очередной отставки. Так что объяснять отказ от творчества возросшим интересом к службе, думается, неточно.

Во-вторых, изложенная выше версия строится без учета особенностей позднего творчества Лажечникова. Противопоставляя ранние исторические романы поздним его произведениям, мы забываем, что все поздние произведения — тоже исторические. Меняется лишь представление об исторической дистанции. «Беленькие, черненькие и серенькие» (1856) открываются описанием детства Вани Пшеницына (читай — Лажечникова), далее следуют главы, посвященные опять же давней истории рода Савиных. В романе «Немного лет назад» (1862) историческая коллизия обозначена уже в заглавии; времена до реформы 1861 года Лажечников рассматривает как исторические. Возможно, в этом тексте выражается «интерес к современной жизни <...> гуманного и гражданского, а не художественного свойства»⁴. Но проявляется этот интерес в давно знакомой форме исторического романа — восторгаясь современностью, Лажечников пишет о прошлом. Разительные отличия между прошлым и настоящим еще очевиднее от того, что это прошлое — недавнее. Наконец, роман «Внучка

² См. об этом в статье А. В. Шиткова в настоящем сборнике.

³ Строганов М. В. И. И. Лажечников и Тверь // Лажечников. С. 12—13.

⁴ Нелюбов Л. И. И. Лажечников // Русский вестник. 1869. № 10. С. 593.

панцирного боярина» (1868) в значительной степени посвящен польскому мятежу. И это событие Лажечников рассматривает как историческое⁵, постоянно акцентируя внимание читателей на том, что времена беспорядков давно миновали и воцарились мир и покой. Дистанция между событием и временем написания текста уменьшается, но модель исторического романа для Лажечникова по-прежнему актуальна, он по-прежнему «пишет историю».

И это позволяет нам предположить, что не занятость по службе и не поиски нового жанра стали причиной того, что Лажечников на десять лет замолкает. Меняется отношение к истории... И в данном случае возникает возможность совместить оба аспекты заглавной проблемы: творческая эволюция и связь административной и литературной деятельности. Разобраться в этом помогает один текст, опубликованный анонимно на страницах «Тверских губернских ведомостей»⁶. Позднее другой вариант этой заметки был включен Лажечниковым в мемуарный очерк «Как я знал М. Л. Магницкого» (1865)⁷, что и позволяет атрибутировать данную газетную заметку именно ему. Сравнение двух этих текстов могло бы прояснить и эволюцию эстетических взглядов Лажечникова-писателя, и развитие его позиции как администратора. Но этот анализ должен стать частью подробного разбора мемуарных очерков Лажечникова, большей частью *составленных* из записей и воспоминаний разных лет со значительными переделками. Пока же рассмотрим текст этой анонимной заметки:

Заметка

По случаю сооружения памятника Державину

В «Славянин» Воейкова за 1827 год в № 25, в статье «Российские памятники» напечатано: «Г. директор Казанской гимназии Лажечников, представляя в прошлом, 1825 году в торжественном собрании Казанской гимназии отчет об управлении ею за академи-

⁵ Традиционное для исторического романа использование документальных материалов выглядит в романе анахронизмом именно потому, что читатели воспринимают это произведение как роман «современный».

⁶ Тверские губернские ведомости. 1844. № 43. Часть. неоф. С. 101.

⁷ *Лажечников И. И.* Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М., 1989. С. 488.

ческий год, упомянул, между прочим, о намерении соорудить в ней памятник знаменитому поэту нашего времени Державину.

«При сем торжественном случае, — говорил он, — могу ли умолчать об одном из приятнейших предположений наших? В то время, когда единодушным соревнованием наших соотечественников, по всему протяжению России, возносятся памятники великим мужам ее: Ломоносову на берегах Двины, герою Донскому на полях Краснохолмских, Ришелье у вод черного моря; в то самое время, когда благодарность не есть долг, а собственная наша слава и удовольствие, останется ли Казанская гимназия равнодушной к памяти Державина, получившего в ней начальное образование? Здесь гений-дитя испытывал силы свои; здесь одобрение наставников было первым лавровым листком того венца, которым почтило его со временем восторженное отечество; отсюда, прозирая будущее свое поприще, исшел он, как юный исполин, на первые опыты славы. Смело можем сказать: Державин был наш воспитанник; кому ж уступим честь первенства в почтении достойным образом памяти великого? Я полагал бы воздвигнуть ему здесь приличный монумент с изображением его и надписью: **«Воспитаннику своему Гавриилу Романовичу Державину — Казанская гимназия»**. За усердное выполнение сего дела ручается мне любовь к просвещению сочленов моих, и, конечно, здешних сограждан, которых в сем случае предупредил я только словом, а не чувствованиями».

В то же самое время г-н управляющий Казанской губернией статский советник А. Я. Жмакин, всегда готовый содействовать благонамеренным видам, клонящимся к пользе и славе Отечества, изъявил ревностное желание собранием пожертвований осуществить предложение г-на директора в случае соизволения на то высшего начальства.

Лажечников при первом удобном случае с гордостью напоминает тверским читателям, что именно его выступление стало поводом к увековечению памяти великого Державина. Но в первую очередь следует заметить, что с этим материалом выступает человек, для которого высшим мерилom настоящего выступает прошлое, который не мыслит современности вне исторических аналогий, который в истории видит оправдание и смысл сегодняшнего дня. И, кроме того, перед нами выступление провинциала, выступающего от лица провинции, от лица «соотечественников», оби-

тающих «по всему протяжению России». Наконец, автор этого текста в своих историософских построениях опирается на провинцию. Эти построения сложились у Лажечникова в поздние годы⁸; текст раннего выступления он приводит через два десятка лет как доказательство своего постоянства, как лишнее подтверждение «провинциальных инициатив». Ведь героями его первых романов были столичные обитатели — сначала жители Петербурга, потом жители Москвы. В поздних же сочинениях исторический центр смещается в провинцию. Главным героем становится провинциал — хранитель устоев, продолжающий дело предков. Герои последних книг Лажечникова, живя в провинции, не забывают о славном прошлом — и страны, и рода. Они не кичатся давними подвигами предков, но стараются не забывать о них. Провинциальная жизнь представляет Лажечникову богатый материал для новых наблюдений; и эти наблюдения ведут не просто к восхвалению настоящего, к восторгу перед совершающимися на глазах у стареющего писателя событиями, о котором писал С. А. Венгеров⁹. Исторический романист ищет в прошлом — всё более близком — опору для настоящего; и находит ее в культуре.

Вот Державин, получивший первоначальное воспитание в глухой провинции и не только ставший первым поэтом при императорском дворе, но и преуспевший на административном поприще. И напоминание о его судьбе оказывается данью памяти писателя, но в то же время призвано стимулировать дальнейшую культурную активность российской провинции. Именно о таком стимулировании размышляет Лажечников, именно это становится основным пафосом его поздних текстов.

Перелом в восприятии провинциального и столичного совершается не сразу. Долгое время провинция воспринималась Лажечниковым весьма традиционно — негативно¹⁰. Вот как характери-

⁸ См.: *Сорочан А. Ю.* Три «столицы» в прозе И.И. Лажечникова // «Во глубине России...» Статьи и материалы о русской провинции. Курск: Курский гос. пед. университет, 2005. С. 31–38.

⁹ *Венгеров С. А.* Предисловие // Лажечников И. И. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Terra, 1994. С. 102.

¹⁰ См. о традиционности такого восприятия: *Строганова Е. Н.* «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830 — первой половины 1840-х гг. // *Русская провинция: миф-текст-реальность.* М.; СПб., 2000. С. 203.

зует Лажечников жизнь провинциальной Казани 1820-х гг. в записках о Магницком: «Что сказать о тогдашнем казанском обществе? Провинциальная аристократия, казалось, оградила себя каменной стеной от ученых плебеев, из которых большая часть и сама, по образу своей жизни, избегала проникнуть через нее. Я посещал только два-три дома, не великосветских, но радушных, приятных <...> Редко, редко когда, бывало, услышишь слово о литературе, и то робко, как о запрещенном плоде. Во время моего пребывания в Казани появились два яркие явления: одно атмосферическое, на небе, с ужасным треском и гулом, другое, на земле, литературное <...> Литературное – была комедия Грибоедова»¹¹.

Можно возразить, что в Твери Лажечникова окружали совершенно другие люди. Достаточно перечислить имена тех писателей, которые представлены в настоящем сборнике. Но и в Казани Лажечников не был одинок: в университете преподавали Лобачевский, Фукс, Лентовский, археолог Эйхвальд и многие другие «достойные преподаватели и ученые, служившие науке с любовью и пользой»¹². Всё дело, оказывается, не в круге общения, а в отношении к этому кругу. В Казани Лажечников ограничивался беседами с отдельными учениками; единственное его выступление, посвященное общественно значимому вопросу, состоялось незадолго до отъезда. И когда память Державина была наконец увековечена, Лажечников не мог не вспомнить о былых заслугах.

Лажечников в 1830-е гг. оказывается провинциальным писателем – все его наиболее известные книги написаны за пределами «двух столиц». И это географическое удаление он осознает. Вспомним его сетования, которыми завершается очерк «Знакомство мое с Пушкиным»: «В последних числах января 1837 года приехал я на несколько дней из Твери в Петербург. 24-го и 25-го был я у Пушкина, чтобы поклониться ему, но оба раза не застал его дома... Нельзя мне было оставаться долее в Петербурге, и я выехал из него 26-го вечером...»¹³ Пусть Лажечников – человек стеснительный, не слишком склонный «вращаться в обществе»; в дан-

¹¹ *Лажечников И. И.* Басурман... С. 494.

¹² Там же. С. 491.

¹³ Там же. С. 419.

ном случае он искренне опечален своей оторванностью от трагических столичных событий. И это не единственный пример.

Вместе с тем именно обращение к историческому прошлому помогает романисту преодолеть свою «провинциальность». Он оказывается в замкнутом мире: среди существующих характеристик провинции «базовой является суженность пространства (географического, социального, культурного, информационного), зафиксированная обозначением «малый город»»¹⁴. И эту замкнутость Лажечников смог преодолеть не сразу. Но потом он находит выход. Лажечников пишет о прошлом России как целого, стремясь уравнивать столицу, где вершатся судьбы России и русской культуры, и провинцию, в которой он служит. Столичное и провинциальное пространства в равной степени насыщены обширным историческим контекстом. В известной степени судьба Державина представляется Лажечникову (в 1825 году, когда возникает мысль о первом историческом романе!) моделью поведения, на которую следует ориентироваться. Административная деятельность в провинции воспринимается как составная часть облика писателя, который обращается к ценностям общего порядка. У Державина эти общие ценности воплощались в философских медитациях, у Лажечникова — в исторических романах. И от романа к роману возрастал интерес писателя к культуре как совокупности накопленного человечеством опыта.

Выйдя в отставку, Лажечников как раз и ощутил себя провинциалом — обычным помещиком, лишенным возможности как-то идентифицировать себя в рамках процессов культурной жизни¹⁵. Ведь третий его исторический роман («Басурман») в известной степени закрывал «столичную» тему, в той форме разработки,

¹⁴ Разумова И. А., Кулешов Е. В. К феноменологии провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции. Тверь: Тверской гос. ун-т; Золотая буква, 2001. С. 16.

¹⁵ Очень важно, что поместье Коноплино не приносит дохода (об этом см. в настоящем сборнике статью А. В. Шиткова), очень важно, что живет в нем дворянин, чуждающийся шумного дворянского общества. Лажечников не ассоциирует себя с усадебной культурой, которую с любовью описывает. Он пытается жить в усадьбе по иным законам — и не преуспевает: Коноплино приходится продать.

которую можно было создавать в провинциальном мире. И. А. Разумова и Е. В. Кулешов выделяют «два функциональных типа компенсаторных текстов»¹⁶. От «Последнего Новика» к Басурману» в романах Лажечникова нарастает политический протест против централизованной имперской власти, переходящий в «Басурмане» — романе антистоличном, точнее, «антимосковском» — даже в агрессивность по отношению к верховной власти¹⁷ (сюда же следует отнести и драматургию Лажечникова 1840-х гг.¹⁸). После перерыва в творческой деятельности начинается поиск новой тональности, в результате чего появляются тексты второго — «уравновешивающего» или «оправдательного» типа. Таковы поздние романы, очерки, статьи. Лажечников, по-прежнему используя исторический материал, доказывает самоценность бытия русской провинции, обитателем которой он остается до середины 1850-х гг.

Служба, тем более на значительном посту, предоставляет ему немало возможностей. Он не только расширяет круг знакомств, находит в «семейных преданиях» сюжеты для новых произведений. Он возвращается к давней мысли о пробуждении культурных сил в русской провинции. Сначала он занимался сугубо педагогической деятельностью, теперь он расширяет сферу воздействия: здесь и благотворительность, и пожарные команды, и медицина, и увековечение важнейших событий, повлиявших на всю русскую культуру. Потому в «Тверских губернских ведомостях» появляется не только некролог Венецианову¹⁹, но и «Заметки для биографии Крылова»²⁰. Задача писателя-историка — не столько увековечить память о прошлом, сколько продемонстрировать важность этой памяти, доказать ее вневременную ценность.

Бесспорно, тексты Лажечникова в 1850—1860-х гг. воспринимаются современниками как часть «литературной провинции» и соответственно рецензируются — с позиций «литературной сто-

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. об этом: *Сорочан А. Ю.* Мотивировка в русском историческом романе 1830—1840-х гг. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. С. 104—108.

¹⁸ О трагедии «Опричник» см.: *Строганов М. В.* Лажечников и Тверь // Лажечников. С. 18—27.

¹⁹ См. в настоящем издании в статье «Тверская общественная жизнь...»

²⁰ *Лажечников.* С. 189—194.

лицы», которая «выглядит как некая доминирующая модель, определяющая культурное состояние той или другой эпохи»²¹. Провинциальный администратор Лажечников идеально вписывается в такого рода «плоскостную» литературную карту; и методы его (просветительской) деятельности кажутся архаическими, и литературные произведения строятся по шаблонам ушедшего «пушкинского века». Однако меняющиеся историософские взгляды Лажечникова по большей части обусловлены его административными занятиями. Усиливающийся интерес к провинции стимулирует обращение к новейшей истории. Первоначально исторические тексты Лажечникова основаны на общих для всех эпох нравственных законах, которые обретут полное воплощение в приближающейся утопии²². Позднее, пытаясь воздействовать на «провинциальное сознание» апелляциями к историческому опыту, Лажечников приходит к актуализации истории. История, как явствует из его собственных наблюдений, не столько урок, сколько объединяющее начало, призыв к культурному развитию, который может и должен быть услышан и подхвачен в провинции. В Твери Лажечников нашел подтверждение этому новому тезису; административная деятельность способствовала повороту в мировоззрении писателя.

²¹ Кошелев В. А. О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» нового времени // Русская провинция: миф-текст-реальность. С. 40; Ср.: Стrogанов М. В. Провинциализм и смежные категории // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию профессора Г. В. Краснова. Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2001.

²² Сорочан А. Ю. Добро и зло в системе художественных мотивировок И. И. Лажечникова // Дом Лажечникова. Вып. 1. Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2004. С. 155–165.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Статьи

<i>А. Ю. Сорочан.</i> Тверская общественная жизнь в 1840 – начале 1850-х гг. (из материалов «Тверских губернских ведомостей»)	5
<i>А. В. Шитков.</i> Коноплино: история поместья	19
<i>С. А. Васильева.</i> К биографии И. И. Лажечникова: из материалов Тверской ученой архивной комиссии	29

Чиновники и писатели: Тверская губерния в 1820–1860-х гг.

<i>М. В. Строганов.</i> А. Е. Измайлов в Твери	39
<i>Ф. Н. Глинка:</i> из неопубликованного. Записная книжка 1840–1850-х годов. Подготовка текста и комментарии <i>Т. В. Тарасенковой</i> и <i>М. В. Строганова</i>	78
<i>С. Г. Кашарнова.</i> «Ловители»: история одного стихотворения <i>Ф. Н. Глинки</i>	96
<i>Н. М. Коншин.</i> Две статьи из «Тверских губернских ведомостей». Вступительная заметка, подготовка текста и примечания <i>А. Ю. Сорочана</i>	100
<i>М. В. Строганов.</i> П. Ф. Вистенгоф в Твери: Забытые и неучтенные материалы	110
<i>Е. Н. Строганова.</i> К истории семьи Великопольских	122
<i>Е. Н. Строганова.</i> Тверские отголоски в творчестве <i>М. Е. Салтыкова-Щедрина</i>	132

Тверское окружение Лажечникова: материалы к указателю имен

Составитель <i>А. Ю. Сорочан</i>	151
--	-----

Вместо заключения

<i>А. Ю. Сорочан.</i> И. И. Лажечников: литератор и администратор	174
---	-----

Лажечников и Тверской край.
Вып. 2: Литератор в провинции
Статьи и материалы
Ответственный редактор А. Ю. Сорочан

Дизайн обложки Игоря Васильева
Фотография на обложке Александра Иволгина,
на вклейках Александра Шиткова
портрет Лажечникова работы А. В. Тыранова

Подписано в печать 25.11.06 Формат 60x84 1/16
Бумага типографская. Объем 11, 5 п. л.
Тираж 200 экз.

Издательство «Марина»
(4822)31-01-37, 8 920 684 6879

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»
170000, г. Тверь, ул. Советская, 15
8 910 532 1504